

ЭНТРОПИЯ
роман

ЛИСТАЮ СЛОВАРИ

Энтропия... Строго говоря, энтропия — это мера беспорядка в системе, стремление замкнутой системы к беспорядку... Второй закон термодинамики: в замкнутых системах с постоянной энергией энтропия всегда возрастает... Понятие энтропии было обобщено в статистической физике, а в последнее время оно вошло в теорию информации... «Как количество информации о системе есть мера организации системы; одно равно другому, взятому с обратным знаком», — слова Винера. Так... Система... Слово греческого происхождения («составленное из частей», «соединение»)... Так... Еще «система»... 1. Определенный порядок в расположении и связи действий (привести в систему свои наблюдения, работать по строгой системе). 2. Форма организации чего-н. 3. Нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей (грамматическая система языка)... Ладно. «В замкнутых системах с постоянной энергией энтропия возрастает...» То есть, беспорядок возрастает, и чем больше беспорядка, тем идеальней система...

Заманчиво... Беспорядок...

Беспорочный, -ая, -ое, -чен, -чна (устар.). Безукоризненно честный. Не то...

... ..

Беспорядок, -дка. 1. отсутствие, нарушение порядка...

... ..

Беспорядочный, -ая, -ое, -чен, -чная. Находящийся в беспорядке, бессистемный. (Беспорядочная груда бумаг, беспорядочные записи...)

А что там «замкнутый»...

Замкнутый, -ая, -ое, -ут. 1. Обособленный, отъеди-

ненный от общества, занятый своими узкими интересами... 2. Необщительный, скрытный...

Замкнуть, -ну, -нешь, замкнутый. 1. Закрыть (замок) или запереть дверь. 2. Соединить крайние части, концы чего-н.; сомкнуть... Спец. значение: замыкательные мускулы (у моллюска).

Замкнуться, -нись, -нешься... 2. Соединиться концами. (Цепь замкнулась, круг замкнулся.) Переносное: все объяснилось, стало на свои места.. 3. ...обособиться, перестав общаться с другими, став замкнутым.

Стремление...так... мана-мана... Ага.

Стремление, -я. 2. Настойчивое желание чего-н. добиться, что-н. осуществить; устремленность к чему-н. (Душевные стремления. Юношеские стремления.)

Уф-ф-ф... Энергия...

Энергия. 1. Одно из основных свойств материи — мера ее движения, а также способность производить работу... 2. Решительность и настойчивость в действиях...

Ну, что ж... Вроде все понятно. Можно начинать.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наташа! Не сопи мне под ухом. Я и так должен сейчас восстановить по памяти до чертовой уймы страниц текста предисловия. Ведь пожег же все, дурень...

... ..

Нууб убери плечо, я тоже х

... ..

Потом у тебя будет и время, и возможность. Сейчас быстренько набью... потом рассказы всуну, а там и до «Ласточки» рукой подать... ладно, поставь, я потом выпью... Да не убирай ты книжки, я оттуда списывать собрался!

... ..

Списывать нехоро

... ..

Уйдешь ты, наконец? Я придумал «диалог через машинку» вовсе не за тем, чтобы ты постоянно крутилась вокруг меня и мешала... Прошу прощения, читатель! Бабы, знаете ли... Вообще-то Наташа — миленькая девица (в чем вы убедитесь скоро, надеюсь), это она сегодня что-то уж больно разбаловалась. Радует, что я за машинку уселся... Вот, опять сопит.

... ..

Спасибо, что даме место уступить догадался... Ничего я не радуюсь. Во-первых, не поговоришь теперь по-человечески, а во-вторых, заболеешь опять, не дай бог...

... ..

Ладно, гуляй. И сделай телевизор потише, я тебя умоляю!

*«... Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете
Сказать хочу. И так, как я хочу.»*

Твардовский

«... – Да, редактор, я же вам говорю, редактор.

Он смотрел на меня так, будто у меня щека была раздута флюсом... Он без нужды мял манускрипт и крякал...»

Булгаков

ШЕСТЬ ЛЕТ НАЗАД

Когда «Ласточка» еще не была написана (впрочем, она и сейчас не готова, есть только несколько листочков черновика), я оформил на нее заявку и показал одному издателю. С трудом перегнувшись через стол, тот принял у меня из рук тоненькую рукопись и принялся читать, с видимым трудом разбирая лиловые каракули и переминая губами каждый абзац. Его кресло издавало благородное кожаное поскрипывание, схожее с пением тугого кошелька. Я терпеливо ждал, думая больше не о рукописи, а о сидящей рядом жене, которая была заметно бледна — так, что я опасался, как бы она не хлопнулась в обморок. Было очень душно. Пахло моим потом, взвешенной пылью и типографской краской.

— Анна, — проговорил я вполголоса, — ты выйди. Тебе нельзя в духоте.

— Ничего, — отозвалась она.

Анна специально увязалась за мной, чтобы помочь в случае чего. Она всегда была верным другом. Наверное.

Наконец, издатель отложил мою писанину, но тут же снова схватил и принялся гулять в каких-то пустяках, не решаясь сразу послать меня к чертовой матери. Я вяло отбrehивался, обдувая пивом мятые коленки. Мне уже

было и все понятно, и все равно, и ясно, что... Воздуха. Я глянул в окно — дело шло к дождю. Захотелось оказаться на улице и, задрав морду, подставить ее навстречу мороси. Надоело, в конце концов, разжевывать, зачем мой герой делает то-то, почему попадает туда-то, откуда такая странная форма изложения, что такое энтропия и прочий вздор. В душе поднималось нечто, что одни именуют гордостью, Анна — эгоизмом, а я — аллергией на холуйство. Какого черта?

Я приподнялся, протянул руку и:

— Другими словами, вам не интересно, — довольно грубо вырвал рукопись из редакторских рук.

— Ну, нет, почему же... — затрепыхались пиджачные крылья. — Только... почему... у вас... все... так... мрачно?

Многоточия сыпались из дяденьки, словно горох из драного мешка.

— Мрачно? — я был ошарашен. Ну, ладно там — грустно, безрадостно... Но мрачно?!

— Да... И вообще... Какова здесь доля личного, личных переживаний? Какова доля правды?

Да-а-а... Вот он и произнес это слово. Коричневый гладкий жучок, кормящийся рекламными проспектами, оказался на редкость пытливым.

— Меня интересует: это правда или фантазия, вымысел?

Нет, этот тип решительно не умел разговаривать с нежным племенем писателей. Мне моментально подурнело, задергалась щека. Анна заметила и встревожилась, она прекрасно знала, чем это все может закончиться.

— Правда или вранье — вы, вероятно, хотели спросить?

— Зачем же так...

— Затем, что противоположность правды именно ложь, а не фантазия, там, или вымысел. А вы построили фразу...

Аннушка умоляюще сжала мою готовую зажестикую-

лировать руку своей влажной ладошкой и я замолчал.

— Вы поймите меня правильно, — продолжал тот. — Я могу издать вас хоть сейчас, у меня есть все возможности... Но я имею право знать, что я издаю? Если, конечно, я приму такое решение...

— Всего лишь книгу.

— Ну...

— О-ой... — выдохнул я. — Да все я понимаю, интерес ваш... Но вы думаете, я сам знаю наверняка, где правда, а где, мягко выражаясь, вымысел? Тем более, что я не написал еще саму книжку. Откуда ж мне хорошенько знать, что получится? Я хочу, очень хочу рассказать правду, но, думаете, это легко? И кому нужен документ? Мне — ничуть не бывало. Анне? Ни в коей мере. Вам? А вам-то какая разница? Праздничное любопытство? К чему вам точно знать: я в этой кипе листов формата А4 или выдуманный некто? Тем более, что и кипы-то нет, сильно сказано, видите теперь, какой я человек увлекающийся...

Анне давно хотелось что-то сказать, и она воспользовалась секундной паузой, решила отвлечь нас друг от друга.

— Вы знаете... — обратилась она к Полиграфисту Полиграфитовичу. — Был такой китайский мыслитель, последователь Конфуция, по имени Чжуан Чжи. Как-то он уснул и ему приснилось, что он бабочка. Сон был настолько ярок и реален, что, когда Чжуан Чжи проснулся, он никак не мог понять, то ли ему приснилось, что он бабочка, то ли бабочке снится, что она Чжуан Чжи. Мера условности...

Ну, и пошло-поехало. Филфакнутой Анне только волю дай. Порозовела даже. И, пока они неумело препарировали уже задохнувшийся эмбриончик повести, я устало размышлял. Мне было ясно, что «Ласточки» не будет. Ласточка опять умерла.

Я с самого начала не хотел отдавать ее на растерзание ублюдку, которого собирался вывести рядом с ней в книге. Этот ублюдок совершенно не похож на меня того, и слишком уж смахивал на меня теперешнего. Да и форму я выбрал, действительно... чересчур. Формалист, блин,

сопливый. Знал ведь, что не потянешь... Потом — не поверит никто в эту историю. Слишком красиво и трагично, скажут. Так не бывает. Но будут держать «Ласточку» на полке, так, для развлечения, как красивую страшную сказку. И то — кто тебе сказал, господин литератор, что наличие в книжке дорогой для тебя (только для тебя, заметь!) правды делает книгу — этот предмет интерьера и отдохновения — чем-то таким... не знаю, как сказать. Вон и Анна верит в нее только потому, что видит, как ты мучаешься, и сама страдает, между прочим... Ей страшно. Она не знает, как с тобой обращаться, что делать, она боится твоих призраков — сколько раз она молчала об этом... Что ж ты за тварь такая, действительно! У нее скоро не будет другого выхода, как уйти. Или перестать верить в эту историю. Чтобы жить. А Ласточке это все зачем? Да, она хотела, чтобы ты писал, но едва ли она ТАКОЕ имел в виду.

Но ведь она была — птаха Ласточка (воскл. зн.) Была, не стиснутая в убогие литературные рамки (три воскл. зн.) Это не Ассоль, не уэллсовская девка из «Двери в стене» и не тургеневско-толстовская размазня. И черепаха Маха, и комната ее, и та неделя за городом, и все-все... Все, что называется... Ну, счастьем, чего уж там рожу-то кривить. Слово затасканное? Но ведь было же оно — счастье это самое (воскл.зн.) И теперь не будет никогда.

Потому что Ласточку — мою Ласточку — избили, изнасиловали, переломали ей пальца, ребра, истыкали отверткой и удавили в проволочной петле, мать вашу! Что прикажете с этим делать?

— Ладно, пойдем отсюда, Анна. Кончай ты этот балаган.

Мы подавленно брели сквозь полупьяную вечернюю Москву, молчали. Анна вздохнула:

— Ну и хмырь... Не обращай внимания.

— Угу.

— Что ты скис? Опять со своими призраками?

— Если угодно.

— Ты...

— Я тебя умоляю, Анна: не превращай разговор в третьесортную литературу. Призраки... ну что за призра-

ки? Что ты под этим понимаешь? По твоему, именно так надо вести разговор на эту тему? Я просто устал.

Но это были призраки. Они шагали с нами по проспекту, сидели за соседним столиком в кафе, ехали с нами в метро... Они ждали меня дома.

И мы не пошли домой. Вместо этого я взял Анну за руку и повел на детскую площадку. Раскрыл одолженный кейс, вынул черновики и расстелил их на грязной скамье качелей. Анна уселась, а я принялся раскачивать ее.

Скрипели ржавые петли, качался маятник. Анна молчала, понимая, что меня лучше не трогать. А я знал, что она любит меня, я тоже ее люблю, но скоро, очень скоро все кончится и мы расстанемся. Потому, что она хочет жить, а я как-то не слишком. Я уже обдумываю, как себя лучше прикончить. По уважительной причине: книжка, видите ли, не получается.

Скоро Анне наскучило катание, она спрыгнула, бережно собрала смятые листки, и мы поднялись домой. Разувшись, я первым делом скомкал рукопись и без сожаления выбросил в помойку. У Анны в который раз потухли глаза. Но у нее тоже было свое знание — она знала, что очень скоро черновики появятся вновь. И они появились.

Затем, чтобы свести меня с ума, только и всего. Вон, Наташа знает.

... ..

Да уж знаю. Ты закончил?

... ..

Да, на сегодня, наверное, да... А что?

... ..

Как что? Ужинать пора, странный ты человек. И спать не лишнее. Я, например, как доктор утверждаю: шестичасовой сон тебе просто необходим, особенно сейчас, когда ты пишешь. Я зануда?

... ..

Ты зануда. А это «особенно сейчас» продолжается у меня не первый год.

Но пожрать не мешало бы, тут ты права на все сорок градусов. У нас, кстати, не осталось ли немножечко варенья? Перед сном.

... ..

Варенье осталось, малиновое, например. Как раз перед сном. И сколько бы ты сейчас не писал, что ты не то имел в виду, я упорно не пожелаю тебя понять.

... ..

Да я пошутил, что ты... Я не сажусь за руль пишущей машины в нетрезвом состоянии... Кстати, чай с малиной я попью... Знаешь, чем пахнет чай с малиной?

... ..

Ну и чем?

... ..

Чай с малиной пахнет ангиной. Очаровательно, правда? «Чай с малиной пахнет ангиной». У нее было всегда поражавшее меня чувство формы. Она интуитивно чувствовала, какая композиция фразы является идеальной для выражения мысли, какой у фразы должен быть ритм, вес, эмоциональность. Есть такие самородки, от природы обладающие уникальным и по красоте певческими голосами, как актриса Савинова, например. У Ласточки был такой же дар разговора. Не знаю, в какой мере это было заметно и ощутимо для остальных, но я так просто наслаждался. Каждый диалог, разговор с ней — пусть даже на самую пустяковую тему — превращался для меня в сказочное путешествие, приключение. «Ты пробудилась и преобразила вседневный человеческий словарь», — так, кажется, у Тарковского. (Кстати, только сейчас вспомнил эти строчки, раньше не приходили в голову.) К сожалению, я не умею ни о чем говорить впервые и вновь. Иногда возникает такая иллюзия, я чувствую себя первооткрывателем, но это происходит чаще всего от элементарного невежества. Говорить я не умею — говорить с большой буквы, то есть. Выражая мысль, я стараюсь бить по кратчайшему расстоянию, не поэтизирую — так я понимаю уважение к слушателю. Однако зачастую выходит и угловато, и неясно, афористично и оборачивается неуважением к самому слову.

... ..

Кончай заливать. Ты пишешь неплохие стихи.

... ..

Куда!.. никогда не относился к этому серьезно. Пи-

сание стишков для меня выполняет функцию разминки. Даже не разминки, а так... Как барабанишь пальцами по крышке стола или затылок шилом почесываешь, размышляя...

Работая над рассказом, я почти всегда машинально рифмую в голове всякую ерунду по мотивам того, что собираюсь описывать — своеобразное интеллектуальное бормотание. Нет, Наташа. Это не имеет ничего общего с настоящими стихами, просто «барахтается в тине сердца глухая воображения». Есть только один стишок, который я люблю и который действительно был написан не походя. Единственный.

... ..

Ну?

... ..

Потом. Сейчас просто ни к чему. Ладно, давай ужинать. Завтра день долгий. Кстати, приготовься к длительно-могу молчанию — завтра могу к машинке и не пустить.

... ..

Эт-то еще почему?

... ..

Да потому, моя пахнущая шоколадом радость, что завтра я буду восстанавливать то, что пожег когда-то. Ты что — забыла? Я несколько страниц назад, кажется, говорил.

... ..

Нет, ну нормально. И что — записки писать?

... ..

Смысл? Я все равно буду заниматься только своими делами. Сходишь в кино.

... ..

Дурак ты. Мне все-таки представляется бредовой эта твоя затея с «диалогами через машинку». Как ты потом собираешься увязывать все, я просто не представляю. Ну, дело твое. Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не вешалось. Я всегда успею подкрасться к тебе с аминазином и вырубить тебя на пару часиков.

... ..

Ну, печатай, печатай. Все равно надо лист до конца

добить. Не начну же я на этом.

... ..

Да не знаю я, что говорить... А как ты собираешься восстанавливать тексты?

... ..

Мне, значит, опять щелкать, ага... Как? Я, представь себе, все помню. Потом, ты забыла, что наша цель не восстановление текстов, а имитация, но имитация предельно правдивая. Я хочу воссоздать картину... нет, нет то... Лес рубят — щепки летят, — помнишь пословицу? Вот и я хочу подобрать те щепки, которые отлетали во время последней моей попытки срубить дерево. Ой, как вычурно, мама моя... Тьфу! Правда, устал уже. Но лист худо-бедно доби-ли. Завтра проснусь... Так и начну, кстати. Это зарифмуется с «Летающим рабом».

КАК Я ДУМАЛ. КУРЮ

Проснувшись, я взглянул на часы и поморщился: начало восьмого.

Сколько раз говорил себе, что спать днем нехорошо: и настроение — ни то, ни се, и голова тяжелая... Опять ночь барахтаться.

Потянулся за первой «утренней» сигаретой и выматерился — пачка была пуста. Ладно, бычков довольно. Встал, расстелил на столе, прямо поверх черновиков, газету и принялся выуживать из пепельницы более-менее пригодные бычки, потроша их на кроссворд. Набрал достаточно табака, хотел оторвать для козьей ножки газетный краешек, но тут взгляд упал на библию. Смекнув, что в ней бумага потоньше, я выдернул лист из нее.

«Если при чтении библии вам встретится трудное для понимания место, отмечайте его карандашом и идите дальше. При внимательном чтении других мест Писания, Бог иногда проливает свет на трудное место, встреченное вами ранее. Единственный пра-

வில்ный способ изучения Библии заключается в том, чтобы сравнивать одно место с другим. Библия объясняет сама себя».

Свернув толстую самокрутку, я раскурил ее, уселся за стол и начал тупо перебирать написанные рассказы. Всю неделю я бился и не мог сообразить, как увязать их. Для меня очевидно, что связь между ними существует, хоть один написан четыре года назад и как совершенно самостоятельный, а вот тот кусок я рассчитывал превратить со временем в нечто большее... А этот — так... Шутка для друзей... Может, все зря? Не стоит мучиться? Чем плохо обычное линейное повествование? И потом, как их не монтируй, они не станут более интересными. Это же не кино. Читатель не любит работать. Ты сочинитель — ты и работай...

Если при чтении Библии вам встретит место, отмечайте его карандашом и иди чтении других мест Писания, Бог ино место, встреченное вами ранее. Единстве изучения Библии заключается в том, чтобы с другими. Библия объясняет сама

Стоит ли соединять рассказы, догружать их? Когда ты сядешь за «Ласточку»? Да, но ведь это, по сути, все «Ласточка». Я всегда держал ее в голове и, если и занимался чем-то другим, то потому, что хотелось пожить подольше. В любом случае — какая разница? Ты все равно не хочешь, чтобы эту книгу читали. Просто учти: все то, что ты настроил и еще собираешься, на самом деле взаимосвязано и очень легко. В известном смысле это

Если при чтении место, отмечайте его чтении других мест место, встреченное вами изучения Библии заключает с другими. Библия

мгновенный снимок, слепок твоего сознания, извини за громоздкость и торопливость сравнения. Как малейший кусочек голограммы несет в себе всю полноту информации об изображенном объекте, так и эта книжка будет нести информацию о твоих чеканутых мозгах. Другой вопрос: кому это надо, если даже тебе наплевать...

*Если при чт
место, отм
чтении др
место, встре
изучения
с друг*

А рассказы эти — как стеклышки в тубусе калейдоскопа. Как не поверни — какой-нибудь узор да получится.

*Если
место
чтени
место
изуч
с др*

Что ж... Может быть, может быть. Во всяком случае — попробуем. *Авось*, — подумал я, затушил окурок в пепельнице (Ну, а где ж еще! Вот они — ремарки эти долбанутые...) и, подумав еще минуту, открыл шкаф.

Взглянул на часы. Было всего 19-13... нет, 19-14.

ПИСЬМО

Заменяя у себя в комнате неисправную телефонную розетку, я слишком сильно рванул крепивший ее гвоздь, и плинтус, к которому та была прибита, отошел от стены. Образовалась изрядная щель, в которой я с удивлением

обнаружил тщательно свернутый и запечатанный восковыми кляксами листок бумаги.

Подписан он был следующим образом: «Андрею от Дюхи письмо». Андреем (и Дюхой), к слову, звали меня. Поэтому нет ничего странного в том, что меня слегка... как бы это покультурнее выразиться... нахлобучило, что ли. Дело в том, что я совершенно не помнил, когда засунул за плинтус это послание самому себе. Рассудив, что содержание записки как-то разъяснит мне все (да и просо — любопытствуя), я вскрыл «печати» и пробежал письмо глазами.

«Привет, Андрей!

Пишу тебя я. Мне сейчас одиннадцать лет, я учусь в четвертом классе «Б». Сейчас я пришел из школы и один дома. Сегодня я получил 4 по истории. Это плохо, ведь я собираюсь стать археологом, а он должен хорошо знать историю. Ты, неверное, уже стал археологом? Наверное, на раскопках очень интересно. А как Серый? Стал он футболистом? Передавай ему привет. И еще передавай привет Машке, Олегу, Димку и Хромому. Купили ему микроскоп или нет? Построил ли Олег свой лазер? Ведь телескоп у него получился. А Димка простили? Восстановили в пионерах? Зоя Александровна была не права.

Ну ладно, больше не знаю, о чем писать.

Ладно, пока. Передавай привет Свете Эккер. Наверное, вы еще дружите.

Пока!!! Всем-всем нашим — кого забыл — привет!

11 лет, 4 б класс. 16 мая 198... года»

Я прочитал это и усмехнулся, вспомнив себя — сопливого. Потом прочитал еще раз, отложил письмо, взял сигарету и прилег на диван. Закурил. (Обычно я не курю в комнате — терпеть не могу табачного дыма, как это не странно для курильщика.) Последний раз я позволил себе дымить в комнате, когда ушла жена. Кстати, и окурочок тот в пепельнице сохранился! Вот уж год скоро, как лежит. Экспонат, бля.

Я поставил пепельницу себе на грудь и принялся наблюдать за ее неровными, в такт биению моего сердца, подпрыгиваниями. Черт возьми, неужели волнуешь?

Скорее — злюсь. И на свою натуру дурацкую — вся-

кий пустяк из колеи выбивает, и на Олега — это его идея была письма в гребанное будущее писать, мать его... Да... Мы тогда, кажется всей компанией письма настрогали и попрытали, кто куда... Интересно, кто-нибудь еще, кроме меня, нашел свое или я один такой везучий? Да и кому находить-то, собственно... Все уж давно... кто где. Олег, пожалуй, единственный из нашей банды, с кем бы я сейчас с удовольствием поговорил. Жаль, не судьба. Когда...

Впрочем, не лучше ли будет письменно?

Я потушил окурок, поставил пепельницу на диван, открыл окно и сел к столу. Подумал минуту, вырвал из тетради несколько листов и начал:

«Привет!

Пишу тебе я. Мне сейчас двадцать пять лет, я уже давно нигде не учусь и с тех пор, как ушла жена, я один дома. Чтобы сразу исчерпать эту тему — моей женой была вовсе не Светочка, как тебе мечталось в свое время. Светочка Эккер давно уехала на свою историческую родину, где, вероятно, и вышла замуж. И правильно — здесь на ней вряд ли кто женился бы — шлюхой она стала к своим пятнадцати годам знаменитой. За пару индийских или югославских сигарет с фильтром она давал нам — прыщавым и трясущимся от желания юнцам — пожамкать свои упругенькие сиськи. Ты знаешь, а я бы и сейчас не пожалел двух сигареток, чтобы ощутить своей здоровенной и потной ручищей ее тело... Да, да, Андрюша, я тоже пользовался продажной благосклонностью Светочки Эккер. И знаешь, что самое отвратительное? Я, кажется, еще типа любил ее тогда. Правда, когда она начала давать по-настоящему, я уже не становился в очередь, чтобы вогнать ей. Противно было, да и боялся, честно говоря. Вдруг облажаюсь?

Что, хреново читать? А думаешь мне не хреново прочесть твою записульку? То-то. А рассказать тебе, где усе это со Светочкой проделывали? В раздевалке спортзала. Правильно, именно в той самой раздевалке, где ты как-то засунул в Светкин портфель записку с объяснением в любви. И что это за привычка такая дурацкая — записки подкладывать?

Короче, зря ты о ней ночами фантазировал, теребя свой писюлек. Надо было просто пихнуть ей, и дело с

концом (извини за каламбур)...»

Я закурил новую сигарету и продолжил. Пепел — на пол.

«Теперь о Сереге. Нет, Серега не стал футболистом. Он вообще никем не стал. После того, как какая-то шпана зарезала его отца, он на некоторое время замкнулся, потом вроде отошел понемногу... А потом сам, в свою очередь, связался со шпаной. Уж не знаю, зачем, тем более, что в колоде он не поднимался выше шестерки... Возможно, рассчитывал как-то выйти на тех, кто замочил его папашу... Или просто стало на все положить... не знаю, наши пути-дорожки разошлись. Помочь ему завязать с новой компанией мы, естественно, и не пытались. Зачем? Ему там было ништяк. Сейчас он сидит по второму разу — за групповое мочилово. Вместе с ним замели еще троих из тех, с кем ты скоро познакомишься. (Одного, впрочем, ты знаешь — Вовчик из второго подъезда.)

Ну, у Машки все более-менее: работает медсестрой, занимается своим ушу... Замуж, правда, не вышла — рожка подкачала, сам знаешь. Мы с Машкой видимся иногда на улице. Когда я поддатый — останавливаюсь поговорить, но обычно кивнем друг другу, да и пройдем мимо.

Хромой... Микроскоп ему тогда купили. (Вы потом будете развлекаться: дрончить и разглядывать в него сперму. Или всякую погань, которая разводится в жиже на дне помойного ведра...) Потом ему еще много чего покупали, например, коньки-«ледорезы», плеер... Последним родительским подарком стал мопед. Он погонял на нем четыре месяца и угодил под Икарус. Хромого выбросило из седла, и, в довесок, переехало Жигулями, а Икарус занесло, он врезался в столб. Водитель вылетел через лобовое стекло и минут двадцать умирал на асфальте. Вокруг собралась молчаливая, равнодушная толпа — ты тоже был там. Вернее, я был, тебе только предстоит увидеть человека с наполовину снесенной

черепушкой. Но на него я мало смотрел – тебя больше заинтересуют двое медиков, которые будут неторопливо покуривать, стоя рядом с труповозкой. Лишь когда водила умрет, они положат его на носилки и впихнут в свой пикап. Хромого засунут туда же.

До сих пор не понимаю, почему мужик с разбитой головой умирал на дороге, а эти козлы стояли рядышком, курили и ничего не делали. Люди вокруг. Детей много, баб...

Кто там тебя еще интересует? Ага, Димок... Димок.

Димка не простили и не восстановили в пильонерах. Но это скоро стало всем по барабану, так как пионерия загнулась. Пардон, соврал – года два она еще продержалась... Нет, даже больше... Да не важно. Главное не в этом, а в том, что Димок – наш бывший председатель совета отряда, бывший капитан КВН, бывший командир полковой разведки – он из школы ушел. Сначала в другую, а после восьмого – вообще. Год болтался, потом отец устроил его в автосервис. Работал там... А потом он выпил первую рюмку. А потом – косяк. Естественно – «герасим» следом подоспел... Около года на игле и «золотая пулька» в итоге (то есть – передоз, чтоб понял. Хотя... и так тоже не поймешь. Умер он, короче. Оставил записку. Я ее, понятно, не читал, но легко сообразить, что в ней. Тем более, что и сам создавал подобные шедевры. Ну, да ладно, не хочу тебя пугать раньше времени. Скажу только: будешь вскрываться – заткни уши ватой, а то, когда разрезаешь бритвой мелкие волоски на сгибе руки, стоит жуткий треск – в ванной же акустика хорошая. Самое страшное – этот треск. А так – пустяки, не больно совсем.)

Вообще, все наше поколение нервное какое-то... не то, что нынешняя пепсикольная поросль. Ты об этом много будешь думать. Потом. Что тебя самого ожидает? Сейчас расскажу в общих чертах... Только смотри – без обид, все по честному («по чесноку!» – как вы

говорите).

... ..

Дитя!
Подари мне
Один свой счастливый день,
Я хочу вспомнить,
Чем пахнет мой след.
Я тоже
Когда-то имел
Золотистую тень
И был окрашен
В розовый цвет.
На моих плечах
Сидело два бога,
Они любили
Шептать мне в уши.
С того дерева, где
Великан
Мог сорвать лишь
Желудь,
Я всегда срывал груши.
Но я постарел,
Облысели мои бока
И запах костра
Променял я
На дым табака.

... ..

Сначала о твоих бабах.

Ну, про детсадовских ты лучше меня помнишь. Про Эккер я тебе уже рассказал... начнем с первой. В смысле – с настоящей первой. Как ты сам думаешь, кто это был? Я тебе скажу. Только со стула не падай (или на чем ты там сидишь...) Помнишь Ирку Зарубину из

параллельного? За ней еще Володька ухлестывать пытался, крупный такой? Ну вот, с ней. Как это произошло? А, на днюхе у Олега. В общем, ничего интересного: жмакались, жмакались в родительской комнате, ля-ля-тополя... Через полчаса вышли ко всем – помятые и в общем – недовольные друг другом: опьянение все-таки. Вы ж тогда ни пить, ни трахаться, – ничего не умели. Потом, натурально, еще были пробы пера: вы с Иркочкой месяца три, наверное, мутились. Да ну... Вспоминать противно. Володька, кстати, тебя бить за Ирку пытался, однако безуспешно – ты ведь карате начал осваивать, шутя отбил. А он (Володька) расплакался и умолял: «Я прошу тебя: оставь Ирку! Оставь! Ну что она тебе???» Тебе стало муторно от этой сцены, ты развернулся, ушел и больше никогда не подходил к Зарубиной. (Она, между прочим, уже с третьим мужем живет. Да, собственно, что с этого?)

Потом было еще много всяких-разных, о которых нет смысла. Потом... Знаешь такое выражение: «Если тебя волнует какая-то проблема – переспи с ней ночь. Утром будешь смотреть на нее гораздо проще»? Так вот, ты четыре года занимался проверкой этого утверждения. Проблему звали Галя. Она была твоей женой. О ней тоже писать нет большой охоты. Скажу лишь одно: вы все-таки любили друг друга. Но она ушла от тебя – ушла неправильно, гадко. Только записку невразумительную оставила.

Хер с ней. Да и со мной – хер. Ничего интересного. Сам узнаешь.

Черт, я совсем забыл написать об Олеге...

Олег. Олег у нас стал офицером. Я думаю, ты этому не слишком удивишься. И то, что он оказался на войне – тоже ничего необычайного. Такое времяпрепровождение как раз для него. И, знаешь, война мало как действовала на Олега в плане психики – это по письмам видно (он писал мне часто – больше некому было писать, ведь у него со «шнурками» всегда напряженка была, а женой не обзавелся). Но на войне иногда убивают. В его последнем письме ко мне есть примерно такие слова: «Знаешь, смерть все-таки есть. Уж не знаю, какая: безноса или носатая, с косой или без, но есть. И

она ходит вокруг тебя кругами, кося сначала посторонних. Потом, подобравшись ближе, – не совсем посторонних (тут ты начинаешь ощущать ее присутствие, близость ее). Потом – близких. Круги все уже, она все ближе...»

Наверно, она уже заглядывала ему через плечо, когда он писал все это. И усмехалась глумливо.

Вот так.

Как знать, может, и за моей спиной сейчас она посапывает? Ведь круги сужаются, если Олег прав. А то, что я нашел твою записку – какой-то знак Судьбы?

Плевать. Я все равно никогда не умел их расшифровывать.

Ладно, пора заканчивать, я уже загнался. Никогда не любил писем писать. И это, вероятно, глупое вышло... Перечитывать не буду.

Пока, дружок. Не блюй в горшок. Привет там всем нашим.

р.с. надеюсь, я могу рассчитывать, что это все останется между нами? Ведь, сам должен понимать, приятного я мало что написал. Рожу набьют, и правильно сделают.

р.р.с. Привет Светочке. Да, запомни: она терпеть не может, когда ее целуют в шею. Вернее – терпит, но не любит.

3 ноября, 2001 г.»

Перечитав то, что я настрочил, я поморщился и разорвал письмо к чертовой матери. Потом взял еще лист и написал правду.

Дописав, свернул листки, закрепил их жвачкой и засуну за плинтус. Туда же отправилось и то, старое письмо. Плинтус поставил не место, розетку заменил, телефон подключил – работает.

ТЕЛЕФОН

Я ХОЧУ...

Звонок. Снимаю трубку.

— Алло.

— Здравствуй. Не разбудила?

— Нет, тебе не повезло.

Пауза.

— Так я слушаю тебя. Говори скорее, а то мне трудно удержать трубку в дрожащей от волнения руке.

— Ты не изменился... Мне бы хотелось, чтобы ты менялся, развивался...

— Я давно миновал пубертатный период. Так в чем дело?

— Просто хочу поздравить тебя с днем рождения.

— Мило, но несвоевременно. Я родился рано утром, а сейчас ночь... или вечер. Моя мать сейчас только корчится в преддродовой палате или где вы там обычно... Кстати, как там наша малютка дочь? В порядке? Лопочем милые глупости?

Пауза.

— Чего молчишь?

— Какая же ты сволочь, все-таки...

— Да, у тебя не хватило сил выносить моего ребенка. Зато хватает наглости носить мою фамилию.

— Ты теперь всю жизнь будешь меня мучить?

— Ты мучаешься? Дурные сны?

— У тебя все в порядке? Или опять мания самоустранения?

— У меня все чих-пых. Сижу вот и не знаю — то ли жизнь прекрасна, то ли я оброс мазохизмом. Ладно, шутки в ящички. Подскажи мне, пожалуйста, как тебя лучше оскорбить, а то я хватку потерял, давно не практикую.

— Свинья...

— Так просто? Изволь: ты — свинья. Получилось? За сим желаю тебе беспокойной ночи и невкусного завтрака.

Гудки.

...НАПИСАТЬ РАССКАЗ...

Звонок. Снимаю трубку.

— Алло.

— Привет! Чем занимаешься?

— Что — желаешь пустячного разговора? Рассказик пишу.

— Опять диалоговый? Как всегда?

— Что значит — как всегда? Я пишу диалоги, потому что это единственное, что можно передать без потерь. Читая диалог, ты тратишь на это примерно то же самое время, что и ведущие этот диалог. Потом, диалог — это, прежде всего, слово, и требует только нанесения на бумагу. А попробуй описать падающую звезду — событие утонет в ворохе сравнений, глаголов, наречий, прилагательных и прочего вздора, пусть и красивого. У литературы нет средств, чтобы запечатлеть прибытие поезда, как это сделали братки Люмьер в 1895, кажется, году. Не хочу, чтобы читатель работал, продираясь сквозь словесные дебри описаний. Заслужить репутацию «Замечательного живописца слова»? Нет уж. И звучит как... Как «слесарь-гинеколог». Слепой не увидит картину Брейгеля, прочтя ее описание, набранное шрифтом Брейгеля.

— Тронул большую мозоль?

— Эрогенную зону.

— Фу... Пойду руки помою.

— Так ты, собственно, чего звонишь-то? Сто лет, и — на тебе!

— Хочу приколом поделиться. Сегодня антенну новую купил, а там в инструкции забавная фраза: «антенна особенно эффективна в зонах стоячих волн». Как тебе это нравится?

— Что-то не догнал... «Стоячих» — написано?

— Так и написано. Выходит, радиоволны — вовсе не такая уж всепроникающая штука. Они, оказывается, и стоячими бывают. Сразу представляешь себе такую низину, где они скапливаются и закисают, словно талая вода по весне. Бред, конечно...

— Конечно. По всей видимости, этот термин означа-

ет что-то совершенно другое. Вот что значит физический подход к лирике. Словами не умеют пользоваться. Хоть в физике есть пассажи, которые прямо-таки литературой выглядят... Антенна-то работает? Советуешь?

— Работает. Жenuшка в восторге. А то все пилила меня, что дециметр не кажет ни хрена... Теперь сериалами облопается.

— Ладно, привет передавай.

— Ол райт. Но ты там на счет этих волн запиши, может, пригодится.

— Уже записал.

— Ладно, не буду отвлекать.

Гудки.

...ПРО ТЕЛЕФОН...

Звонок. Снимаю трубку.

— Алло!

— Алло, это межгород, Свету позовите, пожалуйста!

— Вы что — издеваетесь? Как не стыдно!

— Алло, это кто?

— Какая разница, кто это?! Света умерла, не звоните сюда больше!

— Как умерла?.. Этого не может быть...

— А вы что, ничего не знали?

— Разве я звонил бы тогда... Боже мой, боже мой... Я не должен был уезжать... Уmmm...

— Вы были ее другом?

— Да... Другом.

— Ах, значит, вы тот самый негодяй?! И вы еще смеете звонить в этот дом? Какое бесстыдство!

— Вы не понимаете... Я должен был уехать. Я видел, в каком она состоянии, но что я для нее?! Если б это было пять лет назад... тогда она была совсем еще... Я чувствовал, я чувствовал, что не следует оставлять ее, что она еще не устойчива... А с кем я все-таки...

— Избавьте меня от ваших исповедей и причитаний. На вашем месте я бы удавился. И уж во всяком случае — не звонил бы сюда. Ее настоящие друзья до вас доберутся, надеюсь. Будьте прокляты.

— Пого...

Гудки.

...НО МНЕ...

Звонок! Беру трубку!

— Твою мать, уже, кажется, ясно сказал вам...

— Что ты так задухарился, родной? Это ты мне сказал?

— А, это ты...

— А ты думал кто — управдом?

— Да звонил тут один тип, спрашивал какую-то Свету... попал в неудачный момент.

— Опять разыграл? Я ж знаю, как ты расправляешься с такими клиентами.

— Ага, разыграл. Сказал, что она умерла. Произошел довольно оживленный диалог, с причитаниями и всхлипываниями.

— Ай-яй-яй! Какой грех... И тебе не стыдно? Разве так можно шутить?

— А верить всему, что тебе говорят по телефону уверенным голосом — это не грех? Почему они верят, что крендель на том конце провода обладает правом, информацией и властью? Ведь они сами и наделяют меня этими правами, этой властью... откуда такая уверенность в том, что звоня Папе Римскому, ты должен непременно попасть к Папе Римскому? Что, если честно не признались, что номер набран не верно, значит, все путем? И абонент, с которым тебя соединили, обладает той же безгрешностью и мудростью, что и Папа? Откуда вообще эта вера в телефон? Вот ты — откуда ты можешь знать, что разговариваешь именно со мной, а если и со мной, то со мной, находящимся с тобой в одном времени и пространстве, а не в прошлом, скажем, или будущем... нет, это не я грешник.

— «Все мы ждем от телефона чертовщинки какой-

то... От телефона, от почтового ящика...»

– Иди ты...

– Я, собственно, что звоню-то... У меня номер на кальяне сменился, записывай... Записал? Звони, если что.

– Всенепременно. Привет жене.

– У меня нет жены.

– Я шучу, товарищЪ. Имеешь что-нибудь сказать?

– В общем, все по-старому...

– Нью-ню.

– Зайду...

– Заходи...

– Пока.

– Пока.

Гудки.

...ПОСТОЯННО МЕШАЮТ ВСЯКИЕ ПРИДУРКИ

Отключу-ка, я, пожалуй, телефон из розетки. Черт...
вечно я так, руки-крюки...

... ..

С добрым утром.

Пять минут до звонка.

Полстакана

Молока.

Для тебя — пара тостов

Мне паштет.

Не забыть захватить

Проездной билет.

Плохо слышу,

Повтори.

Завтра сходим,

Не реви.

Я не помню, по-моему — двадцать пять.

Дай, я выброшу.
Загляни под кровать.
Я впихну
Тебя в метро,
Выпью пива
За углом в бистро.
В воскресенье мы
Пойдем гулять.
Завтра брошу я пить
И беспокойно спать.
С добрым утром.

... ..

ДОВОЛЬНО ОЖИВЛЕННЫЙ ДИАЛОГ

— Который час? — спросил у случайного прохожего гражданин (который, напившись третьего дня пьяным в компании двух друзей, совершенно потерял присущий ему налет некоторой культурности и предложил произвести знакомство с двумя-тремя милovidными дамами, дабы продолжить увеселительные мероприятия. Компания со скрипом согласилась и завязался деловой спор: сразу купить дамам дорогих сигарет и легкой выпивки или подождать, когда ситуация несколько прояснится, так как женщин на горизонте пока не обозначалось.

После долгих и утомительных переговоров кто-то произнес слово «перетопчатся» и было куплено две бутылки водки.

Между тем начинало смеркаться, затем стемнело вовсе, а поиски сговорчивых женщин до сих пор не дали положительного результата. Водка уже подходила к концу, и в компании росло раздражение.

Здесь уместно рассказать о небольшом инциденте, произошедшем по вине вышеупомянутого гражданина.

По причине темноты и состояния опьянения сред-

ней тяжести он принял сидящего на лавке длинноволо-
сого молодого человека за девушку и начал его домо-
гаться, испуская волны сладострастия. Парень оказался
обладателем хриплого голоса и достаточно обширного
специального лексикона, которые и применил в общении
со своим соблазнителем, стараясь нанести ему глубокое
оскорбление. На свою беду, парень не разглядел в ночи
силуэты двух друзей нашего героя, которые не дрались
уже со школы, но были не прочь вспомнить молодость.
В результате короткой стычки у молодого человека тоже
прибавилось впечатлений о своей юности.

Кровавое происшествие несколько снизило уровень
адреналина в крови троих искателей приключений. Они
остановились под негорящим фонарем обсудить более
мирную программу действий, то есть: к кому из них пойти
домой и там надраться уже чисто по-мужски — до извер-
жения рвотных масс из желудка. Однако событиям суж-
дено было разворачиваться иначе.

Заметив идущих неподалеку двух юных барышень,
наш неутомимый и чересчур деятельный гражданин ко-
ротко вскрикнул и бросился за ними вдогонку. Его спутни-
кам ничего не оставалось, как последовать за ним.

Девушки, обернувшись на топот и увидев приближе-
ние явно не святой, а очень даже грешной и пьяной тро-
ицы, пустились бежать, оглашая воплями равнодушную
в своей пустоте улицу. Озверевшие самцы продолжали
преследование с упорством, достойным лучшего приме-
нения.

Позади осталось два или три квартала и погоня уже
вступила в свою решающую фазу, когда барышни резко
свернули и юркнули в подъезд, где вполне мог проживать
некто, доводящийся им родней или просто хорошим зна-
комым. Потеряв объект своего преследования, компания
остановилась и присела на корточки, тяжело переводя
дух. С одним из них неожиданно случилась истерика, и
он принялся громко хохотать, повизгивая и разбрызгивая
слюни. Чтобы пресечь это, приятели взялись лупить его по
морде, но оплеухи, вопреки врачевным утверждениям,
только разжигали в нем веселье и не помогали ничуть.

Один бог ведает, чем бы это закончилось, но тут наш
герой, на которого сегодня нашел какой-то особый стих,

обратил внимание на трубу котельной, торчащую неподалеку.

Узрев в ней источник новых сильных ощущений, он, ни слова не говоря, подошел, взялся за ржавую скобу ступеней и полез наверх.

Следом за ним, источая вздохи и проклятия, корячились его верные друзья.

Осыпая друзей грязью с подошв, гражданин достиг вершины, откуда разразился потоком несправедливых, вздорных и по-юношески безапелляционных утверждений по поводу человечества и вообще мироздания. Оставшись весьма довольным этим упражнением, он принялся бранить и осуждать своих товарищей за то, что они тоже взобрались на трубу, обвиняя их в слишком сильном алкогольном отравлении.

Кое-как спустившись на землю, гражданин глотнул из предложенной ему бутылки, что привело его в бессознательное состояние.

Очнувшись на следующее утро в незнакомой постели, гражданин долго разглядывал свои перемазанные ржавчиной ладони, недоумевая, что с ним эдакое приключилось. За его спиной раздался приглушенный смех, и на грудь ему плюхнулось что-то тяжелое, оказавшееся двухлитровой бутылкой крепкого пива. Обернувшись, он увидел одного из своих вчерашних приятелей, сидящего на диване в окружении двух простолюдинок второй молодости с наглаватыми, но вполне доброжелательными физиономиями. На журнальном столике перед ним стояли еще четыре бутылки и нехитрая закуска, пригодная для похмельных желудков.

Приятель не спешил развеять недоумение своего гостя, но в процессе веселого диалога выяснилось, что эти два создания — его давнишние соратницы по времяпрепровождению и только сильная «усталость» помешала ему вспомнить о них вчера. Гражданину было предложено одеться и присоединиться к веселому обществу.

Когда была опорожнена четвертая бутылка, приятель взял гражданина за локоток и вывел в коридор. Там он быстро заговорил ему что-то вполголоса, сопровождая

монолог таинственными движениями рук вдоль бедер. В улыбках девушек сквозило понимание.

Разливая по стаканам последнюю бутылку, гражданин задел баночку с домашним томатным соусом и опрокинул ее себе на брюки. Одна из дам предложила подняться в ее квартиру этажом выше, застирать пятно и выпить чего покрепче. От выпивки гражданин решительно отказался, но привести себя в порядок представлялось ему необходимым; под молчаливое одобрение приятеля он принял приглашение.

У новой знакомой, которую звали Верой, пришлось-таки выпить три рюмки паршивого бренди и съесть целую тарелку жареного мяса, иначе, по словам Веры, он рисковал обрести в ее лице личного врага. Ему пришлось даже, пока сохли брюки, воспользоваться штанами ее мужа, так как ходить в трусах перед малознакомой женщиной было неудобно и приносило ощущение некоторой беспомощности.

Вера заставила его выпить еще бренди, под которое они уничтожили оставшийся на сковороде запас мяса.

Потом как-то само получилось, что они оказались в койке, где долго и нудно занимались любовью, пытаясь, однако, изобразить некие проблески страсти.

Когда все закончилось, кровь стукнула гражданину в затылок. Почувствовав сильный рвотный позыв и боясь проблеваться в лицо Вере, гражданин выпил еще рюмку. Только тогда тошнота прошла.

Надев не совсем просохшие брюки, он начал осторожно прощаться, ссылаясь на дела и неосведомленность родных о месте его пребывания. Вера вздыхала, покорно выслушивая явно знакомый текст.

У двери она склонила гражданина к прощальному поцелую, пригласив заходить еще, но только днем. Гражданин неопределенно пообещал, а за порогом первым делом вытер губы тыльной стороной ладони. Дома он отшвырнул ногой голодную кошку, прошел в комнату, лег на диван и уснул, с отвращением вдыхая запах своего невымытого тела).

... ..

— Сейчас посмотрю... Половина девятого, — отве-

тил гражданину случайный прохожий (у которого третьего дня не произошло ровным счетом ничего, способного увлечь читателя. Да и позавчера, впрочем, тоже, если не считать, что, обслуживая в магазине клиента, он пробил чек не на пятьсот рублей, а на пять тысяч и имел по этому поводу очень неприятный разговор с начальством).

Дома он мрачно съел невкусную уху из консервов вместо ожидаемого мяса и наорал на жену за то, что штаны его лежат, где попало. Обнаружив, что в бутылке коньяка недостает половины, он обозвал жену пьяной селедкой. Она обиделась и легла спать пораньше.

Прохожий долго сидел на кухне, допивал бренди, который считал коньяком, курил и разгадывал кроссворд. Кроссворд оказался целиком посвященным литературе и потому был скучен.

Прохожий лег спать во втором часу ночи и предпринял попытку исполнить свои супружеские права и обязанности, но жена пресекла, жалуясь на головную боль.

Под утро она отлежала прохожему руку. Он проснулся и долго растирал предплечье, сидя на кровати.

Следующим днем было воскресенье. Прохожий провел его, чиня приемник и помогая жене выжимать белье.

В понедельник, как обычно, он шел утром к остановке и гражданин лет двадцати пяти, помятого вида, спросил его, который час. Он сказал, что полдевятого).

— Спасибо, — поблагодарил гражданин и поморщился (потому что у него как раз в этот момент разболелось колено. Он ушиб его, выходя в субботу из Вериного подъезда и споткнувшись о решетку для чистки обуви).

— Угу, — кивнул прохожий и тоже поморщился (так как нащупал в кармане билет денежной лотереи, которую смотрел по телевизору каждое воскресное утро, а вчера забыл. Но потом прохожий подумал, что это и к лучшему. Все равно никогда не выигрывал).

Лотерея только портила ему завтрак: он глотал плохо прожеванные куски, огрызался на Веру, матерился, а потом рвал билет, нервно курил на балконе и, как правило, отвергал предложение жены пойти на прогулку).

Гражданин запрыгнул в автобус и уехал.

Так произошла мимолетная встреча двух людей, достойная, быть может, более глубокого и менее утомительного описания, однако автор надеется, что ему удалось в достаточной мере верно передать события.

... ..

Да, друзья мои (хотя — чего это я вас в друзья-то записал? Не рановато ли?). Да, пить нехорошо. Когда была жива Ласточка, я вообще не пил ни грамма. Отсюда вывод: если парочка вместе пьет — значит, там любовь не живет. Умозаключение индуктивное, но верное. Лозунг прям.

Черт, некстати я о Ласточке вспомнил. Впрочем... А когда это было кстати?

Нет, другое — разве забывал?

О... дождик пошел...

... ..

РИТМ-ЭНД-БЛЮЗ

... ..

Словно кошечка

Ты подошла к окошечку

Там дождя завеса и Солнце сквозь...

Там

Ласточки игривые с

Облака дождливого

Сорвались

В гнезда бело-глиняные.

И

Капельки лучистые —

Горстью и поврозь —

Бьются в стекла чистые

И стекают весело
В земляное месиво
Вот
Покрылся лужами
Сад с плодами поздними
Грозovým гроздьями
Взбухли небеса.
— Я люблю тебя...
Тоже тебя люблю...
Вспыхнули...
И выпали
Над цветами южными —
Гибнущими розами —
Ставшие ненужными,
Ставшие росой —
Наши голоса.
Полукружье радужное...

*Впрочем, дальше неважно.
Здесь нет Ласточки.
Здесь — судороги.*

... ..

Я..

Он проснулся от того, что ноги свело судорогой. Это всегда случалось с сильного похмелья — особенно, если пьянка продолжалась несколько дней, а именно так и было в этот раз. С трудом приоткрыв глаза, он повернулся с затекшего бока на спину и сел в кровати, чтобы помассировать голени. Движение было слишком резким; глаза заволокло зеленью и немедленно потянуло плевать. Нашарив под кроватью тазик — давно не споласкиваемый, с тягуче плескавшейся на дне пенистой желчью, он нагнулся над ним, сунув два пальца в глотку. С минуту желудок вхолостую сокращался, пытаясь выдавить из себя хоть что-нибудь, но тщетно: в таз потекла лишь обильная слюна, которую невозможно было слотнуть. Наконец, позывы кончились, вернее, человек скрутил их, находясь уже

на грани обморока. Задвинув тазик обратно, он со стоном повалился ничком, уголком одеяла вытер с лица пот, слюни и натужные слезы. Тошнота отступила, но человек знал — это ненадолго и короткий промежуток между приступами надо употребить с умом, то есть: суметь протолкнуть в себя то, что должно было остаться после вчерашнего. Достав бутылку из щели между кроватью и тумбочкой, он глянул ее на свет — чуть меньше половины. «Значит, вчера купил не две бутылки, а три» — подумал он. Затем свернул пробку и сделал осторожный глоток. Бренди обожгло ободранное блевотиной горло, закружилась голова и накатила та совершенно особенная слабость, когда тело становится невесомым и прозрачным, мясо словно отстает от костей, а мысли обретают цвет и звук, становясь галлюцинациями. Кажется, вот она — смерть. Однако, стоит хлебнуть еще хоть раз, все проходит. Он сделал это, оставил бутылку и подождал, пока рожденное алкоголем тепло прогонит судороги. Когда это случилось, он медленно допил остатки.

«Все-таки по утрам лучше бренди, а не водка. От водки тут же спать снова клонит. Нет, бренди лучше.»

Вскоре он пришел в себя настолько, что захотел покурить. Сигарет на тумбочке не оказалось. Тогда он спустил ноги на пол, встал и добрел до окна, где на подоконнике стояла пепельница. Выбрав в ней окуроч подлиннее (со следами губной помады на фильтре — Верин), достал из кармана зажигалку (вот что, оказывается, упиралось ночью в бок), прикурил от нее, глубоко затянулся. Табак оказал свое обычное утреннее воздействие: тело обмякло, отяжелело, а настроение, начавшее было повышаться, испортилось. Вспомнилось смутно, что какая-то история вчера произошла. Что-то неуклюжее совсем... Но что именно? — вопрос. Надо позвонить Вере, выяснить. Или не стоит?

... ..

Знакомимся с Верой-Верунчиком

Ты — тот орешек, что не по зубам,
А в пах.

Читаешь и ждешь,
Когда я нагрею постель.
Я лежу, придавив хрипящую тень,
За окном осыпается день,
И я чувствую страх.
Что говоришь? День-тень?
Ничего сойдет.
Ты целуешь мне грудь, перед тем,
Как всадить туда нож.
Рот твой полон серых камней,
Ты суешь их мне в уши.
Скрестив с тобой шпаги,
Я чувствую гадкую дрожь.
А скрестив с тобой ноги,
Я мечтаю оказаться в душе.
Но если я плюну в колодец глаз твоих,
То мне снова придется напиться, а из
Водки никто, никто не вышел сухим.
Конечно, опять про нее, родимую...
Весною снег
Превратится в грязь.
Земля раздвинет ноги навстречу дождю.
И ты уйдешь (*теперь ты*),
А я останусь стоять, глупо смеясь,
Одной ногой в вонючей луже,
Другую ногой — в раю.
И если я гений, как ты говоришь иногда,
То мне самое место в цирке.
А тебе
Не стихи посвящать,
А бутерброды называть
Именем твоим
Бутерброды называть
Говорю
Именем твоим...

Докуриваем и бычкуем.

... ..

Он дососал окурок, выбрал другой и тоже раскурил. Между тем и погода за окном портилась. Ветер крутил над землей желтые листья, обрывки бумаги, полиэтилена и прочий вздор, а над всем этим, чуть не цепляясь за антенны, неслись тучи и несли в себе несколько дней дождя. Людей на улице не было видно: дремлют, наверное, перед телевизорами, переваривают воскресные обеды... Точно — сегодня воскресенье.

«Что же там с Верой?»

Ветер вдруг дернул особенно сильно, окно распахнулось и, смахнув по пути пепельницу, больно ударило рамой по лицу. Из рассеченной брови закапала кровь. Окурок вылетел изо рта и упал на ковер, завоняло тлеющей синтетической шерстью. Весь пол у окна усыпало пеплом, шариками старой жвачки, пивными пробками. О «бычках» и говорить нечего — они валялись теперь по всей спальне. Пахнущие селедкой, покрытые следами грязных рук шторы затрепыхались на сквозняке, но форточка в комнате напротив с грохотом захлопнулась, и они обвисли. Человек матюгнулся, закрыл окно. Хотел было поднять опрокинутую пепельницу, но передумал и попросту запиннул ее под шкаф. Потом раздвинул занавески пошире и продолжил созерцать двор, не обращая внимание на ссадину.

Через несколько минут небо совсем потемнело, первые дождевики мазнули окно. В небе — высоко и неподвижно — парила какая-то одинокая в своем безумии птица. Сверкнула близкая молния, раскат задребезжал в стеклах. Птица оставила свои игры, спикировала между домами и скрылась.

Хлынул дождь — в полную силу и, повинувшись порывам нервного городского ветра — сразу во все стороны: заметался дворами и переулками, разбиваясь со слепу о стены и сползая в грязь.

Он был из тех дождей, капли которых, случается, проедают зонты насквозь, и слепота его была уродством (так уродлива воняющая помойкой городская чайка, ни-

когда не видевшая большой воды).

Так или примерно так думалось человеку у окна. Полный тупой похмельной агрессии, он хотел сделать что-нибудь мерзкое и бессмысленное, соответствующее погоде: харкнуть ли на пол, сломать ли что-нибудь, разбить пару тарелок... Или позвонить Вере и сказать ей какую-нибудь гадость.

... ..

Продолжение про Верочку

По небу ползет серая лень,
А ты — мое вечное Да —
Лижешь мне руку.
На мой полигон
Никогда
Не входят без стука,
Но ты — мое вечное Да —
Вползла, как мигрень.
Меня сегодня рвало и метало.
В унитазе — вся прошла ночь.
А ты просочилась, нахальной металла,
Под твоими ногами гниет моя плоть.
Мне снилось, что я убиваю собак.
Оставь мою руку — она так холодна.
Да приходил я вчера...
Я слышал стук ложек,
Я не стал стучать в дверь,
Ты была не одна.
Я пахну, как гильза,
На коленях мозоли,
Кость моя тонка.
А ты ценишь время, как проститутка,
И тебя не пугает тик-так курка.
Я хочу, чтобы ты пришла.
Прямо сейчас.

... ..

Кстати, что же вчера случилось?

Ветер понемногу стихал, и дождь теперь садил по размягшему, глинистому двору с ровным, лишь слегка прерывистым шорохом. Включенный, но потерявший волну допотопный, тонконогий приемник вторил ему своим электрическим шипением, изредка взрываясь радиопомехами в ответ на молнию. Человек подошел, крутанул настройку и увел приемник с пустой волны, но попал на новости и выключил его совсем. Тот был горячий — работал всю ночь.

Позвонить Вере.

«А интересно, придет она, если ее позвать? В такую-то погоду? Если просто так: ни «здравствуй», ни «как дела», а позвать — и все? Едва ли. Если придет — плохо. Значит, я для нее не просто гарант пьяного перепиха, а нечто серьезнее. И все, что было между нами до сих пор, должно было оскорблять ее. Не дай бог... Если она придет... Что прикажете с этим делать?»

И что все-таки было такого прошлым вечером, если даже сама память оберегает меня от этого знания?»

Он подошел к телефону, снял трубку и набрал номер Веры. «Не возьмет после четвертого гудка — брошу трубку и не стану перезванивать», — подумал он. Но она откликнулась. Сразу.

— Але... — у нее был сонный голос.

— Привет. Это я.

— Вот оно что... Ну, здравствуй. Зачем звонишь?

— У меня все лицо в крови, — брякнул он первое, что пришло на ум.

— Как это?

— Курил у окна, оно распахнулось, тварь, и хлопнуло меня по роже.

— Бедняжка. Что, очень больно?

— Издеваешься? Попробуй — сама узнаешь.

— Да я и так знаю. Благодаря тебе.

— В смысле?

— Не прикидывайся ты. Совсем обнаглел уже... За-чем ты вообще звонишь, какого черта, блин? Ты ведь ясно вчера дал понять, что между нами все кончено. Куда уж яснее... Между прочим, ты и в петлю собирался залезть. Я уж думала, что никогда тебя больше не услышу. Что — струсил?

— Погоди, погоди... Какую петлю? Что ты плетешь? Что кончено?

Слышно было, как Вера выругалась вполголоса с ус-талым удивлением, потом вздохнула, помолчала и еще вы-ругалась.

— Ну! — поторопил он.

— Что, «ну»? Баранки гну... «Ну»... Ты что — в самом деле ничего не помнишь?

— Так ведь нет же! — подтвердил он почти с отчаяни-ем. — ЧТО, ЧЕРТ ВОЗЬМИ!.. произошло?

— Допился дядя...

— Вера...

— Если коротко — ты мудака. Подробнее?

— ...

— Ну, ладно. Вчера, когда мы прикончили вторую бутылку и нам, как всегда, приспичило... мы завалились в постель... Хоть это ты помнишь?

— Это помню.

— Чудесно. Завалились, значит, и все такое... В самый интересный момент ты повел себя несколько странно, мягко говоря. Припоминаешь?

— Погоди, погоди... — пробормотал он, действи-тельно что-то припоминая. — Я сказал тебе какую-то га-дость, верно? Да, точно. Прости... Помню, на меня что-то вдруг нашло... невесть откуда взявшаяся ярость. Понима-ешь — опьянение... уже не первый день... эти наши общие запахи в темноте...

...Ему казалось, что он вспомнил все отчетливо: и аро-мат женского увлажненного тела, и вонь давно немытого собственного, и запах несвежих простыней, и горько-кислый вкус подкатившей отрыжки, и гулкий стук двоих сердец, качающих пьяную кровь... И как он подумал тогда: если это продлится еще хоть секунду — может случиться что-то отвратительное. «Но ведь в этом нет ничего тако-

го... — подумал он, — ведь я, кажется, просто уснул, вот и все. Или?..»

— Да, все эти запахи в темноте, опьянение... — повторил он. — Вот у меня и сорвало немного крышу. Стало страшно — не пойму, почему. Я тебе что — ничего не объяснил? Сразу завелся? Я даже не помню, как ты ушла.

— А про петлю, выходит, я для красного словца приплела? Мило.

— Да расскажи ты, наконец, толком! Что я забыл?

— Сущие пустяки. Ты, конечно, лег спать, но между тем, как ты сделал это и тем, как ты прервал наше увлекательное занятие, ты, в частности, съездил меня по морде.

— Я?!

— Ну не об окно же я ударилась. Ты разбил мне всю морду, сволочь.

— Вера!

— Заткнись. Ты бил меня до тех пор, пока я каким-то чудом не нащупала выключатель и не зажгла лампу. Свет немного привел тебя в чувство. Бить меня ты перестал, но зато плеснул мне в глаза бренди. А когда я заорала от боли и закрылась ладонями, ты отодрал их, плюнул мне в лицо, потом стащил меня на пол и пнул в живот.

— Не может быть!!! Ты врешь!

— Да пошел ты на хер! Скотина. У меня зуб шатается.

— Но ведь... Если это правда, мне остается только сдохнуть!

— Вот-вот! Примерно в этом духе ты и выразился, когда немного поостыл, выпил стакан и начал плакать. Потом разбежался и трахнулся башкой о дверцу шкафа. Из этого ничего особенного не вышло, и ты уселся на корточки и заныл: «Ве-е-е-ра, Ве-е-ра, спаси меня... Мне кажется — я не переживу эту весну... Я повешусь сегодня, Вера! Я повешусь...» И еще что-то. Мне, признаться, было не до того, чтобы тебя утешать. Я и сама мало, что соображала. Оказывается, это больно, когда тебя бьют. Ты всегда был сильным мальчиком, я с тобой ничего не боялась.

— А потом? — еле слышно спросил он.

— Да ничего. Потом ты действительно уснул — прямо рядом со шкафом.

— Брось болтать! Все ты врешь. Я проснулся на кровати.

— Это я тебя туда перетащила.

— Ты?!

— Ну, сначала я, правда, полчаса стояла над тобой с ножом и прикидывала, куда тебя лучше пырнуть. А потом взяла тебя под мышки и плюхнула на кровать. Надо сказать, это было не легко, хоть ты и похудел за последнюю неделю. Потом я ушла. Да, я еще выпила перед уходом. Не сильно я тебя ограбила? Хватило опохмелиться?

— Хватило.

— Уже, небось?

— Уже.

— Ну — спокойной ночи...

— погоди, Вера, не вешай трубку!

— Что тебе еще? Я все рассказала. Оставь меня в покое.

— Приходи, Вера.

— Нет, как вам это нравится?! «Приходи...» Зачем?

— Приходи, пожалуйста.

— Нет.

— Мне плохо!

— Нет!

— Я прошу тебя...

— ...Ну ладно, — ответила она после долгого молчания. — Сейчас приду. Хотя — убей меня бог! — я не знаю, почему это делаю. Зачем я вообще с тобой разговариваю?! Другая бы... Какая же я дура, блядь... Йод захватить?

— Не надо, пустяки. Ты скоро?

— Скоро: ведь на макияж времени не тратить, бесполезно. Ладно, до встречи, свинья. Да! Посмотри: у тебя где-то в районе кровати должна валяться моя заколка. Ты ее у меня вчера с головы содрал... вместе с клоком волос. Я перед уходом искала, но не нашла.

Вера повесила трубку.

Он доковылял до кровати и упал не нее лицом вниз. Мыслей не было, не было и стыда. Никаких угрызений совести — спасибо бренди. Только страх: сейчас придет Вера. Что дальше?

Тут он вспомнил про заколку и принялся шарить в складках простыней. Заколка вскоре нашлась — действительно, с клоком волос. Это она, наверное, упиралась ночью в бок, а вовсе не зажигалка. Он положил заколку на тумбочку и снова улегся.

Раздался звонок в дверь. Человек не пошевелился. Звонок повторился — на этот раз с одновременным стуком. Он поднялся, обреченно поплелся в прихожую и стал у двери.

— Открывай, я же слышала, как ты подошел! — послышался раздраженный Верин голос. — Не будь свиньей. Открывай, что за фокусы еще! Я совсем промокла.

— Да пошла ты... — пробормотал он.

— Открывай, ну же! — кричала Вера. — Что ты там — умер, что ли? Открывай или я разнесу эту чертову дверь, а следом твою голову, клянусь. Ты невыносим!

— Да пошла ты!!! — заорал он и тоже саданул что есть силы в дверь. — Брысь, сука, сволочь, тварь! Пошла вон, шлюха, а то сейчас правда открою и еще добавлю, если не хватило! Вали отсюда, пока я тебя не убил.

С этими словами он посмотрел в глазок и тут же отпрянул — Вера плюнула в него.

— Ну, все, урод... — услышал он. — Теперь уж точно никогда не приду. Сгниешь один в своей вонючей квартире. Сдохнешь по дороге в магазин.

Потянуло сигаретным дымом — это Вера закурила, дожидаясь лифта. Человек бросился в спальню, схватил с тумбочки заколку, подошел к окну и распахнул его. Выглянул — Вера уже вышла из подъезда и быстро шагала по улице. Он прицелился, запустил в нее заколкой — не попал. Вера услышала звук ее падения, обернулась, заметив — подобрала, посмотрела вверх и крикнула что-то, но плотная стена дождя заглушила слова. Тогда Вера показала человеку сжатую в кулак правую руку с вытянутым средним пальцем и скрылась за поворотом. Человек закрыл окно, не желая трезветь от уличной свежести.

Трезвость, однако, наступала своим чередом. Скоро вернется головная боль, тошнота, трясучка... А главное — мысли. Сейчас только и не хватает сознания собственной

подлости, ничтожности, никчемности! Нет уж. Человек выдвинул верхний ящик стола, достал деньги, — так иные достают револьвер, собираясь застрелиться, — сунул их в карман, опять вышел в прихожую. Обуваясь, поискал глазами зонтик, вспомнил, что на днях забыл его в такси и вздохнул.

Придется идти так. Плевать.

... ..

Дождь оказался на удивление теплым, а ветер, так яростно бушевавший наверху, здесь почти не чувствовался. Корпуса многоэтажек служили хорошей защитой, и лишь когда человек выходил на открытое пространство, ветер бросался из-за угла, норовя сшибить с ног, но это продолжалось недолго — до тех пор, пока не начиналась стена следующего дома.

Проходя мимо одного из них, человек посмотрел на окна седьмого этажа: там когда-то жила та, в которую он был влюблен. Она давно переехала, а еще раньше он разлюбил ее, но привычка смотреть на ее окна осталась.

Путь ему вскоре преградила лужа — она всегда, сколько он себя помнил, была на этом месте: не успевала высыхать от дождя к дождю. Обычно он обходил ее, но в этот раз лужа растеклась настолько, что, обходя, пришлось бы делать большой крюк. Подумав секунду, человек нагнулся, закатал брюки, снял ботинки, держа их в левой руке, шагнул в воду и, не спеша, пересек ее, чувствуя отвыкшими от босости ногами холодную ребристую асфальта, проступающую сквозь тонкий слой склизкой донной грязи. На другом берегу обулся и двинулся дальше.

Заболел желудок — с каждым шагом все сильнее. Человек закрыл глаза, прошел вслепую еще несколько шагов и остановился, пережидая. Язва. Опять язва. Не удивительно. Может — не пить? Нет, сегодня в последний раз. Еще разок — и все. Теперь уж точно все: последняя сотня в кармане... Купить пару бутылок, растянуть их, мягко выйти из штопора, а то глюки начнутся. От этого в одиночестве можно сойти с ума. Скорее бы добраться до магазина. Пробежаться, что ли? Нет сил уже плестись по этой улице. Плевать на желудок. Пусть хоть взорвется.

Боль в желудке притихла, и человек побежал. «Толь-

ко бы сердце не выскочило, — подумал он. — А то права окажется Вера.»

Услышав за спиной звук приближающейся машины, посторонился, пропуская ее. Машина объехала его, резко затормозила и встала поперек дороги.

— Стоять! Руки на капот! Ноги расставь!

Его обыскивали.

— Почему побежал, когда нас увидел? — начали допрос.

— Я вас не видел.

— Как же не видел — мы за углом стояли. Ты увидел нас и побежал. Руки на капоте держи!

— Я вас не видел!

— Не ори. А зачем бежал тогда?

— Тороплюсь.

— Куда?

— Домой, — соврал он неизвестно зачем.

— Так... Фамилия, имя, отчество, место прописки.

Он назвал.

— Ну и разит от тебя... Рубашку-то зачем расстегнул?

— Не знаю, — он действительно не знал, зачем и даже не помнил, когда и где сделал это.

— А рожу где разбил?

— Дома.

— Как же дома, если ты туда бежишь? Кстати, дом, который ты назвал, как раз в той стороне, откуда ты так торопишься. Садись в машину.

— Да пошел он в жопу, всю машину испачкает, — вмешался другой. — Вызывай перевозку, она тут недалеко... Э! Э! Ты куда, сука?!

Человек ударил локтем назад, попал по значку — руку словно пронзило током, вырвался и бросился наутек. Услышав за спиной шум погони, обернулся — за ним гнался один, на ходу расстегивая кобуру. Другой разворачивал машину, намериваясь обогнать и перекрыть человеку путь во дворы. Но не успел — то уже добежал до перекрестка, свернул и мчался теперь узкой дворовой улочкой. Больше он не оглядывался.

— Стой! Стой, сука, стрелять буду!

«Хрен тебя. Черта с два ты будешь здесь стрелять», — подумал человек. Но преследователь выстелил.

Первая пуля, как и положено, ушла в небо. Вторая должна была отправиться следом, но беда в том, что преследователь поскользнулся, и выстрелил уже в падении.

Человек не почувствовал сильной боли — просто зверский удар между лопаток. Он сшиб его с ног, в то же мгновение переставших существовать для него: пуля перебила позвоночник. Потом — взрыв дурноты и наступившая вслед за эти необыкновенная ясность уходящего сознания, которое уже нечем было занять, да и нельзя было успеть сделать это. В глазах потемнело, а когда зрение ненадолго вернулось, человек обнаружил, что лежит на горке мокрого песка, из которого торчит забытая кем-то детская лопатка.

Он успел еще подумать, что вот умирает и сейчас должен быть пресловутый тоннель и полет по этому тоннелю, но никакого полета не было — ни вверх, ни вниз. Просто сначала тьма, а потом — ничего.

Дождь между тем все продолжался, и конца ему видно не было. Только через два дня выглянуло солнце, но ненадолго. Снова зарядил дождь.

Весна вообще выдалась на редкость скверная.

.....

Весна действительно что-то скверная...

.....

ТОСТЕР

— ...Ну, как ломтик хлеба загоняешь в тостер, понятно? — спросил я, не рассчитывая, впрочем, на понимание. Глеб из породы тех правильно изъясняющихся дураков, в чьих мозгах с трудом помещается скверно вызубренный

курс высшей школы. Но псевдообразованность делает их еще более неповоротливыми, чем они есть от природы. Парадоксов Глеб не терпит. Вот если мысль излагать: а) скучно, б) с преобладанием цепных местоименных связей, лексических повторов и сложных предложений, в которых избылиуют глаголы первого лица множественного числа, — тогда Глеб поймет. Он...

Ладно, вообще-то, я не собирался представлять Глеба. Рассказ и без того обещает быть скучным.

— ... понятно?

— Не понятно. При чем здесь память?

— Ох, как я тебя люблю, Глеб. С тобой так интересно.

— С тобой тоже. И кофе у тебя паршивый.

— Да... Давно пора за распространение растворимого кофе привлекать к уголовной... Короче, надо тебе что-то вспомнить. Наверняка есть разные способы, но я лично поступаю так: загоняю эту задачу себе в подсознание и перестаю думать об этом. В подсознании идет незаметная для тебя работа вспоминания. Когда она завершится — а она обязательно завершится, рано или поздно — воспоминание вдруг осеняет тебя. Выскакивает, как поджарившийся хлеб из тостера. Теперь ясно?

— Так бы и сказал, что похоже на программу поиска данных в сети.

— Это как угодно. Ты пользуешься компьютером, а я для этих же целей использую тостер. Правда, иногда тостер срабатывает не вовремя: когда ты возлежишь с барышней, например, или просто спишь...

— А я тебя вовсе не об этом спрашивал. Не знаю, почему ты меня вспоминать учить взялся.

— Извини, значит, это я тупой. Но что тебя, в таком случае, интересует?

— Меня интересует: почему мы часто забываем нужные и важные вещи? И еще: почему вдруг ни с того, ни с сего из памяти всплывает такая ерунда, что не поймешь — на фига? Абсолютно, казалось бы, ничем не вызванные воспоминания.

— А, вот ты о чем... Ну, а ты сам-то как думаешь?

— Да никак, потому и спрашиваю.

— Ну, так я тебе скажу. Дело в том, что если все воспоминания объективно ненужные и неважные, зато субъективно — следи! — все воспоминания важны. Вот и все.

— Гм...

— Че ты гымкаешь... Я не закончил. Страдай дальше...

— И не надо, я с тобой уже не согласен. Почему это все воспоминания важны? В голове и мусора полно.

— Не подставляйся под остроты... По той же причине, по какой для тебя важны твои яйца. При танцах они мешают, пинка по ним дадут — больно... Сплошные неудобства, в общем. Но попробуй предложи тебе кастрацию...

— Нашел, с чем сравнивать. Может, это твои воспоминания похожи на яйца...

— Да не в яйцах суть, — сказал я, смеясь. — Яйца там, или уши — не важно. Важно то, что они не нужны тебе ежесекундно, но, тем не менее, они остаются важнейшей частью тебя. Кстати, о яйцах — ведь ты скоро женишься?

— Оставь ты в покое мои яйца. Я уже забыл, о чем речь.

— О воспоминаниях.

— Ну да... Все важны, говоришь... О'кей. Тогда скажи мне, за каким чертом я вспомнил о Галеньке Громовой? К чему?

— А кто это? — поинтересовался я.

— В том-то все и дело! Месяц назад, если бы ты произнес при мне это имя, уверен, я бы и ухом не повел. А теперь я думаю: боже! Как же я мог забыть ее!

— И: «О, черт! За каким тертым хреном я ее вспомнил», да?

— Типа...

— Слушаю... — обреченно вздохнул я, закуривая. — Ты так редко балуешь меня историями. Давай, начинай. «Я проснулся» там, или «Я ехал», «Я увидел ее, когда...»

— Кстати — угадал. Я проснулся. Дай сигарету...

— Держи.

— Я проснулся вчера с каким-то смутным ощущением, будто не могу вспомнить что-то важное. Знаешь, наверное... В душе происходит какая-то работа, настроение

плавает, мозги ворочаются, а ты не только не можешь никак на это повлиять, но и не понимаешь, на черта тебе это надо.

— Честно говоря, со мной такого не случалось. Так, привяжется мелодия дурацкая — ведь день вертится, или ночью, перед сном, вдруг вспомню глупость детсадовскую — настроение вянет.

— Нет, это не то. Было, так сказать, предчувствие воспоминания, которое я не заказывал.

— Интересно...

— Интересно тебе... ну вот. Болтался я в этом состоянии по дому, болтался, так ничего и не вспомнил (думал: может, съездить куда надо или купить чего) и, плюнув, пошел в гараж возиться с машиной. Когда я проходил дворами, то из одного окна высунулась женщина и закричала: «Галя! Домой!». И я вдруг понял, что мое никак не вспоминаемое воспоминание связано с этим именем — Галя. Однако мне понадобилось еще полдня, чтобы вспомнить ее фамилию — Громова.

— Так что это за Галя Громова?

— Галя Громова училась со мной в институте, но... Ушла с первого курса. Мы были в параллельных группах. У нас ней был роман, который продолжался всего три недели.

— И ты забыл об этом?

— Напрочь! Всех помню: детские влюбленности, школьные, первую, случайных баб, баб, с которыми было более-менее серьезно, но вот Галку забыл. А ведь у нас было все очень красиво... Мы с ней часто оставались после лекций в аудитории, где было пианино, сидели, разговаривали, она играла мне... Цветы, стихи... Все-все рассказывали про себя друг другу... и все такое... ты не представляешь, сколько подробностей, мелочей мне вспоминается сейчас! Так и стоит перед глазами. Целые сцены — с диалогами, жестами, интонациями... Все разом. И ты знаешь, я, наверное, был счастлив тогда.

— А потом забыл об этом.

— Вот именно. Это не дает мне покоя. Почему? Почему я забыл? И почему вдруг вспомнил? Не могу этого понять и боюсь даже теперь. Кто мне скажет, что еще там

такого в моей башке... Не думал, что так бывает.

— А почему вы расстались?

— Не важно. Мне неприятно об этом и больно.

Минуты две мы молча курили, заполняя дымом паузу. Потом я подытожил:

— Выходит, ты никак не поймешь, что за игры с тобой практикует твоя память. А на самом деле все комплиментарно. Забыл ты Галю потому, что тебе, как ты сам выразился, больно и неприятно, а память, как правило, старается не донимать лишними стрессосодержащими воспоминаниями тот организм, на котором она паразитирует.

— Может быть...

— Ну, а раз вспомнил — значит, все, край. Иначе нельзя было.

— Не понял.

— Ты Наташку любишь? — спросил я прямо.

— Что за вопрос? К чему ты...

— К тому самому, — перебил я. — Так любишь или нет?

— Ну, люблю.

— Следовательно, память сделала ставку на аналогию. Выхватила ситуацию, окрашенную теми же эмоциями. Другими словами — опыт. Вот и все. Это обычное дело. Будешь умирать, увидишь, как перед глазами пронесется вся жизнь — память будет искать аналогию, опыт, который поможет тебе справиться и выжить. Так и здесь. Или память рекомендует тебе поступать с Наташкой так, как ты поступал с Галей, или — наоборот, рекомендует воздержаться от ошибок.

Глеб заметно побледнел.

— Может быть, может быть... — растерянно пробормотал он. — Но тогда я был не при чем, я не был виноват... Я не при чем.

— Ты забыл, что я не знаю, что там у вас произошло, да и не имею ни малейшего желания знать. Своего довольно. Да! У меня что-то было по поводу памяти написано... Давно еще...

Я порывался в столе, достал тетрадку с набросками шестилетней давности, полистал..

— Вот, нашел. Слушай. М-м-м... Вот, правда, не сначала, но ладно: «... А память бьет беспорядочно, но сильно. Особенно сейчас, когда тает лед и всплывает зловонный трупик прошлого...» Это там просто действие весной происходит, поэтому про лед. «Зато часы бьют отстранено и безопасно. Часы бьют ровно и старательно. Я весел, крутюсь в колесе под названием Время. Но меня тошнит... Дай мне руку... Нет, не надо, я могу проснуться. Я устал от пробуждений...»

— Да, похоже, — отозвался Глеб мрачно. — Это ты?

— Как сказать... Кстати, на счет пробуждений. Вспомнил одно свое. Как-то открываю глаза, а в голове звучит фраза: «Ее касание, ее плечо». Как заголовок. Понимаю, что фраза как-то связана с приснившейся мне девушкой в светло-голубом платье. Но ни лица этой девушки, ни сюжета сна... А фраза так и осталась в голове: «Ее касание, ее плечо». Именно, как заголовок, звучит. Ритм хороший, очарование в ней какое-то... Может, когда-нибудь рассказ напишу.

— Пошел я до дома, до хаты, — прервал меня Глеб и поднялся. — Спасибо за кофе.

— Велкомм. И забей на все. Память — то же болото. Низина, в которой гниет талая вода. Не течет, не развивается, все воспоминания там существуют одновременно — и сегодняшние, и старые... Диффузируют, перемешиваются, всплывают, опускаются... Предоставь болоту жить собственной жизнью. Не лезь туда. Особенно по весне. Весной утонуть можно...

— Почтовый ящик, — вдруг сказал Глеб.

— Что?

— Помнишь, мы как-то пацанами взяли и раскурочили почтовый ящик? Письма рассыпали в грязь.

— Да, точно. Еще собрали их потом, притащили тебе в гараж, читали и ржали... Тошно. А что?

— Да вот мне пришло сейчас в голову, что память здорово похожа на почтовый ящик. Воспоминания, как и письма, лежат... одновременно... в одном месте... Потом в один прекрасный момент... Ну, ладно, не умею я. Кстати, эти письма до сих пор у меня в гараже, кажется. Давай, пока. Пиши свои рассказы...

— Пока, — и я закрыл за ним.

Вдруг у меня тоже испортилось настроение. Вероятно, это было связано со словом «весна».

Я открыл бар, вынул бутылку водки, достал с полки сказки Андерсена, улегся в кресло и начала грустить. На третьей рюмке я почувствовал себя лучше, а на третьей сказке грусть прошла.

Потом я лег спать.

Снилась всякая гадость...

... ..

Мне снилось,
Что я пью водку
На кухне с твоим отцом.
И он говорит мне,
Какой я хороший парень.
Мне снилось, что я уже умер
Так и не став мудрецом,
И дети хоронят меня
Не в гробу, а в рояле.
Мне снилось,
Что я стою,
На белом полу у белой стены
И некуда плюнуть мне,
И некуда пепел стряхнуть.
Мне снилось,
Что в окна мои заглянула
Немытая
Пьяная
Морда весны
И кинула потную шлюху
Мне на грудь.
Но когда я,
проснувшись,
Решил закурить,

Пачка была пуста,
Впрочем —
Как и постель
Рядом со мной.
И я стою в ванной
Со щеткой в зубах,
Боясь разлепить глаза:
Вдруг в зеркале
Чистит зубы
Кто-то другой?

*Рассказик, что ли написать?
Делать все равно нечего...*

... ..

ЕЕ КАСАНИЕ, ЕЕ ПЛЕЧО...

«Мне было отраднo. Я встал и с легкой душой, с тонкой и безотчетной уверенностью сказал всему: «Вам, знаки и фигуры, избежавшие с значением неизвестным и все же развеселившие меня серьезным и одиноким весельем — пока вы еще не скрылись — вверяю я ржавчину своего Несбывшегося». А. Грин. «Бегущая по волнам».

«...Мое сознание, вдруг выйдя из круга игры, наполнилось повелительной тишиной, и я услышал особенный женский голос, сказавший с ударением: «...Бегущая по волнам». Там же.

Мне было ..дцать, когда я увидел первый из этих снов, и с тех пор они снятся мне почти каждую ночь. Они давно стали частью ее черноты — красноватой, словно зевок. Для кого-то — автомобильное шевеление города, зноб-

ливое лясканье железной дороги, для меня — сны. О Ней. Все остальные я забываю, эти — никогда.

Чаще всего мне снится, что я быстро движусь по улице в сторону дома. Я не в автомобиле, но движение стремительно. Впереди, на обочине, я замечаю чей-то силуэт. По мере моего приближения выясняется, что силуэт принадлежит девушке, одетой в белое. Девушка стоит так, словно поджидает меня. Движение замедляется. В несколько метрах от нее я останавливаюсь, вдруг начинаю чувствовать ногами землю, понимаю, что мой непонятный полет закончен, теперь я должен идти самостоятельно, и в несколько шагов преодолеваю расстояние до той, что меня ожидает. Ни слова не говоря, в обоюдном нашем молчании, она берет меня за руку, приникает ко мне, я чувствую ее касание, ее плечо, на которое кладу руку... И еще одно чувство захлестывает. Это не любовь, нет. Скорее — блаженство и успокоение. Блаженство и успокоение нашедшего.

Чувство это, поначалу оглушительное, быстро выдыхается, как только я просыпаюсь. Остаются только сопливый покой и нежность — чувства копеечные и надоевшие. Я потягиваюсь, спускаю ноги с дивана, плетусь в ванную чиститься, смотрю в забрызганное зубной пастой зеркало и, случается, говорю себе: «Дурак! Давно пора прекратить этот «дорожный» роман с несуществующей бабой!» — и тут же пугаюсь этих слов, как кощунства неслыханного... Потом следует завтрак, дневная суета, вечернее сидение перед телевизором, иногда друзья, иногда — девки какие-то... В общем, мура, к чему я, переболев и любовью, и ненавистью, и участием, и созерцанием, давно равнодушен. Единственное, чего я по-настоящему хочу — это спать. И видеть сны. Вот и ответ, почему я до сих пор жив. Сон — это та единственная не захваченная, незахватанная чужими руками, не истыканная свечками часть пирога, которую я могу есть без брезгливости. Ведь в моих снах нет ничего дневного. Поэтому в сравнении с теми, кого по ночам распекает начальство или кто собирает с пола оброненные кем-то многие тыщи, я силен и счастлив.

Я действительно счастлив.

.....

*«В момент величайшей опасности
страх не знает сострадания».*

Гай Юлий Цезарь. «Галльская война»

Я ехал довольно быстро. Движок моего «двухсотого», недавно побывавшего в ремонте, работал ровно. Проспект по раннему времени был совершенно пуст и для комфортной и ненапряжной езды были все условия, если бы не одно обстоятельство — я еще не пришел в себя после ночной попойки. Но дорога, как уже сказано, была пуста и я иногда позволял себе немного расслабиться: закрывал ненадолго слезящиеся глаза, но тут же снова распахивал их, боясь заснуть. До нужного поворота оставалось метров двести, когда усталые глаза в очередной раз заволокло. Я зажмурился и снял руки с руля, чтобы потереть лицо и тем самым отрезвить себя немного.

Все произошло очень быстро. Разомкнув веки, я мгновенно среагировал и до упора вдавил педаль тормоза. Но было уже поздно. Визжа обдираемыми шинами, мой «мерс» поддел носом что-то светлое и оно грузно плюхнулось на капот, тупо стукнув по лобовухе. Стекло треснуло и оскалилось трещинами.

Человек! Я сбил человека!

«Мерин» вильнул, тело отшвырнуло куда-то вбок, а я, падло, вновь дал по газам и умчался, оставив его... ее умирать на дороге.

Девушка, лежащая на дороге в грязно-окровавленном, еще десять... пятнадцать... двадцать секунд назад белом платье, стремительно удалялась вглубь зеркала заднего обзора... Исчезла. Остались только мои безумные, налитые красным, пьяные глаза.

... ..

... не стал осматривать машину. Просто загнал ее в гараж, запер и поднялся к себе. Квартира, как всегда, встретила безразличной и неопрятной пустотой, запахом застарелого дыма и закисшего ведра. Заслышав шаги, беззлобно зарычал холодильник. Радио выкрикивало

что-то бессвязное детским голосом. Потом пошли сигналы точного времени и вслед за ними заставка новостей. Не желая слушать ни о каких происшествиях, выдернул приемник из розетки, достал из холодильника бренди и пошел в комнату.

Две недели провел в пьяном полузабытье, в квартире с отключенным телефоном, молчащим приемником и разбитым телевизором. Пил и ждал милицию, ждал милицию и пил — то один, то... не один. Деньги закончились, вышел из запоя, так и не найденный в ходе оперативно-розыскных мероприятий органами правопорядка. И я не покончил с собой, остался жить и успокаивать себя тем, что случилось то, что должно было случиться. Вернее, не совсем то... В идеале должно было произойти следующее: девушка проголосовала, затормозил, подвез ее, куда она попросила, познакомились, завязался роман... Но что-то в последний момент на заладилась, и... случилось то, что случилось. Так успокаивался. А что делать? Что? Ну — что? Все равно получил свое. А какие теперь снятся сны... Сколько времени прошло, а снятся...

Да. Машину потом все-таки осмотрел — ничего страшного, как выяснилось. Стекло, конечно, вмятины... Ничего. Только после осмотра опять напиться пришлось. Клок волос к радиатору пристал, прямо с лоскутом... Зажигалку поднес, сжег и... прямо на капот... Такая мелочь, казалось бы, по сравнению, а бьет по нервам больше всего остального. Остальное — как сон.

Не так все должно было... А теперь жизнь: уснул — проснулся, уснул — проснулся. Уснул...

... ..

У меня
Много общего со смертью:
Гнилые зубы,
Бледность,
Холодные руки...
У тебя —
Черты жизни:
Смех,

Оргазм,
Цветные танцы...
Но мы идем
Рука об руку,
Ножом о нож,
Железом о стекло,
Как в древнем кодексе Бушидо,
И зеркала жмурятся,
Отражая нас.
И когда ты со мной,
Кошка спит в моей груди,
Обняв лапками мою душу.

*Кому это, как вы считаете?
Ей, конечно. Кому же еще...*

... ..

ЛЮБОВЬ ЕСТЬ, НО МЫ ВСЕ УМРЕМ.

Проснулся не слишком рано, но и не слишком поздно, не слишком бодрый, но и не сказать, чтобы угнетенный чем-либо. Потянулся, спустил ноги с дивана и встал. Зевнув, прошлепал в ванную, где умылся, почистил зубы и причесался. Потом вернулся в комнату, заправил постель, оделся по-домашнему и отправился на кухню. Поставил на плиту чайник, сел к столу. Было воскресное утро.

Позавтракав, сделал несколько звонков по телефону, послонялся без дела по квартире и, наконец, осел перед телевизором. Вооружившись пультом, без мысли и цели переключал каналы, пока не наступило время обеда. Оделся, вышел на улицу и купил в ближайшем магазинчике полторашку пива, чтобы после обеда побалдеть немного, смотря сериальчик или спортивную программу. Так все в итоге и было: сидел в любимом кресле, потягивал пиво и смотрел сначала киношку про благородного бандоса, потом ток-шоу, потом — музыку... Иногда, впрочем, от-

влекаясь, чтобы поговорить по телефону — то дружбаны позвонят, то подружка какая-нибудь...

Так прошел день. Настало время ужина. Разогрел то, что нашел на плите, поел перед телевизором, запивая куски остатками пива. Вечер провел все так же — перед ящиком. Потом принял душ и лег спать.

Так закончился воскресный день. А в понедельник...

Однако, это уже другая история.

Чтобы навалить всю эту муру, я потратил ровно десять минут сорок секунд, да и то потому, что печатать больно — ноготь сорван немного.

«Ну, и зачем ты, придурок, все это наколбасил?» — спросите вы. — «Делать что ли нечего? Подумаешь — завтрак, телевизор, обед... Ну и что? У меня, что ли, таких воскресений не бывает? Да полно!»

Верно. Все верно. Ничего в моем рассказе интересного нет, все заурядно. Поэтому в следующей раз, когда вы так проведете свой день, вы подумаете: «Черт... Что-то это мне напоминает... Ах, да! Недавно прочел дурацкий рассказ, где было то же самое... Как же он назывался... Постой... А! «ЛЮБОВЬ ЕСТЬ, НО МЫ ВСЕ УМРЕМ.» Точно, любовь есть, но мы все умрем. И что за галиматья...»

Только за этим я и написал ее, затратив на все про все... так... теперь уже шестнадцать минут. Только за этим. Всего наилучшего.

.....

Не задолбали Вас мои пробуждения?

.....

КИНОТЕАТР

«Побывали они и в театре, и в Зоологическом саду, и в кинематографе... Белым блеском бежала картина, и, наконец, после многих приключений, дочь вернулась в родной дом знаменитой актрисой и остановилась в дверях, а

в комнате, не видя ее, поседевший отец играет в шахматы с совершенно не изменившимся за эти годы доктором... В темноте раздался отрывистый смех Лужина. «Абсолютно невозможное положение фигур», — сказал он...»

Владимир Набоков. «Защита Лужина».

Мы гуляли с Илоной по городу, когда дождь, до той поры едва моросивший, превратился в ливень, и это обстоятельство заставило нас искать укрытия: от ливня нет спасения под зонтом. Оглядевшись, мы обнаружили, что топчемся рядом с кинотеатром, и поспешили туда.

В предбаннике, где находилось окошечко кассы, оказалось тесно, так как полсотни бедолаг, подобно нам с Илоной попавших под дождь, уже обсыхали там. Тогда я постучал пальцем в стекло и купил два билета. Мы прошли в зал и сели в последнем ряду.

— Уау... Ладно, хоть голова сильно промокнуть не успела. Не люблю, когда волосы мокрые, — пожаловалась Илона.

— Да... Кто бы мог подумать, что погода станет такой агрессивно романтичной! — поддел я ее. — Ведь предупреждали тебя, что ливень будет — так нет. Воскресение — надо гулять, и всё.

— Ой, ладно, только не начинай. А разве это не романтично — прятаться в кинотеатре?

— Поговори об этом с Ли Харви Освальдом, он лучше знает, романтично это или нет.

— Не дави интеллектом. А что за фильм?

— Черт его знает... Звуковой художественный. Старье какое-то, судя по всему... Из жизни средних слоев кинозрителей.

— Ладно... Посмотрим. Черт, сто лет в кино не была! Ты почему меня в кино не водил никогда, а?

— Ну — вот сводил... Слава богу, хоть серенаду под окном петь и цветочки дарить меня никакой дождь не заставит.

— Очень смешно.

— Ничего смешного! Не дай бог — узнает кто — мне

ж руки никто не подаст, скажут: докатился. Скоро «любовь-вновь-кровь-бровь» в ход пойдет.

— А о моих подругах ты подумал?

— Рано еще. На ночь — обязательно.

— Скажи кому, что мужик за полгода ни разу в кино не выгулял — оборутся.

— Да пусть хоть обо...

— Что?

— Ничего. Давай посмотрим что ли ради приличия, чем нас угощают.

Несколько минут мы оба молча смотрели на экран. Там развивались следующие события: джинсовый юноша привез ситцевую барышню на истоптанный босыми ногами пустой пляж. Они вышли из потрепанной, похожей на баржу белой «Волги», и стали на берегу реки. (Как выяснилось из их щебета, Волги — такая своеобразная внутрикадровая тавтология.)

— Ну же, возьмитесь за руки! — подбодрил я их.

Они послушно взялись за руки.

— А теперь повернитесь друг к другу, сделайте счастливые лица, чтобы мы поняли, как вам хорошо, и чтобы влюбленные, сидящие в зале, тоже нашарили в темноте друг дружку, обнялись и поняли, что и им тоже хорошо...

— Да помолчи ты, невыносимый человек! — одернула меня Илона, пока эти чудики исполняли мои приказания. — Сыта я по горло твоим цинизмом.

— Ладно, ладно, смотри...

«У тебя глаза цвета неба... — экранный чувак принялся раздраконивать свою гимназистку и делал это, на мой взгляд, пошло и бездарно. — «Я раньше и не верил, что бывают такие синие глаза, думал — писательские выдумки...»

Крупным планом показывали восхваляемые глаза, чтобы мы смогли воочию убедиться, что парень не брешет.

— А у меня такие же синие глаза, как у нее? — спросила Илона.

Я совершенно уверен, что это действительно было простодушие, и вопрос был задан без подвоха. Илона у

меня, в сущности, совсем еще девочка. И не научилась пока иронией, сарказмом или другими фишками направлять разговор в более интересное русло. Правда, она умеет вставлять довольно сложные обороты (типа, «да помолчи ты, невыносимый человек...» и т. д.), но обороты эти, как правило, подслушаны по ящику или прочитаны в книжке. А вот: «...у меня глаза синие?» — здесь она вся, без глазури. Именно поэтому мне и стало не по себе. И именно поэтому происходящее вдруг необычайно заинтересовало меня.

Дело в том, что фильм был черно-белый.

— Сейчас, подожди, еще раз покажут — не успел разглядеть.

Показали.

— Нет, Илона. Тебя глаза гораздо синее. Вон, видишь — как небо над рекой. Такие же.

Я получил свой честно заработанный поцелуй в щеку.

Фильм шел. Парочка любовалась серым небом, лежала на сером песке, подставляя серые лица снятому сквозь диафрагму «16» солнцу, выглядывшему на фоне ровно-серого неба ярко-белой дыркой, изъяснялись затасканными словечками, а я — не сказать, чтоб размышлял, а так... Думалось мне...

О том, как часто и скольких девушек я заставлял счастливо улыбаться в ответ на мои слова и о том, сколь часто я сам улыбался. О том, что многие бережно хранят мои письма и перечитывают их, с гордостью показывают самым, что ни на есть, близким, и я храню, перечитываю, показываю, таскаю с собой при переездах, отводя им почетное место среди прочего багажа. О том, что у всех нас есть любимые воспоминания, которые мы холим и лелеем, которые мы призываем на помощь в самые трудные периоды нашей жизни, за которые мы благодарны судьбе и скорее забудем лицо собственной матери, чем сотрем из памяти... ну, хоть бы и теплый летний день, проведенный на речке в обществе возлюбленной/го. О том, что у всех нас есть «лучшая пора нашей жизни», которая не повторится

никогда.

Ну да! Каждый день неповторим, каждый человек – вселенная, этот июнь не похож на предыдущий, с каждым новым романом душа как будто возрождается...

А вот это вы видели?! (Слава богу, не видите.)

И ведь, кажется, всех нас в детстве учили, что врать нехорошо... А мы мало того – врем, но и умудряемся доводить друг друга до экстаза этой ложью. И, что самое стремное, делаем это чистосердечно, если посудить. Как в книжках написано, как подсмотрели, как подслушали... Но все чужое и настолько старое, что изжога берет. А может, не только старое, но и мертвое изначально.

Шекспир писал свои пьесы для полупьяной разношерстной черни, которая и была основным посетителем такого низкопробного развлечения, как театр. Серьезно он относился к своим сонетам, но и их писал для разодетых дебилов.

Для нас.

А мы даже не создаем ничего нового, не можем самостоятельно построить фразу, мы похожи на тех, кто выучил чужой язык по видеофильмам и не знает правил грамматики, но счастливы и благодарны друг другу. И получаем свои честно заработанные поцелуи.

Мы заучили язык правдивой лжи и лжем, тем красноречивей, чем больше нас переполняет искренность и желание сказать правду.

И нам дается сделать друг друга счастливей.

Размышлял я об этом я с удовольствием, как об отвлеченном, отдыхая. Люблю валять в голове разные пустяки. «Ложь, конечно, ай-яй-яй,» – думал я, – «но вот, пожалуйста – ради научного эксcrementа:

– Илона!

– Что?

– Я тебе солгал. Во-первых, фильм черно-белый, и поэтому я не могу сказать, синие глаза у этой девицы или нет. Следовательно, я не могу сравнить ее глаза с твоими. Потом, мы сиди в темном зале кинотеатра, а в темноте

цвета не различаются, поэтому я твоих глаз не вижу. И еще: мне кажется, что я тебя не люблю, а так — развлекаюсь.

— Хватит зудеть, не мешай. Любви нет. Я тоже тебя не люблю. Самое интересное начинается...

Правда сказана, но разве что-нибудь изм...

Впрочем, к чему лишние слова? Вам и так все ясно. Никакой правдой лжи не испортишь. На том и стоим.»

Когда мы вышли, я глянул афишу, чтобы узнать название фильма. Он назывался «Золото». И верно, было там какое-то золото... Правда, выглядело оно, скорее, как серебро. А то и свинец.

Мы потом на этот фильм еще раз сходили. Ничего так. Если, конечно, смотреть от начала и до конца, не отвлекаясь и не грузясь. И кафешка в этом кинотеатре вполне приличная...

ГРИМ

— Сколько раз тебе говорить — не морщ лоб! Что у тебя за привычка — гримасничать? Я не хочу, чтобы ты раньше времени превратился в старика.

— Но ты же сама попросила меня вспомнить Машкин номер, хотя прекрасно знаешь, что я не могу удержать в голове больше шести цифр.

— И ты думаешь, что состряпав такую рожу, ты лучше соображать будешь? Ладно, не трудись. Дома в блокноте посмотри. Тебе оса в пиво залезла.

— А, черт... Боюсь их страшно.

— А ты скорч и ей рожу — она сама испугается.

— Да что ты прицепилась к моей физиономии? Как всегда — выпьет глоток вермута, а дури... Никакого воспитания. Несешь, бог знает, что... Стыдно слушать.

— Не хаами.

— Это ты не уважаешь мою старость. Может, я как раз состариться быстрее хочу? Я в старости еще интереснее буду... Как Клинт Иствуд.

— Дурак ты...

Разговор происходил в летнем кафе, куда мы с Елкой зашли пересидеть предвечернюю жару. (Елка — она же Елена — моя подружка.) Я проглотил «дурака», запил его хорошим глотком пива и достал портсигар.

— М-м-м?..

— Давай без фильтра.

— Не сильно ли? У меня ведь «Житан».

— А у тебя вообще все с придурью. Давай-давай!

— Как знаешь, — я протянул ей сигарету, но сам от «житана» воздержался. Закурил «кэмэл» — и такие у меня в портсигаре имелись. (Портсигар этот — плотной кожи, с двумя отделениями и кармашком для зажигалки — был моей гордостью. Зажигалку, правда, я там не держал. Кармашек использовался для хранения записки — червонец зелеными.)

Елка бесстрашно затянулась крепчайшим дымом, ухитрилась не закашляться, что заставило меня обратить внимание на ее зрачки — уж не вмазалась ли она опять своей дрянью? — и сказала, выплевывая с каждым словом по дымному комку:

— Нет, Ершик, — это она меня за мою прическу так зовет: Ершик, — нет, из тебя хреновый старичок получится. Сжопишься просто и сдохнешь уродом. Я-то знаю.

— ?

— Я ж год гримером проработала, ты что — забыл? Сразу вижу, что с лицом можно сделать и что с ним в перспективе будет. Это профессиональное.

— Вот как... Взять тебе еще что-нибудь?

— Возьми то же самое. Или двинем отсюда, заколебалась я эту музыку имбецильную слушать. В душ охота.

— Ладно, сейчас допью и пойдем.

— Шевелись.

— Слушай, — сказал я после минутной паузы, — а как это ты видишь, что с лицом... как лицо будет изменяться?

— Поооо... — невнятно промычала Елка (она как раз обновляла помаду на губах, смотрясь в зеркальце), — не изх...ои...

Закончив, убрала свои мещанские причиндалы в сум-

ку (нашу общую, одну на двоих, я ее таскаю, как дурак). Осведомилась:

— Нормально?

— Нормально.

— А как я узнаю... Черт его знает, как. Просто смотришь на лицо некоторое время неподвижно и пристально. Когда так смотришь, то одни черты скрадываются, а другие наоборот, проступают.

— И все?

— Тут еще, конечно, важна установка. Ну, в смысле — задача. Вот, например, нужно мне узнать, как ты будешь выглядеть в старости. Я формулирую для себя эту задачу, смотрю на твое лицо, и в какой-то момент оно исчезает и появляется на нем, как маска, лицо себя старого. Ненадолго, но все-таки... Лучше это делать в полумраке. А еще лучше — по фотографии.

— Интересно. А все примеры так делают?

— Вряд ли. Нет, конечно. Но я делала. Помогает. У меня вообще на лица всегда была отменная память. Мне б на паспортном контроле в Шереметьево работать. Хотя при чем здесь моя память...

— Ясно. А грим старика сложный?

— Смеешься? Проще не придумаешь... Тем более — сейчас. Жидкий латекс и все такое... А заем тебе? Что это ты заинтересовался?

— Да так просто... Ну, что — пойдем?

— Айда.

Мы поднялись и пошли к выходу из сквера. Там, около выхода, как всегда стоял на своем рабочем месте нищий дедок. Я подал ему чирик. Елка, натурально, встала на дыбы:

— Что за манера у тебя, как выпьешь — или милостыню подавать или билетов накупит лотерейных... А то дрянь какую-нибудь ненужную у бабулек. Добренький.

— Есть немного... Ты не рычи. Расскажи лучше, как грим старика накладывать, мне интересно.

— Да что ты ко мне с этим привязался? Не понимаю.

— Сам не понимаю. Но вот привязался.

— Тю... Ну ладно, слушай, а то не отвяжешься. Как

ребенок, честное слово... Вот машина пустая едет — поймай.

— Давай пройдемся.

— Куда пройдемся, духота адская... Я сама поймаю.

Она остановила «двухсотый» и, по своему обыкновению, тут же уселась рядом с водителем, не торгуясь и не называя адреса. Эта ее тактика всегда стоила больше, чем мои пожертвования уличным попрошайкам. Но попробуй ей что скажи — пыль до потолка... Мне ничего не оставалось, как покорно плюхнуться на заднее сиденье.

— Куда? — спросил водитель — хорошо одетый парень лет тридцати, интеллектуально-снобистского вида. Елка назвала свой адрес. Поехали.

— Значится, слушай, — начала она менторским тоном. — На человеческом лице есть, так сказать, выпуклости и впадины. Если выпуклости забелить, а впадины затемнить, лицо сразу худеет и вытягивается. На данном этапе оно начинает здорово смахивать на черепушку. Кашея в ТЮЗе видел? Мамочка водила? Ну вот...

Водительская физия в зеркале заднего вида удивленно вскинула брови и коротко дернула уголками рта — типа усмехнулся.

— А потом? — спросил я.

— Потом... — скучливо протянула Елка, — эту рожу надо заставить поморщиться и погримасничать на все лады...

— Ну, это я умею.

— Умеешь... Что это нам дает?.. Это нам дает представление о том, где будут проходить линии будущих морщин, если, конечно, лицо молодое. А мы, собственно, именно такое и обсуждаем. И так... Увидев, где проходят эти естественные складки, мы методично и тщательно затемняем их. Ну, как будто тени в глубоких морщинах, понимаешь?

— А, ну да, все понятно. И все?

— Ну, примерно. Для школьного драмкружка сойдет. На старичка будет похоже. Есть вопросы?

— Есть. Мы сейчас к тебе?

— Я сейчас к себе. А ты — куды пожелаешь, хоть в бардак.

- Я че такое?
- Да ниче такого.
- Гм...
- Ой... Ну с мамой я могу хоть один вечерок спокойно поговорить?
- Резонно.
- Вот и ладушки. Завтра надоем.
- Завтра? Да, ведь мы к Журбиным на сейшн. Ох, ё... остовагинило все...
- Своди меня в киношку тогда. Я еще «Подругу» не видела.
- Хороший фильм?
- Книжка ничего так...
- Заметано.
- Ты мой пупсик небритый.

Физия в зеркале удивилась на этот раз вполне искренне. Блин, ну, Елка...

Тем временем мы въехали в нужный район.

– Вас где посадить? — поинтересовался...

А, не важно, чего он там поинтересовался. Короче, довезли мы Елку до подъезда, я на этой же тачке доехал до дома («Удачи!» — почему-то сказал мне на прощание ямщик) и, взойдя к себе... Ладно, тоже не важно. Наступил вечер, в общем.

Найдя в холодильнике неиспользованный фарш (Ё-Ё хотела вчера пельмени наделать, да ноги не дошли), я сварганил себе котлетки и славно поужинал, раздавив за этим делом бутылочку коньяка. Потом поговорил немного с Ёлкой: «Привет тебе от мамы ничего сидим папаша опять в ночь я косметику забыла у тебя вытащить нет мамина не подойдет перетопчусь конечно с утра забегу да не только на базар поможешь сходить да сумки конечно на неделю все нормальные люди так делают...» — в таком духе. Поесив трубку хотел было искупаться, да поленился — после ужина отяжелел, как всегда. Включил телевизор. Выключил. Чем бы заняться? Привык я, что Ёлка рядом.

Ладно. Как там она сказала? Выпуклости — белым, а ямы — темным? Ну, приспичило мне посмотреть, какой я буду у старости, приспичило! Интересно мне. Знаю, что

глупо, но ведь не видит никто. Мало ли, чем мы все занимаемся в одиночестве: и язык навстречу зеркалу вываливаем (а уж в ванной что мы зеркалу вываливаем! Красуемся всё...), и поём дикими голосами, и порно смотрим, и в бинокль за чужими окнами подсматриваем... Что я — дурней всех, что ли, если грим сделаю? Да ничуть не бывало! Только вот грима у меня нет... Разве гуашью заменить? Попробовать можно, во всяком случае.

Целых полчаса я потратил на то, чтобы отыскать среди прочего хлама, которого хватало и в ящиках стола, и в книжном шкафу, и на антресолях, коробочку с красками. Краски, в итоге, нашлись в диване. Когда я открыл коробку, обнаружил, что и баночка с белой гуашью тоже отсутствует.

— Тэ-эк, — почесал я репку, — безумная затея под угрозой.

Тут я вспомнил, что в квартире еще и отцовского хлама хватает. А в его наследстве, кажется, было полно всяких лаков-клеев-красок. Уж наверно, среди прочих пузырьков и белила какие-нибудь найдутся. Пойти под ванной пошарить.

Действительно, я довольно скоро обнаружил там баночку с чем-то вроде белил. Убедившись, что это именно белила, а не средство от тараканов и не гипс (Хорош я был бы с гипсовой маской на морде! Навроде поэта Пушкина.), я отнес баночку в комнату и поставил вместе с прочими на стол. Затем принес с кухни небольшое зеркало на подставке. Уселся, включил лампу... воду забыл! А, ладно. Плюнул в черную краску, плюнул в белую... Ничего, мажется. И так сойдет.

«Где же эти впадины-выпуклости... Рожка, как блин. А если лампу боком? Ага, так лучше... Вот они: и надбровные дуги кроманьонские, и скулы монголоидные», — бормотал я, размазывая белила в надлежащих местах. Белила в банке очень скоро высохли, и приходилось сначала облизывать палец, потом набирать на него краску, мазать, потом опять облизывать и т.д. Наконец, белила легли ровным слоем, как у гейши. (целых полбаночки извел). Теперь — «сажа газовая». А правда — черепушка! «Государыня моя Гниль, без челюсти. И ее стучает по крышке заступ могильщика... Я знал его, Горацио; Человек необычайно

остроумный, чудеснейший выдумщик... Где теперь твои шутки? Твои дурачества? Твои песни? Ничего не осталось, что подтрунить над собственной ужимкой?» — глумился череп в зеркале. Мой череп. Глаза мои.

Во рту стоял противный привкус краски. Я высунул язык — грязно-серый, как пепел. Фу...

Свернув из бумаги плотную палочку, я принялся морщить и наносить в складки сажу. Получалось грубовато, но после двух-трех запоротых «морщин» я приноровился и дело пошло на лад. Еще минут двадцать, и все было готово. Немного сравнив границы тонов (чтобы не было резких переходов из темного в белое), я встал, , зачем-то надел черную шляпу, включил большой свет и посмотрелся в полный рост. Да-а-а... Душераздирающее зрелище. Понятно теперь, почему Ёлка ушла с этой работы.

На меня пялился жуткого вида старик с дерзко-молодыми и пьянькими глазами. Грим был, конечно, «не ахти», но впечатление полное: я. Я в старости. И действительно: урод уродом.

Мне стало не уютно, захотелось смыть эту гадость, но, уже направившись в ванную, я решил ограничиться чисткой зубов — перед Елкой надо показаться, как же! Вот умора будет. Мы, артисты, работаем для публики.

Рот я прополоскал, захватил на кухне джин и лег в комнате с книжкой. Арчи Гудвин блистал передо мной своими талантами около часа. Потом мне стало не до него. А еще через полчаса — не до чего. Нет, я не напился. Я начал подыхать.

Сначала высыпал холодный, липкий пот. Как-то резко, сразу закружилась голова и комната поплыла, закачалась; глаза заволокло зеленью. Я ничего не мог понять: «Что со мной? Почему?» — с каким-то мистическим ужасом спрашивал я себя. Мне еще никогда не было так плохо, черт. Я испугался.

А потом начались судороги, и я понял, что это конец. Найдут по утру мой труп, да еще в этом дурацком гриме. Умер от старости — чем не причина?

Судороги шли волнами — то отпуская, то наваливаясь снова. В один из отливов я дотянулся до телефона и позвонил.

— Да... — Ёлкин голос.
— Я умираю, Леночка. Всё... — что-то в этом роде я успел промямлить.
Дальнейшее — молчание.

Очнувшись, я попробовал пошевелиться, но не смог. Приподняв голову я увидел, что нахожусь в больничной палате. В обе руки вгрызлись капельницы, разбавляющие мою кровь, одна — прозрачным, а другая — желтым содержимым, а сами руки вытянуты вдоль тела и прикручены ремнями к койке. На сгибах локтей расплылись огромные синяки. Из-под одеяла выходила еще одна трубка, которая свешивалась куда-то под койку — катетер. В довершении всего тошнило.

— Дела... — пробормотал я, откидываясь на подушку. В этот момент в палату заглянул молодой враченок в новенькой униформе цвета хаки — знаете, брючки такие и типа маечки (все хочу себе завести такую — дома ходить.) Увидев, что я как бы очнулся, он подошел.

— Здравствуйте. Как вы себя чувствуете?

— С трудом. А где я? В реанимации?

— Натюрлих, — это словечко выдавал в нем начинающего циника. — Если угодно — Вы в палате интенсивной терапии.

— А что со мной?

— Гм... У Вас... — он заглянул в свои бумажки, — было сильнейшее отравление свинцом. Классическое, я бы сказал. Синяя кайма на деснах, судороги и все такое. Хоть студентам показывай. Как это Вы?

— Не понял... Свинцом, Вы сказали?

— Ну да, свинцовыми белилами. Где Вы только их откопали такие...

— Ах, вот оно что... Белила, значит. Все ясно. Это я грим себе накладывал... Дурень.

— Кстати, Вы не представляете, какое впечатление Вы произвели на несчастных барышень в приемном покое. Это ж надо было так разукраситься. Извините...

— Вы хоть догадались рожу-то мне умыть? — поинтересовался я довольно зло. — И развяжите мне руки, ка-

кого черта?!

— Это чтобы во сне капельницу не выдернуть. Вы спать не собираетесь?

— Выспался, слава богу.

— Да, трое суток. Завидую. Мне бы так, — бормотал «эскалоп», возясь с ремнями. — Ну вот, готово.

— Так я до сих пор...

— Да нет. Мокрой губкой прошлись, смыли... У вас что — маскарад был?

— Вроде того.

— Как все-таки отравились?

— Палец слюнявил, когда морду мазал. Потом опять слюнявил, опять мазал...

— А! Понятно. Все ясно. А то тут были предположения, что попытка суицида. Тем лучше.

— Меня тут никто не навещал?

— Ах, да! Я совсем забыл — Вам записка. От вашей знакомой. Это она скорую вызвала. Кажется, она слегка сердита. Впрочем, это не мое дело.

«Вот именно, — подумал я, — раскудахтался, как...»

— А где она?

— Вообще-то она каждый день приходит, но сегодня...

— Да нет, — перебил я. — Записка где?

— В тумбочке у вас. Сейчас... Вот, держите. Кстати, Вам тут полный холодильник натаскали. Если что — зовите санитарку, поухаживает. Вам можно практически все. Впрочем, Вас тошнит еще, наверное...

— Да уж... Когда домой-то?

— Недельку полежите, — рассеяно ответил врач. — Ну ладно. Выздоровливайте. Сейчас Вам вынут катетер. Если что...

— Понял — санитарку.

— Совершенно верно. Ну, я еще сегодня загляну.

— Спасибо.

Врачонок удалился, и я смог, наконец, прочесть, что написала мне Ёлка. Признаться, я готов был на что угодно. Она вполне могла и такое залупить: «Прощай, мне не нужен такой кретин». И была бы права, пожалуй.

Ёлка написала следующее: «Ну что — убедился, что я была права, грязный старикашка? Уродом сдохнешь. Еще и коньяк весь выпил, паразит. Давай очухивайся быстрей, хоть зубы по человечески почистишь. Да, учти — заначку твою я потратила... В общем — готовься к бою. Леночка. (ха-ха)»

Действительно, зубы почистить не мешало бы. Ох, и дурака я сваял. Хоть рожу себе бей.

Тут прибежала медсестра, чтобы поменять мне капельницу. Она была ничего так, и мысли мои приняли игровое направление. Пока она не добралась до катетера.

РАССКАЗ О СОБЫТИИ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Я начал обдумывать рассказ о событии, которого не было, когда часы показывали: 19:12:43. Когда я закончил его обдумывать, на часах было: 19:13:56. За это время произошло следующее:

19 часов, 12 минут, 43 секунды. Гражданин А. подошел к двери гражданки Б. и уверенно постучал. Ему тут же отворили, он широко шагнул в прихожую, обнял гражданку Б. и поцеловал ее долгим поцелуем в губы. Их поцелуй прервал донесшийся из кухни свисток закипевшего чайника. Гражданка Б. мягко высвободилась из объятий и быстрыми мелкими шажками помчалась на свист, который через мгновение прекратился, так как чайник, снятый с плиты, теряет способность свистеть, равно, как и тот чайник, под которым в силу каких-либо причин перестает гореть газ. Гражданин А. тем временем разулся, пригладил волосы и тоже покинул прихожую...

19 часов, 12 минут, 43 секунды... вошел в кухню и сел за стол. Гражданка В. поставила перед гражданином Г. чашку, достала из шкафчика стакан для себя, открыла холодильник и переложила оттуда на стол кусок колбасы, хлеб в полиэтиленовом пакете, баночку с паштетом и лимон. Гражданин Г. налил в обе посуды заварку, гражданка В. разбавила ее кипятком, поставила чайник на подставку и села. Оба принялись...

19 часов, 12 минут, 43 секунды. ...пить кофе и заедать его шоколадом. Гражданин Д. дотянулся до радио и выключил его, потому что оно его раздражало и мешало слушать, что говорит гражданка Е. С минуту он слушал ее, а потом рассмеялся и...

19 часов, 12 минут, 43 секунды. ...резко встал, смахнув при этом со стола бутылка вина и перевернув свой стакан. Гражданка Ё. вскрикнула от испуга и неожиданности, нагнулась, подняла с пола бутылку и поставила ее обратно. Стакан поставил, как полагается, сам гражданин Ж. и пробормотал слова извинения, на что гражданка Ё. пожала плечами...

19 часов, 12 минут, 43 секунды. ...вылила остатки самогонки себе в стакан и одним духом выпила ее. Гражданин З., возмущенный таким жлобским поведением, в результате которого ему ничего не досталось, стукнул кулаком по столу и матерно обругал гражданку И. Та в ответ лишь пьяно осклабилась. Гражданин З. озверел еще больше и съездил гражданку И. по морде тыльной стороной ладони. Гражданка И. перестала лыбиться и заорала. Тогда...

19 часов, 12 минут, 43 секунды. ...гражданин И. пережал горло гражданке К., да так сильно, что ей оставалось только хрипеть, что она и делала, глядя на гражданина И. сначала со страхом и мольбой, а затем, по мере того, как ее покидало сознание, все невыразительней и невыразительней. Её...

19 часов, 12 минут, 43 секунды. ...рука, беспорядочно шарившая по столу и сметавшая оттуда рюмки, закуски и прочее, нащупала нож. Гражданка Л. Инстинктивно сжала его рукоятку и принялась наносить гражданину М. удары в бок и в спину. Большая часть этих ударов была не опасна, но один или два нанесли ранения почкам и левому легкому. Почувствовав сильнейшую боль, гражданин М. отпустил гражданку Л. и, потеряв к ней всякий интерес...

19 часов, 12 минут, 43 секунды. ...тяжело переставляя ноги и держась за стенку, покинул кухню. Добравшись до дивана, гражданин Н. лег на него, положил руку на левую сторону груди и застонал. Глаза его закрылись. Около минуты потребовалось встревоженной не на шутку гражданке О., чтобы разыскать и набрать в шприц нужное ле-

карство. Наконец, всё было готово. Держа шприц в одной руке, а в другой ватку со спиртом, гражданка О. подошла к лежащему на диване гражданину Н. Но шприц не понадобился.

19 часов, 13 минут, 56 секунд. Гражданин П. лежал, открыв рот и уже не дышал. Гражданка Р. Поняла, что оно только что умер.

ОБЫЧНЫЕ МАРШРУТЫ ГРАЖДАНИНА «Н»

Я всегда говорил: для ленивых, вроде меня, нет лучшего средства передвижения, чем поезд. И нет в поезде лучшего места, чем вагон-ресторан. Во-первых, там разрешают курить. Во-вторых, там всегда исправен кондиционер. В-третьих, там можно спокойно, ни на кого не косясь, пожрать и выпить. Еще раз выпить. Еще выпить. Развернуть газету и глубокомысленно углубиться в нее. Сопровождая это едой. Выпивкой. Курением. И — наконец, если вас все-таки угораздит познакомиться с кем-то, то это знакомство будет приятней знакомства купейного, ведь в ресторан захаживают персонажи, чьи наклонности в чем-то схожи с вашими. Иногда, правда, там случаются драки, но и это все-таки интересней, чем всю дорогу слушать бредятину, которую несут обожравшиеся курятиной старухи. А уж про малолетних дебилов, которые носятся по вагону туда-сюда и орут, вспоминать противно. Поэтому, когда мужик, занимающий в купе соседнюю со мной полку, сначала предложил мне обменяться газетами, потом пытался угостить колбасой, а в довершение позвал покурить «за компанию», я почел за благо сменить дислокацию. Однако, он достал меня и в ресторане.

Когда он вошел, наши взгляды — мой мрачный и его доброжелательный — встретились, и нам обоим стало ясно: пьянки не миновать. Вопрос — за чей счет. Поняв, видимо, что место за моим столиком стоит, как минимум, пол литра, мужик направился напрямиком к прилавку и принялся изучать прайс. Я торопливо допивал пиво. Жаль,

что разговор в купейном периоде нашего знакомства не коснулся выбивки: я бы обозначил свои пристрастия. А то купит дрянь, давись потом. Бренди, например, я не пью — виной тому... Слава богу, водку купил. Разговор, похоже, заладится.

— Не помешаю, надеюсь? — спросил попутчик, приближаясь.

— Надеюсь! — улыбнулся я, как можно радушнее. — Садитесь, пожалуйста.

— Благодарю, — он уселся и поставил пузырь с рюмками на стол. — Закуску сейчас принесут. Вы ничего против салата не имеете?

— С салатом у меня вполне приятельские отношения.

— Вот и славно. Потом, сообразно с желаниями, закажем что-нибудь еще, — его манера вести разговор мне, как это говорят в приличном обществе, импонировала. «Пожалуй, с ним отдохнуть можно», — подумал я и, в свою очередь, занялся размагничиванием русского языка. — Вы правы: сейчас лето, и грешно не разнообразить стол овощами, тем более, что в это время дня не хочется ни острого, ни горячего.

— Совершенно с вами согласен. Быть может, пока мы ждем салата, выпьем по маленькой?

— Отчего же...

Попутчик (теперь уже — собутыльник) наполнил рюмки. Я взял свою и поинтересовался:

— За что?

— За благополучное путешествие, наверно.

— Принимается. Хотя, по статистике, поезда и так самый безопасный вид транспорта.

— Поспорить можно, но как-то не хочется... в этом споре побеждать.

Выпили. Закусили подоспевшим салатом.

— А Вы что же, молодой человек... кстати — мы не представились... Виктор Сергеевич...

— Влад, — назвал я именем, которое мне давно нравилось.

Мы обменялись через стол рукопожатием.

— Так вы, — продолжил он, — левша?
— Почему? — удивился я.
— Вы подняли рюмку левой рукой. И вилку берете в левую.

— Ах, это... Нет, я не левша. Просто не удержу я в правой — пальцы так не сойдутся: травма, чтоб ее...

— Вот оно что... — посочувствовал собеседник. — А что врачи?

— Врачи врачуют, — пожал я плечами. — Обещают в будущем полное функциональное восстановление, но пока вот... Сами извольте видеть. И ведь — что самое обидное — у самого дома споткнулся, на ровном месте. Всю жизнь там ходил — и ничего. Ведь надо было ... — на самом деле я упал, удирая от милиции, но мужику необязательно было знать.

— А вы что ж думали: если всю жизнь по тропинке ходите, так она и безопасна, а если суждено вам шею свернуть, то непременно на незнакомой дороге? Не-ет, Влад. Самые опасные дороги, как раз дороги привычные и исхоженные, казалось бы, вдоль и поперек. Там нас чаще всего и ждет... — он не договорил.

Наполнили рюмки.

— Что ждет? — спросил я, поднимая стопарик.

— Скорее — не что, а кто, — поправил Виктор Сергеевич.

— «Кто»? Кто этот кто? Не Смерть же?

— Иногда и Смерть. Но, вообще-то, я имел в виду Судьбу. За Судьбу?

— Можно и за нее.

Мы выпили и зафехтовали вилками в тарелке с салатом — дрянненьким, между нами. Закусив — закурили. Сделав глубокую, «пьяную» затяжку, я решил продолжить изыскания по теме судьбы, заинтересовавшей меня, как профессионального пустобреха. На такие материи я могу трепаться до второго распятия.

— Виктор Сергеевич, так значит, вы считаете, что на привычных тропинках нас подстерегают неприятности?

— Ну, во-первых: почему же обязательно неприятности? Вовсе и не обязательно. Это может быть коше-

лек, полный денег, столкновение с тем, кому суждено впоследствии стать вашим другом или спутником жизни... Мало ли. Фантазия у небесного драматурга неисчерпаема, как у...

— Инквизитора.

— У ребенка. Но — посудите сами: если судьбе будет угодно устроить для вас ловушку, где удобней всего это организовать?

— Водопой... — пробормотал я.

— Что вы сказали, Влад? Я не расслышал.

— Водопой, говорю. Охотники ставят свои капканы на исхоженных звериных тропах — на тропе, ведущей к водопою, например. Там же и засады устраивают — и охотники на зверей, и звери друг на друга.

— Вы подобрали довольно точное сравнение, Влад, беседа с вами доставляет мне удовольствие.

Я молча поклонился.

— А раз вы подобрали это сравнение, то, выходит, согласны со мной?

— Гм... Пожалуй, что и так. Во всяком случае, вашу теорию очень неплохо было бы чем-то проиллюстрировать. Моей искалеченной руки здесь явно недостаточно.

— Вот вы и попробуйте. Мои иллюстрации не будут для вас доказательством. Ну, вспомните еще какие-нибудь случаи, приключившиеся с вами или с вашими знакомыми.

— Попробую... — задумался я. — Да вот хоть бы и этот... У меня есть приятель, а у приятеля есть привычка: он, выходя покурить на лестничную клетку, всегда садится на перила. Долгие годы это сходило ему, но однажды судьбе было угодно устроить ему ловушку, и он, не удержавшись, свалился спиной на нижний пролет лестницы. Проломил череп. Энное количество месяцев в коме.

— Замечательно! То есть... ну, вы понимаете.

— Ничего. Хоть бы он и разбил свою глупую голову насмерть — я не заплакал бы. Дрянь человечешко, откровенно говоря. Однажды... Впрочем, не важно. У меня родился тост. Вы позволите? — я наполнил посуду. — Предлагаю выпить за импровизацию. За спонтанность. Чтобы как можно меньше планировать.

— С оговорками, но принимается, — улыбнулся Виктор Сергеевич. — Планировать все-таки надо. Бездумно живут одни кретины.

— Что-то не слышал я, чтобы хоть один debil погиб от несчастного случая. Нет, вру. Просто фраза.

С трудом подцепив на вилку раскисшую в масле овощинку, я отправил ее в рот, прожевал и осведомился:

— А вы? Что вы, в свою очередь, можете рассказать по этому поводу, Виктор Сергеевич? Ведь ваши рассуждения... построения не могут быть умозрительны, они, так сказать, апостериори. Поделитесь. Рассказчик вы, судя по всему, отменный.

Я становился несколько развязан, но собеседник, похоже, был даже доволен этим обстоятельством.

— Рассказать... Ладно, попробую. Но если вы, Влад, ждете увлекательного триллера, то вынужден вас разочаровать — ничего похожего не будет. Мои, как вы выразились, построения базируются на наблюдениях совершенно обыденных, без залитых кровью лестниц. Правда, кое-что в конце рассказа будет, но... бескровное.

— Итак, я слушаю.

— Итак, я рассказываю. Рассказ этот, пожалуй, можно озаглавить «обычные тропинки гражданина Н.».

— Маршруты. Лучше не тропинки, а маршруты.

— Пусть так. Обычные маршруты.

Он закурил, помолчал минуту, глядя на желтый степной пейзаж, уныло вращающийся за окном. Потом откашлялся и заговорил.

— Начну с того, что я — авантюрист. Не то, чтобы я был каким-то Остапом Бендером там или флибустьером — нет. Профессия у меня вполне мирная — я фотограф. Ну, и немножко кинооператор...

— Наверно, много поездили.

— Да уж, поездил, но мотала меня по земле не специальность, а именно авантюризм. Непоседа я жуткий. С детства еще. Так что наши вынужденные переезды — я, видите ли, вырос в семье военного — всегда переносил легко. Мало сказать — легко. С удовольствием. И если мы где-то оседали надолго, а «надолго» по моим понятиям — это год, то я начинал жутко скучать и в итоге выкидывал

какой-нибудь фокус.

— Бежали в Испанию и помогали в борьбе за независимость?

— Ну я не настолько старый — мне всего сорок шесть. Но сбегал пару раз. Да не только... Неважно. Я хочу, что бы вы уяснили — рос я сорви-голова, не скучал в своем обществе. И потом — во взрослой жизни — никогда не задерживался хоть сколько-нибудь долго на одном месте. Стройки, Север, бараки, гостиницы, степи, горы, реки, моря...

— Какой ужас... Терпеть не могу болтаться по миру. Пятнадцать минут на автобусе для меня уже путешествие, причем — утомительное.

— Да? Никогда не понимал этого... Ну, да ладно. Еще по граммულке.

Выпили по граммулке.

— Все это интересно и поучительно, дядя Витя, но причем здесь «обычные маршруты гражданина Н.»? Что-то не пойму.

— Пока не причем. Я совершил этот экскурс для того, чтобы объяснить вам свою натуру, так сказать. Я — вообще принципиальный противник обычных маршрутов. Всегда был. Но без всякой идеологии, просто.

— Какой идеологии?

— Водопой.

— А... Извините. Теперь ясно. Ну что же тогда...

— Терпение, сейчас поймете. Дело в том, что в какой-то момент я устал. Попросту устал от такой жизни.

— Немудрено...

— Вот именно. И, осознав, что здоровье сыпется, новых впечатлений все меньше, люди начинают повторяться и прочее, и прочее, я решил дать себе передышку. У меня была (да, собственно, она и сейчас есть) небольшая квартира, в которой я хоть и не жил почти, но деньги аккуратно вносил. Туда я и отправился.

Наделенный от «при родах» живым воображением, я представил, как он отпирает хилый советский замок, бросает в прихожей рюкзак и... как это у них называется... кофр с аппаратурой, и входит в полупустую — не холостяцкую даже, а черт его знает какую — квартиру. Распа-

хивает пыльные шторы, открывает на кухне кран, чтобы помыть руки, оттуда сердитыми плевками хлещет ржавая городская, вода...

Увлеченный этой картиной, я почти перестал слушать и очнулся только, когда Виктор Сергеевич мягко коснулся моей руки.

— Вам что, не интересно, Влад?

— Нет, нет, продолжайте пожалуйста.

— Я говорю, что, дабы не сойти от безделья с ума, я решил наполнить свой день до предела пусть и бесполезными, но все-таки занятиями. Для этого составил расписание, расписав при этом каждую минуту. Надо сказать, что я никогда не жил по плану, посему это тоже стало неким приключением.

— Начинаю понимать! Тут-то, наверно, и появились пресловутые «обычные маршруты гражданина Н.»

— Верно. Я начал протапывать свою тропу к водопою, только их у меня было несколько. И с каждым днем они становились все глубже и исхоженной, привычной.

— И чем вы обычно занимались в течение дня?

— Рассказываю. Сначала, естественно, подъем — девять утра. Зарядка, душ, чашка кофе. Потом, до половины одиннадцатого — музыка.

— Вы играете?

— Нет, но всегда любил по утрам классику — настроение на весь день. Вивальди, например... Ровно в одиннадцать я выходил из дома, чтобы вернуться только к шести часам.

— Чем же вы были заняты все это время? Извините, у меня привычка дурацкая — перебивать.

— Сначала я шел в читальный зал библиотеки — дорога туда занимала ровно час, я засекал. Там я до двух читал всякую всячину. Оказалось, что я заядлый читатель. После библиотеки шел обедать в бистро и сидел час там. В три выходил на улицу и отправлялся гулять по... ну, названия улиц вам ничего не скажут, поэтому уясните себе просто, что маршрут всегда был один и тот же, как и скорость передвижения. Меня, конечно, постоянно тянуло нарушить, но я был верен режиму — это было проверкой на прочность, не забывайте. Клянусь: доведись мне оказаться

положении Робинзона Крузо — я бы перенес это гораздо легче, чем спокойствие и обыденность.

— Для вас это было экстремальной ситуацией.

— Ситуацией выживания, я бы сказал. Но все равно — объективно — я отдыхал, здоровье мое улучшалось, нервы успокаивались, и я решил, что уж сезон-то я таким манером проживу. Стояла осень, кстати, как и сейчас.

— Мое любимое время года. Хотя бы потому, что осень что угодно, но только не стоит. Она движется.

— «Помнишь ту осень? Тот ранний октябрь? Был судьбоносен его...» что-то там... «календарь».

— Это что — про революцию?

— Нет. Так о чем я? Ах, да. Гулял я до пяти. Потом заходил уже в другое кафе, пил портвейн и не спеша возвращался домой. Когда я входил в прихожую и разувался, всегда били часы, словно встречая меня. Знаете, как кошка домашняя или птица... Затем готовил ужин, сидел до десяти перед телевизором или с книжкой, и — спать. Вот такой у меня был распорядок. Ну, в субботу, вместо библиотеки — магазин и рынок.

— Скучно вообще-то.

— Для меня любой беспорядок был бы одинаково скучен.

— Ай гес... И что же? В один прекрасный момент что-то не заладилось? Ускорение действия?

— Не знаю, что вы имеете в виду, но продолжаю. В один прекрасный день действительно кое-что не заладилось с самого утра. Дело в том, что я проспал, банально проспал встал на двадцать минут позже обычного. Сильно болела голова, была какая-то слабость, нос закладывало. Я подумал, что у меня подскочило давление, и решил выпить сто грамм водки, хотя обычно не пью днем. Но это средство всегда помогало мне. Итак, я выпил и прилег снова.

Так случилось, что я опять уснул и проснулся только в одиннадцать, то есть, именно в то время, когда я привык выходить. Но я подумал, что это не страшно, выйду на полчаса позже. Подумаешь — смещение на полчаса вправо...

Я вышел на кухню, чтобы сварить кофе, но газ поче-

му-то горел очень слабо, сколько я не крутил регуляторы, а потом вовсе потух. Судя по звукам, доносящимся из квартиры снизу — там ремонтировали стояк. Наверно, они настолько привыкли, что над ними пустоет, что не подумали предупредить меня.

— Вы живете на последнем этаже?

— Да, та лачуга была на пятом этаже... Это важно?

— Ничуть, просто спросил.

— Ладно. Оставшись таким образом без утреннего кофе, я все же собрался и вышел на улицу. Было пятнадцать минут двенадцатого. На воздухе моя голова перестала болеть совершенно, и я ускорил шаги, решив, что могу еще наверстать упущенное время, и прийти в библиотеку ровно в двенадцать, восстановив тем самым ритм всего остального дня.

«Нет, этот дяденька попросту ненормальный, вот и все. Такая методичность в исполнении ритуалов выдает в нем именно маньяка. А еще втирает мне, что авантюрист... Скажи ему: Виктор Сергеевич, спасем Луну, ибо Земля хочет сесть на нее, — так он еще и на стенку...»

— Влад, вы опять не слушаете?

— Слушаю, очень интересно.

«...ползет. Интересно, ему пить-то можно? Ладно, надо дослушать, а то ткнет вилкой в глаз. Как в том анекдоте про...»

— И какое ваше мнение?

«...пациента и окулиста».

— Мнение?

— Могла эта бутылка быть предназначена для меня?

— Вполне. (Какая бутылка?)

— Вот и я того же мнения. Ведь если бы я вышел в свое обычное время и шел обычной скоростью, то она упала бы не на тропинку впереди меня, а аккуратно мне по темечку.

— Кто-то кинул в вас бутылку?

— Да не в меня, говорю я вам! Кто-то ПРОСТО, понимаете? ПРОСТО выбросил — по пьянке там, или из озорства — бутылку из окна, но попасть она должна была в меня. Понял я это только потом. А в ту минуту просто

посмотрел недовольно вверх, выругался и перешагнул через осколки.

В библиотеке я в тот день засиделся немного дольше обычного, так как пошел дождь, а зонта я не захватил. Однако желудок мой, привыкший уже получать свои пельмени или котлеты в определенное время, заставил меня одеться и отправиться в бистро.

— А бистро было закрыто?

— Закрыто? Почему закрыто? Нет, оно было.. А впрочем, не знаю, может, и так. Дело в том, что до бистро я не дошел. Меня остановила милиция.

— За что?

— Ни за что. На полдороге от библиотеки до забегаловки есть стройка. Ну — недостроенное здание такое. Оказалось, что в этой коробке недостроенной около часа тому назад убили девушку. Зарезали и ограбили. Или ограбили, а потом зарезали, уже не знаю. Меня пригласили быть понятным.

— Надеюсь, вы не будете утверждать, что это вас должны были ограбить и зарезать в какой угодно последовательности? Как в кино: «На его месте должен быть я. Напьемся — будешь».

— Как знать? Ведь, если бы дождь застал меня на улице, я вполне мог там укрыться, чтобы переждать непогоду. И...

— Полно, Виктор Сергеевич. Туда зашел именно тот, кто должен был. Не думайте об этом. Кстати, а еще говорили, что триллера не будет. Самый, что ни на есть.

— Хорошо, оставим этот эпизод, не будем подгонять его в концепцию. Двинемся дальше. Да, у вас рюмка полная. Вы не заметили?

— В самом деле? Первый раз со мной такое. За наблюдательность, в таком случае.

«Что-то медленно мы пьем. Не по нашему как-то...»

— В бистро идти уже было поздно, поэтому я купил у уличной торговки пирожок, взял в лотке бутылочку пива и перекусил на ходу. Дождь прекратился, выглянуло солнце, так что во время прогулки я не испытывал никаких неудобств, если не считать испорченного настроения. В пять я, как всегда, сидел в кафе за своей ежедневной порцией

портвейна и отдыхал.

— Другими словами, день закончился вполне обычно.

— Нет. Этот день уже не мог закончиться, как обычно, это было уже невозможно. Вариантов его окончания оставалось несколько, но все они никак не подходили под категорию «как обычно». То, что я успел в кафе к пяти часам и потягивал там портвейн, ничего не значило, это никак не могло перечеркнуть бутылку, труп в недостроенном здании и моих опозданий бывших до этого. Сидя там, я испытывал спокойствие, но то была лишь иллюзия. Я уже ничего не мог изменить. В том дне была явно какая-то закономерность, какая-то тенденция, но тогда я еще этого не понимал. «Аннушка уже разлила подсолнечное масло», помните?

— Да-да, что-то...

— Так вот. Но я расслабился, цедил вино и думал о том, что приму дома ванну, поставлю перед сном Перселла...

— А в подъезде вас тем временем поджидал маньяк Дек зэ Райпер. Или Риппер, не помню, как это произносится.

— Нет, не Потрошитель. Всего лишь пьяница, который искал квартиру своего приятеля, но ошибся дверью.

— А вы здесь при чем?

— При том, что я застучал его у дверей своей квартиры как раз тогда, когда он собрался позвонить.

— Ну и что?

— Ничего. Я окликнул его, спросил, кого ему нужно, сказал, что таких нет и пьяница ретировался. Я же подошел к своей двери, отпер ее, вошел, разулся и, пройдя в комнату, первым делом взял с тумбочки пузырек с «галазолином» и закапал себе в нос, который по дороге опять заложилось, и он перестал совершенно дышать. И тотчас почувствовал сильнейший запах газа.

— Вот так так! Как же это? Вы оставили что-то на плите?

— Нет, я попросту забыл закрыть конфорку. Помните, я утром возился с плитой, пытаюсь понять, почему газ не идет? Тогда я и забыл ее закрыть. В моем отсутствие газ дали, и он заполнил всю мою маленькую квартиру.

- Весело...
- Да уж, обхохочешься.
- И что вы?

— Бросился проветривать, разумеется. А когда с этим было покончено, собрал вещи, перекрыл воду и этот чертов газ, отключил холодильник, предварительно выбросив его содержимое, и поехал на вокзал. Купил билет на первый попавшийся поезд — вот этот самый — и... Вот я здесь, разговариваю с вами.

— Так значит, все это произошло совсем недавно?
Виктор Сергеевич промолчал. Мы закурили.

— И как вы это все для себя объясняете?

— А что — разве надо что-то объяснять?

— Сформулировать, по крайности.

— Мне казалось, что все уже было сказано.

— Значит, вы уверены, что в тот день судьба готовила вам ловушку, которая в силу различных причин не сработала, — скорее констатировал, нежели спросил я.

— Целую систему ловушек. Ей понадобилось два месяца, чтобы изучить мой распорядок, усыпить бдительность и подготовить капканы. И, если бы я в тот день не нарушил расписание, кто знает, сидел бы я сейчас с вами. Слишком многое у судьбы ко мне накопилось, шишкой не отделался бы. Я должен был взорваться в своей квартире. Если бы я не остановился, чтобы завязать шнурок... я говорил, что перед подъездом у меня развязался шнурок?

— А знаете, — сказал я после паузы, — в событиях, которыми избилует рассказанный вами день, нет ничего запредельного. Мало ли что случается... В иной день так все наперекосяк пойдет... Еще похлеще вашего. У каждого нормального человека случаются такие дни. Просто — чем анализировать — не лучше ли плюнуть? Такие вещи обычно просто не замечаешь, забываешь через минуту.

— Да. И я уверен, что это не первый мой такой день, и не последний. Просто, когда происшествия случаются на фоне суеты, им не придаешь значения. Дескать: так, в порядке общего бреда, ничего особенного. Но я-то эти два месяца не суетился, не бегал, не делал ничего — жил, как автомат. И именно поэтому тот «день икс» выделился, проступил так рельефно и дал мне толчок к размышлениям. А

в другое время я бы даже не счел эти мелкие случайности событиями.

— Вообще-то да, смотря что считать событием... Когда страна выигрывает войну — это событие, но и когда парализованный друг вдруг понимает, что может пошевелить мизинцем, для него это тоже событие. Тут вы правы...

— Давайте допьем? Как раз по рюмочке осталось.

— Давайте.

Мы выпили на этот раз без тостов. Поезд тем временем подошел к большой станции и, замедлив ход, остановился.

— А я как-то чуть не отстал на этой станции! — вспомнил я. — Вот так же сидели с одним попутчиком, выпивали, а тут в туалет приспичило, а ведь на остановке нельзя. Пошли в привокзальный, прям в тапочках, а ведь зима! Еле успели в итоге...

— Да... Бывает, — кивнул собеседник рассеянно.

— Интересно, — начал было я, но Виктор Сергеевич поднялся со своего места.

— Я пойду возьму что-нибудь посущественней этого салата. Да и водка у нас кончилась. Будут какие-то пожелания? — спросил он.

— Присоединюсь к любому вашему гастрономическому выбору, — отвечивал я, — но к «брудершафтной» бутылке было бы неплохо селедочек и котлеток.

— Вполне.

— Только уговор — за бутылку плачу я.

— За следующую, — успокоил он.

— Ох-о-хо, — только и нашел я, что ответить.

Виктор Сергеевич ушел к стойке, а я подпер голову ладонью и стал напряжено придумывать тему будущего разговора.

Думалось туго.

КАЛЕЙДОСКОП

*«Смотрю – и что ж в моих глазах?
В фигурах разных и звездах
Сапфиры, яхонты, топазы,
и изумруды, и алмазы,
и аметисты, и жемчуг,
и перламутр – всё вижу вдруг!
Лишь сделаю рукой движенье -
И новое в глазах явление!»*

**А. Измайлов, журнал «Благонамеренный»,
июль, 1918 г..**

*«Отверзлись вещице зеницы
Как у испуганной орлицы...»*

А. Пушкин, «Пророк»

*Скорость света составляет не 300 000,
а 299 792,458 км/с.*

Научный факт

– «Гу-гу-гу-гу-гу-гу! Номер не определен!..»

Баба, сидящая в хреновине по названию «автоматический определитель», наверное, толстая, низкорослая и с крупной мясистой мордой. У нее дурно крашенные короткие волосы, собранные на затылке в жалкое подобие прически, — из нее, кстати, торчит коричневый старческий гребешок, в котором не достает нескольких зубцов. Разумеется, у нее вставная челюстью, а из рта несет колбасой и салатом, — вроде того, что предлагают за углом в кафешке: лук, политый майонезом и посыпанный укропчиком, дрянь из дряней. Но она жрет его, это уж точно. Она совершенно не похожа на красиво состарившуюся, аккуратненькую даму благородных правил, которая объявляет станции метро. У той: красавица дочь, любящий старикан и ангорская кошка, а у бабенции из определителя нет ничего, кроме беспардонности и жлобства. К тому же она часто саботирует свои обязанности и вместо того, чтобы исправно произносить номера тех, кто пытается до

меня дозвониться, орет на всю квартиру дурным голосом невыспавшейся тещи: «Номер не определен!» Гадай, что услышишь, сняв трубку: сладострастное мяу знакомой гетеры или кислое скрипение кредитора. Поэтому я, нажав кнопку громкой связи, молча ждал, когда звонящий сам подаст признаки жизни, чтобы, в случае чего, отключиться. (Можно было, конечно, внести все нежелательные телефоны в «черный список» — пусть тогда дозваниваются, но я за месяц так и не разобрался во всех наворотах своего аппарата.)

Звонил, однако, всего лишь Фёдор, или, как я его называю в шутку, Фрейдер, мой приятель. По совместительству — молодой и подающий надежды психиатр.

— Виктор, это ты там дышишь или твоя собака?

— У меня нет домашних животных, я же в разводе, ты что — забыл?

— Хочешь об этом поговорить?

— Оставь свои приколы, Фрейдер. Если ты и в академии был таким занудой, то понимаю, за что тебе дали красный диплом. Зануда в будущем обещает стать чутким и вдумчивым врачом, не так ли?

— Может быть. Хотя зачастую искусство врача моей специализации, как я понял давно, заключается в том, чтобы успеть профессионально уложить требующего твоей чуткости пациента ударом в лоб и понаблюдать, как его вяжут на койке.

— Хочешь об этом поговорить? — в свою очередь поддел я.

— Да нет, я к тебе с другим. Слушай, ты сегодня свободен?

— Да, в общем, свободен... А что? Зайти хочешь?

— Нет, наоборот. Пригласить.

— А зачем?

— Ну, я же знаю, что ты не равнодушен ко всяким психам. Тут как раз подвернулся необычный случай. Поболтать есть о чем. Может поможешь мне разобраться, кстати.

— Тебе? Что я в этом понимаю?

— Да ведь и я знахарь, если подумать.

— Ну, ладно. Ты меня заинтриговал. Приду. Очередь не занимать?

— Не стоит, — вполне серьезно ответил Федор. — Приходи часиков в шесть — я как раз освобожусь. Можешь захватить что-нибудь.

— Без тебя бы не догадался. Значит — в шесть?

— Ага.

— Ладно, буду.

— Давай.

Теперь, наверно, уместно пояснить мои отношения с Фрейдером, а то про меня подумают невесть что.

Нет, я не был его пациентом, равно как и одноклассником или, там, одnogруппником. Я вообще не имею отношения ни к психам (надеюсь), ни к психиатрии — я всего лишь скромный составитель кроссвордов и рекламных текстов. Следовательно, наделен любознательностью, мягко переходящей в любопытство. С детства серию «Эврика» почитывал, разные рубрики в журналах и газетенках, в которых всякая всячина: сколько копыт у лошади и откуда берутся дети...

А с зеленоглазым толстяком Фрейдером жизнь свела меня очень просто: я был женат на его сестре. Правда, недавно развелся, как вам уже стало ясно, но что, нам теперь с Фрейдером не здороваться что ли? Женщины приходят, женщины уходят, а настоящая мужская дружба от этого... Ну, и так далее.

Вот теперь, значит, Фрейдер хочет угостить меня каким-то замысловатым случаем... Любопытно.

Остаток дня я просидел за столом, составляя рекламный текст для одного косметического салона, утверждающего, что именно там, милые дамы, вам лучше всего скачают сало из брюха и задницы. Закончив, глянул на часы, оделся, вышел из дома и сел в машину, на которой еще мой покойный папочка катал мамочку и меня — сопливого. До назначенного времени оставалось не так много, а мне следовало еще заехать купить коньяк — другого пошла мы с Фрейдером не признавали. «Наш» коньяк попался в первом же магазине, и приехал я в клинику даже раньше, чем требовалось.

Кабинет Фрейдера оказался заперт, а над дверью гип-

нотария, находящегося рядом, светилась табличка: «Тихо! Идет сеанс гипноза.» Любит Фрейдер это дело. Даже групповые сеансы устраивает, в основном для пьющих старушек и каких-то затраханых девушек с грязными волосами. Она публика мгновенно впадает в оцепенение и транс, а Фрейдер расхаживает перед этими сектантами и врачует, пытаясь засорить их полусонные мозги простыми истинами, типа: не пей, жизнь и без того прекрасна. При этом от него частенько тянет коньячком пополам с сигарой, как от карточного шулера.

Значит, сейчас за дверью происходит нечто подобное. «Ладно, подождем,» — подумал я и присел на подоконник.

Ждать пришлось недолго: буквально через минуту дверь гипнотария отворилась и оттуда вышла, сопровождаемая Фёдором-Фрейдером, миловидная дамочка — миниатюрная такая, худенькая, почти безгрудая. Таких не так-то много произвели в начале семидесятых, а именно к тем незабвенным временам и относилось, несомненно, животворное совокупление ее родителей. Серый брючный костюм очень шел ей. Длинные волосы, перехваченные девчоночьей заколкой, свидетельствовали о ее детском самоощущении, и это было трогательно и возбуждающе. Я знал по опыту, что такие с виду припевочки на самом деле таят в себе бездны сексуальности и обладают уникальным свойством: даже сатанея от похоти, сохраняют утонченную женственность и нежность. Да, она была соблазнительна, но кое что работало против нее и лишало ее сомнительного счастья стать когда-нибудь мой подругой: во-первых, кольцо, указывающее на принадлежность его обладательницы к многочисленному племени замужних женщин, навесегда провонявших кухней. Во-вторых, пожелтевшие от никотина пальцы правой руки. (Кухня — это еще куда ни шло, но курево! Нет, увольте. Сам курю.) И третье, самое главное, она выходила из кабинета Фрейдера. Сходить к нему за утешением по-моему, все равно, что залезть в постель к прокаженному: согреться-то ненадолго согреешься, но после этого можешь смело надевать черный балахон и, слоняясь по городу, звонить в колокольчик, чтобы приличные люди знали, с кем имеют дело.

Но сам Фрейдер, был, конечно, преисполнен иллюзий относительно своего искусства. А, может, — и нет, черт его знает.

Дамочка, еще шальная после Фрейдеровских манипуляций, скользнула по мне отсутствующим взглядом, заметила мой к ней интерес и — о, чудо! — покраснела и, повернувшись к Фрейдеру, что-то спросила. Он ответил ей так же вполголоса, мелко закивал. Дамочка вздохнула. Фрейдер кротко улыбнулся и ободряюще мигнул с очередным кивком. Всё это напоминало сцену прощания влюбленной парочки у студенческого общежития.

Наконец дамочка решила уйти из-под опеки и зажить самостоятельной жизнью. Повернулась, прошла коридором и свернула на лестницу. Фрейдер смотрел ей вслед, имея вид усталого, но довольного собой ассенизатора, который только что накачал из выгребной ямы целую цистерну дерьма ручной помпой и ждет, когда кто-нибудь заботливо вставит в его пересохшие губы сигарету и, поднося огонек, спросит: «Ну, как дела, старик?»

С моей стороны он мог рассчитывать разве что на увесистый пиннок под зад. Этого я делать, конечно, не стал — едва ли это самое сильное из доступных мне удовольствий. Но от насмешливого замечания удержаться не смог:

— Жаль, что я не видел это создание, когда она только входила в кабинет: тогда я в полном объеме смог бы ощутить ту удивительную метаморфозу, которая, несомненно, с ней произошла благодаря твоему волшебному дару. Как там у Гомера: М-м-м-м... «Присыпал горьким, врачующим боли, который ему совершенно боль утоляет, и кровь унялась, и язва иссохла.» Позволь пожать твою руку и поднести свои скромные дары!

— Что — понравилась она тебе? — поинтересовался Фрейдер после обмена приветствиями.

— Скрывать не буду.

— Постыдился бы: я же, как никак, брат твоей бывшей...

— Да ладно тебе... Как она, кстати? Не нашла еще никого?

— Нет, кажется. Да она мне и не скажет. У нас не осо-

бо дружеские отношения... Впрочем — кому я рассказываю? Ты и сам все знаешь.

— Именно поэтому у нас с тобой дружеские отношения. Ты меня в кабинет пригласишь? Я, между прочим, коньяк купил

— И уже хлебнул, судя по твоим выпрненным речам.

— За кого ты меня держишь? Цел твой коньяк. Где бы я к нему приложился — за рулем, что ли? И так опять пьяным придется ехать.

— Кстати, давно хочу спросить: зачем ты, правда, за руль садишься, если знаешь, что придется пить?

— А чтобы не напиваться сильно. Я ведь пьяница, и мне нужен сдерживающий фактор. Машина — то, что надо.

— Кончится тем, что ты разобьешься.

— В нашей дыре? Не смей меня, здесь не Нью-Йорк. К тому же поддатый я вожу гораздо лучше. Короче — я раздолбай.

— Ладно, оставим это. Ты подожди меня еще секунду — я только возьму кое-что и пойдем ко мне.

Он вернулся в гипнотарий и вышел, держа в руке толстую тетрадь и паршивенький диктофон.

— Подержи, пока я запру, — сунул мне все это и принялся возиться с ключами. Я глянул на обложку — никаких надписей. Заглянуть в саму тетрадь постеснялся, да и не успел бы — Фрейдер уже справился с замком и жестом пригласил в свой кабинет.

— Брось на стол. И бутылочку, кстати, туда же поставь, я не обижусь. А я сейчас гляну — где-то у меня лимончик был, да и еще кое-что...

— Не трудись.

— Не для тебя стараюсь.

На столе появились рюмки, блюдечко с засахаренным лимоном и шоколад. Всё это Фрейдер извлек из ящичка письменного стола.

— Прогонят тебя однажды, — заметил я.

— Только после того, как ты разобьешься.

— Удачно сострил, ничего не скажешь. Получается — я буду жмуриком, а ты всего-навсего безработным.

— Успокойся — ты будешь калекой.

— Ладно, наливай.

Мы выпили по первой, обменялись замечания насчет коньяка и закурили.

— Бери лимон, — потчевал меня Фрейдер.

— Потом. Ты скажи лучше, зачем меня вытащил.

— Пей коньяк, — он обновил рюмки.

— Нажраться я и дома могу. Даже с большим удовольствием: там нет больничного амбре и этих жутких картин, — я указал на мазню, которой были увешаны стены кабинета.

— Вечно ты цепляешься к этим картинам. Что в них такого?

— А ты их так защищаешь, что я подозреваю иногда, что это твои упражнения в изящных искусствах. Хотя нет... Это, скорее, творения какой-нибудь мартышки, принадлежащей пляжному фотографу. И, судя по всему, прежде чем развести всю эту порнуху по холсту, она чересчур усердно докуривала бычки своего хозяина.

Мы посмеялись, выпили, закусили. Фрайдер вынул из диктофона кассету и, поставив ее в небольшой магнитофон, нажал перемотку.

— Что там? — поинтересовался я.

— Запись сеанса, который я сейчас проводил.

— С этой?

— Ага.

— Ясно. А что с ней, если не секрет? Она вроде не похожа на тех, с кем ты обычно возишься. неужели психованная?

— Можно подумать, что только откровенным психам нужна помощь. И откуда тебе знать, кто ко мне обычно приходит? — Фрейдер был слегка раздражен.

— Да ладно, чего ты завелся? Я просто спросил...

— Ничего не завелся, просто не приятно. Приходит иной, вроде бы за помощью, но стоит ему сесть вот в это кресло, как сразу начинает шифроваться. Боится, что за психа примут. Как будто простой факт посещения психотерапевта уже накладывает это клеймо. Вот и Галка...

— Оказывается и ты не лишен некоторых комплек-

сов. Что ж ты хочешь — Рассея. У нас единственный медик, к которому попадают без всяких колебаний — это патологоанатом. Так что не ной. Лучше сведи компанию с проктологом и венерологом, будете квасить. ...А что за Галка?

— Да так... Давай хлопнем что ли.

Мы выпили, я закурил и повторил вопрос:

— Так что за Галка?

— Да вот та, что приходила ко мне сегодня.

— А-а-а... Эта «сэкси сейди»... А почему так фамильярно: «Галка»? Знакомы?

— Знакомы, — без особого энтузиазма подтвердил Фрейдер.

— Если так, я тоже хочу быть слесарем по душам, как ты. Давно я таких лялек не видел.

— Я ее сам давно не видел.

— С тех пор, как стал тут химичить?

— С тех пор, как она вышла замуж.

— Позволь, но тогда получается, что между вами что-то было.

— Мало ли с кем у меня что-то было. Какая тебе разница?

— Извини, но я же само любопытство, ты знаешь. Мог бы не намекать на ваши шуры-муры. А раз намекнул — понятно, что я заинтересовался.

— Ладно, ты прав. Но тут действительно ничего интересного нет.

— Да ради бога! Просто мне кажется, что мы теряем время. Ты пригласил меня, чтобы что-то показать или рассказать. Я пришел. Ну, на девчонку я попялился, за это спасибо... Коньячку... Но, как понимаю — это всё присказка. Когда сказка будет? Я ведь наклюкаюсь скоро и домой...

— О кей... Пока ты не наклюкался: помнишь, мы с тобой однажды поспорили, может ли человек докопаться до фигни, называемой истиной?

— Что-то припоминаю. Около полугода назад... да... был такой разговор. Только не помню, какую точку зрения я отстаивал. Ведь я могу и так спорить, и эдак — в зависимости от настроения.

— Я тебе напомню: ты заявил, что ты агностик и отрицаешь возможность объективного познания мира — во всяком случае: познания истины как результат систематического поиска именно Истины, а не чего-то другого. Невозможно, дескать, создать надежную методику поиска истины, если ты не знаешь самой истины. Родив этот третьесортный парадокс ты засмеялся, а потом...

— Вспомнил! Потом я сказал, что многие наши знания случайны, как открытия алхимиков, которые, например, хотели получить философский камень — это глобальная цель, — а получили фосфор, цветное стекло и прочую хрень, полезную мелочевку, и эти открытия сопровождались не радостью, а разочарованием. Что многие наши открытия грубо утилитарны. А весь процесс исследования мироздания замешан (за редким исключением) на воле к власти, деньгам, известности.

— А в заключении повторил известную фразу, что ученые, за что бы не брались, в итоге все равно изобретают оружие.

— Нда-а... Но ведь это бредятина всё. Я пустомеля известный. Неужели ты хочешь продолжить эту болтовню?

— А что?

— Ничего... тема, как тема, но к чему этот треп? Я, честно говоря, устаю от таких разговоров и скучаю. В юности было интересно выпендриваться друг перед другом, но сейчас? Извини, но это смешно, тем более, разговор на эту тему невозможно подкрепить какими-то фактами.

— Да я не собираюсь втягивать тебя в беспредметный спор. Кстати, в прошлый раз ты меня в него втравил. Но вспомни еще одну свою фразу.

— Какую?

— Сказанную мне в ответ. Помнишь, как я, вполне разделив твои убеждения в том, что маловероятно создать алгоритм познания истины, высказался в пользу возможности случайного ее открытия. Хоть это и не противоречило твоим выкладкам, ты отнесся к такой возможности довольно скептически.

— Не то, что бы скептически... Просто, если принять во внимание теорию вероятности, шансы таким образом набрести на истину практически равны нулю. Даже мень-

ше, чем найти клад, произвольно выбрав место поиска.

— Тогда ты привел другое сравнение, и оно мне нравится больше.

— Какое? Я забыл, честно говоря.

— Калейдоскоп. Ты сказал, что вероятность совпадения двух его узоров так же почти невероятна, во всяком случае — на протяжении одной человеческой жизни и даже жизни целого поколения. Есть единственный надежный способ пересмотреть все его узоры: это вращать и вращать тубус, не переставая, но тогда придется его вращать по меньшей мере 500 миллиардов лет.

— Ну да, все верно — при условии, что калейдоскоп с десятью стеклышками проворачивать с частотой десять раз в минуту. Эту информацию я подчеркнул еще в детстве из книжки под названием «Занимательная физика».

— Всегда поражался объему твоих познаний.

— Только не думай завидовать. Да, я знаю, при помощи каких химикатов свести вот то пятнышко от чернил на рукаве твоего пиджака, что такое соединение деревянных частей — я указал на рамку одной из картин, — называется соединением вполдерева. Ну и что? Я всего лишь составитель кроссвордов и тупых рекламных текстов. Когда ты дилетант во многом, практически невозможно стать профессионалом в чем-то одном. Кроме, конечно, тех же кроссвордов.

— Ладно, найди другое время для самоуничужения, сейчас не о том. Я хочу у тебя спросить вот что: ты не задумывался никогда, что каждый из нас с рождения вращает свой собственный калейдоскоп?

— Как это? Что ты хочешь сказать?

— Ну, мир, который вокруг нас... как же это сказать-то, елки-палки... Всё то, что мы видим вокруг себя, что чувствуем, понимаем или не понимаем, вся информация, которую мы получаем через глаза и уши, осязание и обоняние, получаем извне и изнутри собственного организма, если хочешь... Даже мелочи...

— Погоди-погоди, кажется, начинаю понимать твою идею. Довольно оригинально, если я правильно уловил суть. Ты хочешь сказать, что мир вокруг нас и внутри нас — это сложнейший калейдоскоп с бесчисленным набором

стёклышек и поистине бесконечным количеством комбинаций, и стоит нам, скажем, повернуть голову, моргнуть, втянуть новый запах, ощутить удар собственного сердца и так далее — этот калейдоскоп угощает нас новыми узорами и орнаментами? Что: вот я смотрю на бутылку, через нее проходит луч солнца, я чувствую запах пыли, собственного пота, твоего вонючего бабского дезодоранта и т. д. и т. п. — это один узор, а вот собачка залаяла, дверь хлопнула, штора качнула солнечный луч, по ногам сквозняк прошелся — другой? И дальше по этой схеме?

— Совершенно верно! Ты даже внятней всё понял и объяснил, чем я сам.

— Интересно, интересно, ничего не скажешь... Но какое это всё имеет отношение к нашему давнему спору об Истине?

— Ты меня разочаровываешь. Ведь если окружающая среда угощает нас все новыми и новыми своими узорами, разве не логично предположить, что для кого-то она сложится в идеальную картину, дающую ключ к пониманию всего. Всё — раз! — и встанет на свои места, как фрагмент пазла. Пусть на короткий, даже, кратчайший миг, но этот миг будет тем самым моментом истины...

— Вкуснятина!.. — с удовольствием сказал я. — Это действительно классная заморочка, клянусь твоими щеками.

Фрейдер, довольный, дотянулся до бутылки и наполнил рюмки.

— Только я сегодня пессимист и тугодум, — продолжил я. — И, если эти гипотетическая идеальная картина, дающая ключ к пониманию основ мироздания, вздумала бы сложиться передо мной, едва ли я смог бы оценить такую любезность. Я даже не могу нащупать видимой связи между обещанным тобой интересным психом, визитом твоей изящной подружки и всем нашим словоблудием. Что там говорить о вселенских тайнах...

— Ну, здесь-то я тебе помогу как-нибудь разобраться, — усмехнулся Фрейдер. — Всё очень просто. Я бы не задумывался над всем этим, но произошло удивительное совпадение. Сейчас поставлю кассету и ты всё сам поймешь, — он нажал воспроизведение. «...ое апреля ...го

года, — слышался из динамика его голос, сопровождаемый жужжанием и механическим поскрипыванием. — Шестнадцать часов тридцать две мину...» — дальше Фрейдер не дал мне прослушать и выключил магнитофон.

— Гм, — пожал я плечами. — Ты будешь долго смеяться, Фрейдер, но я по-прежнему ничего не понимаю.

— Извини, просто я решил, что лучше сам всё расскажу, так будет быстрее. Кассету пришлось бы слушать полтора часа. Если хочешь, потом поставлю.

— Как знаешь. Ты меня так достал сегодня, что мне всё равно. Кстати, смени ты этот диктофон. Такие мыльницы записывают отвратительно всё, кроме скрипения своей лентопротяжки.

— С зарплаты куплю, — рассеянно пообещал Фрейдер, закуривая сигарку. — А суть в следующем: у меня есть некоторые основания полагать, что есть уже по крайней мере один человек, которому удалось подсмотреть одну из тех идеальных картин, о которых мы сегодня рассуждали.

— Да ну? И кто?

— А муж вот этой самой Гали.

— С чего ты взял?

— Да я-то, может, ни с чего бы и не брал, но то, что произошло с ним недавно странным образом укладывается в нашу теорию.

— В твою теорию, в твою... Не нужно мне соавторства в таких сомнительных теориях, с позволения сказать. Особенно — когда эти теории пытаются приложить к реальным людям... А что с ним приключилось?

— Если коротко: было прекрасное майское утро. Они...

— Кто — «они»?

— Ну, Галя и её муж — только что проснулись. Был выходной, никуда спешить не надо... повалялись в постели... Потом Галя пошла на кухню заниматься завтраком, муж уселся в комнате перед телевизором и начал переключать каналы, ища что-нибудь интересное. Окно в комнате было открыто, с улицы доносился шорох листьев, крики детей, пение птиц. Из кухни — запах кофе, тостов на сливочном масле и ломтиков ветчины... Это я к тому так

подробно, чтобы ты мог представить...

— Ясно, ясно, — перебил я. — Стеклышки калейдоскопа. Дальше.

— Дальше случилось вот что: Галя услышала какой-то грохот (как потом выяснилось — упал журнальный столик. Хозяин, наверно, положил на него ноги, и ножка стола надломилась.) Вбежав на шум в комнату, Галя нашла мужа стоящим посреди комнаты с пультом в руках. Лицо его было бледным, а глаза, по словам Гали, совершенно безумные и полные боли. Когда она подошла и в тревоге спросила, что случилось, он произнес единственную фразу. После чего свалился на пол и потерял сознание.

— Какую фразу?

— «Я понял.»

— «Я понял» — это его слова?

— Да, он сказал «я понял», после чего упал замертво.

— То есть, он что — умер?

— Н-нет... Но фактически — да. У него случились два инсульта подряд: один дома, а второй — когда его уже привезли в клинику. Врачи сдуру подключили его к аппаратам, и теперь он ни туда, ни сюда, только занимает оборудование. Надо было просто дать ему спокойно умереть — ведь два инсульта подряд — это то же самое, ели бы он разрядил себе в голову ружье, заряженное мелкой дробью. Удивляюсь, как он еще жив... Но, самое интересное: его залитые кровью мозги заставляют энцефалограф просто беситься. Что-то там соображают, блин...

— А сколько ему лет?

— Тридцать шесть... Нет — тридцать семь.

— А по профессии он...

— Авиадиспетчер. А что?

— Да ничего... Кстати, авиадиспетчеры — люди здоровые, nobles oblige. А чтобы заработать инсульт, надо быть гипертоником, ведь так?

— Зачастую так и есть. Но у него не было никаких признаков гипертонии. Просто шибануло, и всё.

— Весело... И из всего этого ты заключил, что на него снизошло откровение господне? На этого плебея?

Фрейдер молчал, мрачно пережевывая лимон. Я от-

пил из своей рюмки:

— Ты пойми — это же курам на смех! Человек с высшим образованием... На чем ты строишь свои выводы? На его фразе? На нашей болтовне, которую ты возвел в ранг теории? Мужика стукнул удар, и он мог сказать всё, что угодно: что он Гитлер или сколько будет дважды два... Я вот тресну тебя по голове бутылкой — ты тоже начнешь бормотать абы что, прежде чем отключишься. А тот, может, просто повторил последнее, что услышал по ящику. Или хотел сказать: «Я понял, милая, что неприлично класть ноги на стол».

— Ты хочешь выставить меня полным кретином? Радуйся: у тебя это почти получилось.

— Надулся... Никакой ты не кретин. Но рассуждаешь, как ребенок. Я, помнится, услышал в детстве, что звезды — это огромные шары раскаленного газа, и ту же создал свою картину мира. По моему выходило, что газ, вырываясь из недр земли во время вулканического извержения, устремляется высоко в небо, там сжимается в шар и раскаляется под воздействием солнечного тепла, образуя звезды. Сделав это открытие, я был вне себя от счастья. И ведь какая складная картина получилась! Любо-дорого. И — главное — сделаешь такое открытие — жизнь становится гораздо интересней. Верно?

— Да! Да, черт возьми! А разве нет? Разве тебе не интересней жить, благодаря этой, как ты ее называешь, пустой болтовне? Разве ты не по новому взглянул на окружающий мир, пусть не надолго, но поверив в возможность, не прибегая ни к каким усилиям, стать обладателем объективного знания?

— Да брось ты.

— Бросить недолго. А про себя скажу: да, мне скучно. Возишься тут с побитыми бабами и последствиями нервных срывов. И меня забавляет мысль, что в соседнем корпусе лежит человек, который, возможно, знает то, чего не знаем мы.

— Ты, наверное, и своей Гале эту идейку подкинул в надежде, что это ее утешит. Кстати, объясни: а она-то у тебя что делает?

— Как что? У не ПТСР — посттравматическая стрес-

совая реакция. Ей действительно нужна помощь.

— Что — гипноз?

— И гипноз тоже.

— Ты внушаешь ей, что произошедшее с мужем — пустяки?

— Прежде всего, я хочу в мельчайших событиях восстановить события того утра.

— Зачем? А-а-а-а... Можешь не отвечать, я уже сам понял: ты надеешься проследить цепь событий, чтобы попытаться впоследствии повторить всё.

— Вовсе нет. Что я — дурак, что ли?

— Ну, а зачем тогда? Нет, ты надеешься ухватить, надеешься, что нечто бросится тебе в глаза и даст ключ. Только напрасно. Даже если предположить на секунду, что твоя идея верна, она сама же исключает такую возможность: мы говорили, что не только внешние явления составляют твою мозаику Истины, но и то, что происходит внутри человека — в его мозгах и даже кишках — тоже важно. Даже поворот головы, дуновение ветра. Быть может, даже количество молекул воздуха, которое он вдохнул. Короче: бесчисленное множество всякого-разного дерьма. Так что не рыпайся. И оставь девочку в покое.

— А это уж не твое дело.

— Естественно, не мое... Но ведь ты пригласил меня именно за тем, чтобы посплетничать о ней и о том, как ты к ней относишься, что у вас было... Не так ли?

— С чего ты взял?

— Да я, может, ни с чего бы и не брал, — передразнил я Фрейдера, — но как-то сам этот вывод напросился. Никогда не поверю, что такой кабан, как ты, всерьез будет носиться с идеей постижения истины путем сидения перед телевизором, попутно вдыхая запахи стряпни. Кстати, о запахах... Где-то читал, как ученые решили однажды синтезировать запах розы. Разложили его на энное количество компонентов, смешали все в колбе... Но, вероятно, недокумекали, сколько и чего надо смешивать. В общем, когда они открыли свою колбу, им в носы ударил запах жженой крышки. И это, заметь, всего-навсего роза. А ты суешься со своей объективной истиной. Твою мать... Как я возненавидел за сегодня это слово... Наливай давай,

что сидишь. А в награду за то, что ты попытался сделать мою жизнь интересней, я подарю тебе действительно кое-что на счет так любимой тобой объективной, ё-моё, истины. Во всяком случае — правдивой картины мира.

— Жду!

— Ух, как обрадовался! Всё равно ничего не поймешь. Ну ладно, следи. Видел полет трассирующей пули?

— Видел.

— Кажется, что она летит медленно, не так ли? От нее, якобы, легко увернуться... Но то, что мы видим — на самом деле не сама пуля, которая давно уже куда-то попала, а оставляемый ею световой след. Если угодно — прошлое этой пули.

Многие звезды, на которые мы любимся по ночам и называем именами наших любимых, давным-давно погасли. Мы видим прошлое этих звезд.

Свет от Солнца идет до земли около семи или восьми минут, точно не помню. Важнее то, что Солнце, может быть, погасло семь минут назад, но его свет продолжает нагревать наш коньяк. Всё это общеизвестно. Итак, мы имеем дело с прошлым трассирующей пули, с прошлым звезд, с прошлым Солнца. А если еще более обобщить — мы не имеем абсолютно точного понятия о реальности вообще, потому что мы имеем дело с прошлым реальности, а не с ней самой. А прошлое всегда в той или иной степени искажено и не известно нам в полном объеме.

— Но почему с прошлым-то? Не понимаю.

— Ты меня разочаровываешь. Ведь пока информация о цвете той же бутылки, ее форме, бульканье и вкусе ее содержимого дойдет до мозга и обработается им, должно пройти пусть ничтожное, но время. А раз время тратится, значит, информация в какой-то степени устаревает и искажается. Потом — пока она совершает свой путь до мозга — она слабеет. И то, что доходит — где гарантия, что оно правильно интерпретируется и обрабатывается нашими мозгами? Ты, как никто другой, знаешь, что они склонны к частым поломкам. Где гарантия, что именно дальтоники — дальтоники, а не мы сами? Что именно шизофреники — шизофреники, а не мы? Может, у нас просто наиболее распространенный вид этого заболевания.

Нас просто больше, и мы диктуем нормы, хотя сами понимаем в реальности, как свинья в апельсинах. Мы видим лишь прошлое реальности, интерпретированное исходя из общепринятых шаблонов. А вот представь теперь, что кто-нибудь увидел настоящее пули, узрел дыры на месте погасших звезд... Посмотрел, наконец, в реальном времени, без искажений и временных затрат на обработку информации, что на самом деле показывают по телевизору, понюхал, как по настоящему пахнет жёнина стряпня и как эта жена на самом деле выглядит... С этой поправкой я готов принять твоего авиадиспетчера за носителя объективной истины. (Клянусь, я в последний раз произношу сегодня это слово!) Нас вот киношники «матрицей» пугали — так это всё фигня. Мы и без матрицы насочиняли сказок про реальность и засрали себе мозги дальше некуда... Ты знаешь, а я хотел бы посмотреть на этого твоего горе-авиадиспетчера. Покажешь?

— Боюсь, это будет не удобно: заявиться сейчас податным в дом к моей любовнице...

— Че-го? Значит — насвистел, сволочь?! — я расхотался. — Ну, жук!

— Не насвистел, а разыграл. Мне ведь действительно скучновато было, честно говоря... Вот решил поразвлечься. Знал, что моя тебя зацепит и заставит заливаться соловьем. С первым апрелем, днём дураков!

— А я распинаюсь тут... На коньяк потратился...

— Ты говорил очень интересные вещи. А коньяк мы еще сегодня прикупим — на мои деньги, естественно. А пока давай выпьем, и надо бы двигать отсюда. Пойдем куда-нибудь в кабак. У меня сегодня настроение повеселиться. Повод есть.

— Какой? Профессиональный дурацкий праздник?

— Потом скажу.

— С этой дисперечницей связан?

— Сказал же: потом. Да, имей в виду: в машину с тобой я не сяду — угробишь к хренам. Оставь ее лучше здесь, на больничной стоянке. Нам сегодня придется напиться, а твою телегу воровать — дураков нет.

— Договорились.

— Ну — ин вино веритас?

БРЕД

— Очаговый ...ит, по всей видимости, — сказала врачиха, шкрябая в карточке. — Направляю его в стационар. Придется полежать до конца каникул.

— Так долго? — встревожилась мать.

— Обследование. Да это еще не долго, поверьте мне.

Мать с сыном прошли по полутемному охряному коридору, спустились по лестнице и вышли из поликлиники.

— Пропала твоя зима, — сказала мама.

— Пропала, — согласился он спокойно. Он не любил зиму.

В стационар пришли вечером следующего дня. Снова врачиха, снова осматривали, снова шкрябала в карточке, задавая дурацкие вопросы: сколько раз в день ешь? Сколько раз в день стул? Бывает ли рвота?

Маме:

— Он хорошо спал в детстве?

— Плохо. Он всегда...

— Чем болел в детстве?

— ...

— Это ваша первая беременность?

— Н-нет... Нет, третья...

— А в чем дело? Выкидыш?

— Н-нет... То есть — да... Не совсем, — мать покосилась на сына. Он безучастно разглядывал висящий на стене стенд с какими-то диаграммами, не обращая никакого внимания на разговор.

— Ясно, — врачаха узнала всё, что ей надо и, поставив точку, сказала преувеличенно бодро:

— Ну, прощайся с мамой, герой.

Попрощались: я приду завтра, не волнуйся, будь молодцом, не...

— Пошли.

Пошли. Две лестницы, один коридор, звяканье ложки в пакете «со всем необходимым».

— Вот твоя палата. Выбирай любую свободную койку — на всех чистое белье.

Я выбрал ту, что у окна — рядом была батарея, а меня знобило. Я потрогал лоб — он показался холодным.

— Тебя как звать?

В палате было двое пацанов и одна девчонка — соседка, наверное. Играли в карты.

— В карты играешь?

— Нет.

— А чё так?

— Проигрываю.

Пацаны поржали немного для порядка и вскоре забыли обо мне. Играли, переговаривались, матерились, вспоминали, как вчера эта самая девчонка — ее звали Анькой — пряталась с Коляном под койкой, чтобы напугать Олега, но вместо этого...

— Слышь, новенький... У тебя газировка есть? (в одну фраз — ме)

— Есть.

— Дашь?

— Бери.

... напугали медсестру, когда та вошла в палату.

Я был рад, что мной никто не интересуется, кроме:

— Вот тебе баночка для утра — соберешь, что полагается... Не ешь сегодня ничего — завтра рано тебя поднимут на зондирование. Ты что бледный такой? — персонала.

Мне действительно нездоровилось: я словно уплывал куда-то, кровать дышала подо мной, тепла от батареи совсем не чувствовалось. В голову лезла...

«— У вас это первая беременность?»

— Н-нет...»

всякая гадость. Этот разговор матери с врачом вспоминался навязчиво, как обида. Мне было уже двенадцать лет, и я прекрасно понимал: «Н-нет... Не совсем...» могло означать только одно. И я знал, как это делается — кровавыми щипцами рвут и куски в тазик. И выскребают все. Меня до сих пор удивляло, почему я один? Теперь удивляло другое — каким чудом, зачем я жив, почему миновал участи быть разорванным на куски и выброшенным на помойку, как те — мои братья или сестры.

— Эй, тебя что — завтра зондировать будут?

— Да, — меня вдруг очень затошнило, я чувствовал, что скоро начнется рвота. Потолок шел волнами.

— Клево... Меня раз зондировали — я потом неделю трубку во рту чувствовал.

— Олег, хватит уже всякую гадость, — запротестовала девчонка. — Меня блевать тянет. Че ты пугаешь раньше времени...

— Кто его пугает, нужен он...

Зашла медсестра.

— Так, молодые люди, девять часов. Пора укладываться. Аня, давай к себе. Кавалерам спать пора.

— Фаина Михайловна, а завтра вы уколы делаете?

— Я...

— Это хорошо.

— А чем вам Гуля не нравится?

— Ну да, она ж до самой кости... В тот раз чуть иголку не погнула...

— Ой, ладно болтать! Придумает тоже... Ладно, спать. Я свет выключаю.

Свет погас. В темноте я почувствовал себя еще

хуже, хотел было позвать кого-нибудь, но передумал, опасаясь показаться смешным. Вместо этого я закутался в тощее одеяло и попытался уснуть, стискивая зубы, чтобы унять озноб. Но сон так и не шел. Мешало всё: и шарканье швабры в коридоре, и едва слышные звуки, которые издавала батарея у меня под ухом, но более всего — соседи по палате, ведущие негромкий, но назойливый разговор, к которому волей-неволей прислушивался — ведь известно, что громкую беседу воспринимаешь отстранено, тогда как чужой шепот стараешься разобрать, бог знает, зачем. Вот у поистине: хотите, чтобы вас услышали — дайте себя подслушать.

Долгое время мне это не удавалось, различал только отдельные слова, не дававшие представления о предмете беседы. Потом — вдруг, резко, все переменялось: голоса не стали громче, но я ощутил способность слышать каждое слово, словно оно рождалось в моей голове — что-то подобное происходит, когда настраиваешь фокус, глядя в бинокль — предметы остаются далекими, но ты уже ясно можешь разглядеть их, доселе смутные, очертания.

— Как ты думаешь, он уснул?

— Наверно...

— Братишка что-то неважно выглядит.

— Ладно хоть не ноет.

— Это он по первости, ему пока запахло, чмошником не хочет выглядеть. Я когда только лег, тоже...

— Да ты за...ал обморок падать.

— Я после укола. А ты тот укол пробовал?! И так сидишь три часа, как черт, ждешь, когда эти стаканы начедаются, а потом какую-то шнягу колят — сразу отрубается. Думаешь, мне по приколу, что ли?

— Да ладно ж, это я так... Ты мне лучше скажи — мы его будем кончать или нет?

— Надо подумать... Я бы с ним поговорил сначала, что да как. Он же ни в чем не виноват...

— Он-то ни при чем, это да, но нам-то какое дело?

Почему он тоже не сдох? Мы, значит, в тазик, а он живет.

— Тут ты прав, конечно... Надо и Аньку позвать, кстати...

— А я здесь. Дождешься вас...

— А, ты здесь! Ну, и что скажешь?

— Не знаю. Обидно, конечно.

— Вот и я о том же.

— Но это не значит, что...

— Почему? Почему мама избавилась от нас, а его оставила? Это несправедливо!

— Это, конечно, несправедливо, но он-то при чем?

— Вот и я ему толкую о том же.

— Да ну вас, добренькие! На хрен он нужен? Он что — лучше нас чем-то? Талантливее? Сильнее?

— Может, и так.

Я слушал всё это, прекрасно понимая, что всё сказанное — плод моего больного воображения, слушал тупо, бесстрашно и даже с каким-то удовлетворением. Было только странно, что размышления, обязанные быть бессвязными, неуловимыми, эмоциональными и, самое главное — моими, каким-то образом звучат, как вполне грамотный, даже по книжному суховатый внешний диалог. Причем диалог этот звучит в голове ясно, а мысли, ощущаемые мною действительно собственными, стали невнятными и неважными. Именно это испугало меня, а вовсе не «услышанное» далее.

— Так это или нет, но я за то, чтобы его уничтожить.

— И принять его в нашу компанию?

— Оп-па... Об этом я как-то нее подумал...

— Я так и поняла.

— Может, тогда кинем жребий?

— Это идея. А как?

— Какая разница. Ну, потянем карту. Черная —

жизнь, красная — смерть.

— А кто будет тянуть?

— Пусть Анька тянет.

— Всё равно не нравится мне это... Ладно. Давайте.

— Ну, что там у тебя?

— Подожди... Не видно в темноте... А! Семерка крестей.

— Подожди, не прячь! Дай гляну... Что ж ты? Обманывать не хорошо.

— Ты прекрасно знал, что я обману. И что теперь?

— А ты не знаешь?

— Кто? Опять жребий?

— Обойдемся. Я сам всё сделаю.

— Ножиком?

— Ну а чем? Ладно, заткнитесь лучше...

Я услышал, как некто из говорящих, крадучись подошел к моей койке. Тут нервы мои не выдержали, и я заорал.

Моя мама танцует

Она музыку топчет ногами

В её жилах бежит

Кровь

С прокисшим давно

Молоком.

Моя мама танцует

И блестит золотыми зубами

В её легких свистит

И суставы

Скрипят,

Как диван

А я молод и пьян

И я

Только что
Спал с моей бабой.
Полдень стоит столбом
Параллельно стрелкам часов
Волосы жухнут
И голос сохнет
Тихое безумие слов
В моей голове
Я буду спать.
Я буду спать долго.
А моя мама танцует
И печали не знает.
Пьяная тварь
Сидит в кресле
И за ней наблюдает.

ПОЗНАКОМЬСЯ С МОЕЙ ПОДРУГОЙ

Я вот сейчас сидел и думал: с чего всё-таки начать эту историю?

Это всегда так: что не умеешь, то и хочется. Как мой знакомец недавно: заходит ко мне в гости. Сидим, выпиваем, конечно, преплемся о том, о сём, как у мужиков полагается: о бабах, о лошадях, о бильярде... Ну и про между прочим он:

— Слушай, Герман...

— Что?

Витька вдруг смутился и спрашивает:

— У тебя есть самоучитель испанского?

— Зачем тебе? — удивился я. — Если учить — то английский. А испанский... Ну с кем ты будешь практиковаться в испанском в нашей дыре? Ведь на языке нужно говорить, чтобы он засел в башке. Тем более, ты меня извини, конечно, но ты — такой... Тебе русским впору заняться.

— Ладно, ты у нас учёный, бл... С университетским дипломом таксистом работаешь, физик хренов... Совсем ожлобился.

— Не сыпь мне сахар в пиво. И я не жлоб, а пролетарий. Не зуди. Скажи всё-таки, зачем тебе испанский?

— Э-э-э... фишка в следующем. Представь себе такую ситуацию: вот я, скажем, со своей девушкой...

— А у тебя что — появилась девушка?

— Не перебивай... Я говорю: допустим, что я со своей девушкой приеду отдыхать, скажем, в Испанию.

— Ну?

— Ну! Я назначаю ей свидание, скажем, в बारे...

Она приходит, сидит, ждет. Меня нет. Вместо меня к ней подсаживается испанец в национальном костюме, заказывает текилы...

— Погоди трошки — текилу квасят в Мексике.

— Накласть. Короче — заказывает и начинает с моей девушкой знакомиться.

— По-испански?

— Ясен перец. Знакомится, знакомится, она отбрыкивается...

— А если нет? — я уже догадался, к чему он клонит. — Если она прямо там залезает в его национальные штаны и всё такое?

— Отдохни. У меня будет хорошая девушка, не то, что у некоторых.

— Не то, что моя Инга, хочешь сказать? А кто ей на моем дне рождения ручки оглаживал на кухоньке? С придачей всяких слов, которых нежный смысл удваивал значение оглаживаний... Типа: «Инга! Я чувствую — у нас всё получилось, но ты жена моего друга...»

— Она тебе всё рассказала?! Какой кошмар...

— А то! Да ты не бери в голову. Хочешь — забирай её к чёртовой матери. Я тебе даже нарисую трехверстную карту ее эрогенных зон и вообще — подробное руководство пользователя... С пометкой: «для чайников».

(Знал бы я, какие сюрпризы мне готовит будущее, я, быть может, так бы и сделал, но... Тогда я, конечно, просто шутил.)

— Нужна мне твоя Инга! Это была просто шутка.

— Спокуха. Просто будешь в следующий раз знать, что бабы — это брат, о-о-о... Так что там с испанцем?

— А-а-а... Он, короче, клеится, она его отпихивает, мол сейчас мой муж придет...

— Опа! Уже муж! Быстро же ты — только что она была просто твоей девкой. Или ты заранее оценил её мужественное сопротивление?

— ...а тут этот испанец срывает с себя бороду, усы,

шляпу...

— Хорош испанец!

— ...и оказывается, что это был замоскированный я! Представляешь, как она удивится? — тут Виктор умудрился состорить такую глупую морду, что я оборался:

— Ну, натурально! А, — главное: как твой бармен охренеет. В кои-то веки забрел настоящий испанец с чистейшим мадридским произношением, — и тот, оказывается: русский гений онанизма Витя! Ну, ты смудил, чувак!

— Заткнись, грязь из-под ногтей. Гони лучше разговорник.

— Нет у меня никакого разговорника.

Что-то загался... К чему я всё это наплел? А, да. «Что не умеешь, то и хочется делать». Рассказывать не умею, как следует начинать — плавно или наскоком — не знаю, потому просто опишу те злополучные сутки — с утра и до следующего утра. Так будет вполне прилично и, главное, не долго. Я с ленцой, надо признаться. Итак: это глупое слово «итак».

(Правдивые истории чем плохи: приходится распространяться о людях хорошо знакомых, и есть опасность впоследствии получить по зубам.)

Итак...

(И ещё: в голове так много всего сразу, чего не знаешь, за что ухватиться, что важно, а что — так, вздор.)

Итак...

Итак, было прекрасное солнечное утро, последнее утро «ннадцатого» года. Мы с Ингой, только что позавтракали и уже успели слегка полаяться: ей приспичило, чтобы я непременно собрал ёлку. Я пытался возразить, что ёлка нам ни к чему — всё равно Новый Год мы встречаем вне дома, более того: в разных компаниях. Жена, естественно, понимала, что я прав, но спорить с ней бесполезно. Победила мотопила «Дружба», в комплекте с которой появляется на свет любая женщина: в действие пила приводится обычно через полгодика преступно

счастливой жизни. Хотя, — надо быть справедливым: Инга начала доставать меня толко на второй год — после того, как узнала, что не сможет иметь детей. Тогда всё и пошло наперекосяк. Это понятно, конечно.

Узнав, что обречены на бездетность, мы вовсе не перестали любить друг друга, скорее наоборот. Но вместе с тем оба понимали, что уже никогда не будем так счастливы, как если б у нас были дети, появление которых по началу мы жутко боялись.

(Если подумать, то я и сейчас продолжаю опасаться Ингиной невозможности беременности: наслушался от друзей рассказов. Жена одного моего приятеля, например, во время вынашивания ребенка постоянно гоняла мужа по ночам в магазин за разными вкусностями, из которых не съедала и половины, а как-то раз заставила его напевать ей до утра мелодию из «Шербурских зонтиков». Хороша идиллия, нечего сказать.)

В общем, ёлку я по-быстрому собрал, но наряжать её мне было уже лень и, развалившись на диване, я наблюдал, как Инга роется в шмотках, выискивая, что надеть. Советов у меня она двано не спрашивала. Это её занятие скоро заразило и меня. Я вытянул из шкафа вешалку с галстуками и принялся прикидывать, какой выгодней нацепить. (Галстуков у меня тьма, но при полном отсутствии вкуса это изобилие только головня боль.) Ничего не решив, я прошёл в спальню и насел на Ингу, болтавшую по телефону. С Галкой, кажется, — это её подруга.

— Слушай, Инга...

— Ну чего тебе ещё? Ёлку собрал? — прикрыв трубку ладонью, поинтересовалась она таким тоном, будто я униженно просил позволить мне это, а не сделал ей одолжение. Я уж испугался, что следующей фразой будет «Умница. А теперь разбери и собери снова. И не мешай мамочке разговаривать с тётей Галей».

— Собрал я твою свинскую ёлку. Скажи лучше, какой галстук мне надеть?

— Погоди ты со своим галстуком. Не видишь?

– Ну-ну...

Я вернулся в зал и попробовал обойтись своими силами. Инга тем временем закончила трепаться и вышла из спальни.

– Костюм какой собираешься надеть?

– Ну, какой... Серый, наверно.

– Тогда этот, – она показала мне на один из галстуков – действительно, с какими-то сероватыми плевками.

– Этот? А ничего, что дешёвый? Ведь за версту видно, что это китайское дерьмо за полтинник.

– Когда его покупали, он стоил пятнадцать долларов. Это, между прочим, мой подарок на что-то там... Не помнишь?

– Извини за дерьмо.

– Это мне впору просить извинение за дерьмо – ведь я дерьмо тебе купила... И вообще, ты думаешь, этот твой Марик что понимает? Кто он, говоришь?

– У него два магазина.

– А, ну тогда...

– Там будет его девушка. Обещал меня с ней познакомить. Похвастаться решил, наверно.

– Тогда другое дело. Надевай тот, что подороже. Только не этот – он похож на язык крокодила, который схавал коробку с акварелью.

– Э-э-э...

– А лучше надень водолазку и отвяжись от меня.

– Гениально, – буркнул я.

Инга опять ушла в спальню к своим тряпкам и прокричала оттуда:

– Забыла сказать: представляешь, что с Галкой случилось?

– Ну?

– Её на последней пьянке в офисе один хмырь буквально изнасиловал. Завалил в пустом кабинете и...

– Круто. И что она собирается делать?

— А что тут делать? Я бы на её месте, как порядочная девушка, вышла бы за него замуж.

— И откуда такая бездна цинизма в столь тщедушном теле? — спросил я, падая на свой диван. — Ай-яй-яй.

— А чем тебе не нравится моё тело?

— Всем, всем нравится, — несколько двусмысленно заверил я. — У тебя фигура Мата Хари.

— Когда ты прекратишь сравнивать меня со своими знакомыми шлюхами, скажи мне. И что это за имя такое: Мата Хари?

...

На меня накатила демота и, прикрыв глаза, я с удовольствием переживал это состояние, с нетерпением ожидая, когда же Инга, наконец, уйдет. В холодильнике была заначена бутылка пива, и хотелось выпить ее спокойно, без музыкального сопровождения.

Минут через десять Инга вышла с пакетом в руке, отнесла его в прихожую, вернувшись, достала из шкафчика косметичку, зеркало и уселась перед окном делать макияж.

— А ты что это в джинсах? — вяло поинтересовался я.

— Здрате! По-твоему — я должна в чулках и вечернем платье по рынку рассекать? Мы же в Веркой ещё еще по магазинам будем бегать.

— Ну да... Подарки мальчикам выбирать...

— Каким мальчикам, что ты... Я же говорила тебе, что мы будем совершенно одни. Я потому к Галке и иду, что пожалела её. Не встречать же ей Новый год в одиночестве.

— Гм...

— Что — «гм»?

— Да ничего... Просто подумал: если бы меня Марик не пригласил, то мне самому пришлось бы встречать

Новый год в одно рыло, пляясь в ящик и медленно нажираясь.

— Можно подумать, ты не нашел бы, чем заняться. Кстати, к Галке вдвоем пойти могли бы. В конце концов, поехал бы поработал, зашиб новогодние денежки.

«Это верно», — подумал я: «Лучше трезвым встретить праздник за баранкой, чем всю ночь цедить противное вино и смотреть, как ты сидишь напротив, пожираешь салат и считаешь попутно каждую мою рюмку.»

Пробовал я встречать Новый год вдвоем с женщиной. Ничего особенного, обычный ужин при свечах и никакого романтизма. А в новогоднюю ночь, действительно, долларов сто-сто пятьдесят срубить можно.

— А зачем тебе вечернее платье? Ведь ты говоришь, что Вы будете одни.

— И по этому я должна выглядеть в гостях, как у себя на кухне, когда по утрам готовлю завтрак? Должна же я вызвать в себе ощущение праздника. И не приставай ко мне — не видишь: я крашу губы.

— О-кей.

Я полежал еще немного, соскучился и, поднявшись, бесцельно прошелся по комнате. Скорчил пару рож зеркалу... Э-эх! Что же за настроение такое — зеленое в фиолетовую крапинку? С праздничком. Сам ёлку собирай, сам подарок под нее клади... Жизнь.

Выполз в прихожую и заглянул в пакет, который приготовила Инга...

— Ты чего тут шустришь у меня в шмотках? — прикрикнула, — прочем, беззлобно, — Инга, показавшись в дверях. — Для тебя, разве предназначено?

— Да уж, не для меня, это точно. Собралась?

— Типа того, — Инга присела на скамеечку, обула сапоги, сняла с вешалки пальто и швырнула мне. — Если сможешь одеться, можешь быть уверен в том, что не увидишь меня до следующего года.

— Ну, если только ради этого...

— Спасибочки, — Ига надела шапку, подхватила пакет и взялась за ручку. — Ну, чао.

— А чмок? Один, холодный, мирный...

— Помаду смажешь. Обойдешься. Ладно, покедова. Созвонимся, я думаю. Ты мобильный берешь?

— Да. Обязательно надо меня на бабки ставить. Возьми лучше телефон Марика.

— Не удобно. Позвоню на твой.

— Как угодно.

Я запер за ней, вынул из холодильника вождеденное пиво и уселся в кресло перед телевизором. По всем каналам передавали какую-то буйду, а холодное пиво раз попало на покоцанный зуб, отчего меня продрало болью до самой задницы. День, в общем, как-то не клеился.

Уже без энтузиазма допив пиво, я выключил телевизор и, чтобы немного развеяться, решил звякнуть Марикю и скорректировать планы.

Да, только сейчас понял, что говорю «Марик, Марик», а кто это до сих пор не объяснил толком. Исправляюсь.

Марат — это мой школьный дружок-приятель. Впрочем, приятелями мы стали не сразу — поначал он, сволочь, всячески издевался надо мной. Но однажды он довел меня так, что я схватил авторучку и со всей дури воткнул ему в бедро. Две недели — пока Марик отлеживался дома и шлялся на перевязки, меня дрючили во все шили на педсоветах и линейках, но мне было наплевать: я не в пример больше этого боялся смертного боя, которому по идее, должен был придать меня по возвращению Марик. И очень удивился, когда он вместо этого пожал мне руку и сам извинился за своё дерьмо. Моё интеллигентское сердце растаяло, и мы стали друзьями, хотя у меня еще не один раз возникало желание повторить опыт с ручкой.

Отношения наши разорвались, когда нам было уже лет по восемнадцать-девятнадцать, как водится — из-за бабы.

Случилось следующее: как-то мы втроем пошли в театр (мы — это я, Марик и его тогдашняя любовь Верочка Смирнова). Давали, кажется, «Идеального мужа» Оскара Уайлда, может, что другое — не помню. В те времена театр мы посещали не за тем, чтобы посмотреть спектакли, а чтобы жрать водку. Такая была мода в нашей компании — кирять по-чёрному в зале во время действия. Водку мы проносили с собой в огромных количествах. И чего только не творили там по пьянке! Один раз я зашвырнул огрызок яблока на сцену и попал в кого-то. Марат, пьяный «в ноль», прошел посреди спектакля из одной кулисы в другую... В следующий раз я сломал в антракте звукооператорский пульт, тогда же по причине того, что нас не выпустили из зала в курилку, мы прямо в партере напыхались марихуаны... Да что там говорить. Веселое было время.

Ну, так вот... Пришли мы, значит, не заходя в зал, поддали хорошенько в курительной, закусили... И, уже не знаю, с чего, но мне вдруг резко понравилась Вера. Нет, правда — до этого я на нее и внимания-то не обращал, а тут... Марат, как назло, смылся куда-то. Не помню в подробностях, как это произошло, но факт: стою, целуюсь с Веркой (о-о, как яростно она вращала языком у меня во рту!), и тут появляется Марик. Н-да...

Мы успели сцепиться трижды: на лестнице, в гардеробе и в троллейбусе, в котором разъезжались по домам.

Через неделю я получил по почте необычайно глупое коллективное письмо — от них обоих. Верка писала, что если мне что и взбрело в голову относительно нее, то я могу это забыть, так как она всем сердцем предана Марату. Тот добавлял, что мне не следует попадаться у него на пути — в противном случае он за себя не ручается. «Хрен с вами», — подумал я, ничуть не огорчаясь. Что можно было еще ждать от наших отношений?

Потом я узнал, что Марат уехал учиться в Город, и уж не надеялся увидеть его. Но вот на днях, неожидан-

но встречаю его на улице (вернее — на заправке у кассы столкнулись). Обрадовались, обнялись даже. Он, жук, такой прикинутый, машина — «Вольво» не самое фуфловое, не то, что моя «девятка»... Договорились встретиться, посидеть, повспоминать молодость. А тут как раз Новый год подходил — почему не совместить неприятное с бесполезным.

Марат страшно долго не подходил к телефону, выждав вежливые шесть гудков, я уже собирался положить трубку, когда в ней послышался его недовольный голос:

— Але-ё... Горв... говорите, вас слушают.

— Привет. Это Герман. С наступающим. Чего так долго не подходишь — спишь что-ли?

— Да нет... Просто был наверху, не сразу услышал. «У себя наверху...» У него двухэтажный домик, блин! Неплохо устроился.

— Ну, как настроение?

— А у меня не бывает проблем с настроением. Только с самочувствием. Особенно, по утрам.

— Что, перебрал?

— Да случился такой грех, как говаривал мой папаша. Пришлось вчера... Жил бы ты рядом — за пивом бы тебя сгонял.

— А что? Могу привезти.

— Да, не надо, я пошутил. Тем более, что у меня этого добра полный холодильник. Хочешь — приезжай. Ты ведь за этим звонишь?

— Откуда в тебе такая пронизательность?

— А то! Это тебе не говно потрогать.

— Значит — опохмеляться в Новый год будешь?

— Не так всё запущено. Сейчас приму душик и всё будет пучком.. А ты в самом деле приезжай — я всё равно хотел пригласить тебя пораньше. А то когда Лика придёт, не посидим толком. Правда, она без комплексов, но всё-таки... Сам понимаешь.

— Ясень пень. Я ведь женат, некоторым образом.

— Я помню. Моя, кстати, тоже... Замужем.

— Да?! Ну, ты мерзавец.

— А чё я сделал, Марьиванна? Не я этот мир придумал. Ну, приезжай, короче. А то мы сейчас протренимся, а потом будем молчать, как говнюки.

— Изящно.

— Слушай, как добраться.

Минут десять Марат объяснял мне дороги и в довершении предупредил:

— Да... Посёлок у нас, в общем, закрытый, так что будь готов выдержать целый допрос: куда, к кому и так далее. Захвати документы. И не залупайся.

Я получил еще одно подтверждение его уровня жизни.

— А ты не мог бы сам их предупредить?

— Хорошо, я попробую до них дозвониться. Но ты тоже поимей в виду.

— О-кейно.

— Ну, пока. Жду.

— Пока.

Я повесил трубку, подумал секунду и набрал номер Галки. Подождал гудков десять — глухо. Наверно, уже смылись. «Ню-ню» — проговорил я и начал собираться.

Проблему с одеждой решил просто: не стал надевать ни галстука, ни водолазки — надел черную рубашку. В сочетании с серым костюмом эти придавал моему облику несколько ганстерский вид, но мне это даже понравилось: несмотря на преклонный двадцатипятилетний возраст гормоны у меня еще играли и близость встречи с незнакомкой волновала, хотелось произвести впечатление. То, что незнакомка будет красива, я не сомневался: Марика я знал, он не польстится на какой-нибудь суповой набор или тургеневскую скромницу. Обязательно будет нечто этакое. Как я уже говорил Инге: похвастаться решил, пижон дешевый... Впрочем, нет. Уже не дешевый. Это я по сравнению с ним плебействую. А, не плебейс-

твую. Ну, да ладно. Мозги тоже не х... собачий. И Инга у меня — супер. Привык я к ней просто, не замечаю. За-кисла она. И я тоже.

Размышляя в этом духе, я прополоскал рот зубной пастой, чтобы не разило пивом, почистил туфли, влез в пальто и вышел. На улице меня поджидала «девяточка», совсем залаленная идущим с утра снегом. Смахнув в нее эту божью милость, я сел за руль, прогрел двигатель и поехал по указанному адресу. Дорогу я знал, Марату вовсе не обязательно было так долго распространяться. Я ведь всё-таки таксист.

Вопреки предостережениям, пункт охраны я проехал абсолютно без осложнений. Дом нашел быстро. Тот оказался ничего себе, но и ничего особенного: обычный двухэтажный коттедж, слава богу — без вычурных затей под старину или стереометрической шизофрении. Припарковавшись и не глуша двигателя, я вышел из машины и позвонил. Дверь открылась почти сразу и на пороге возник Марик в обрезанных до колен джинсах и майке с изображением Че Гевары. В зубах Марика торчало не что-то там, а сигара, распространявшая карамельное амбре.

Он довольно осклабился:

— А, Штирлиц! — это моя школьная кличка. Одна из.

— Мое почтение, — ответил я с полупоклоном. —

Ну, ты прям как денди лондонский. Сигара...

— Это потому, что я, между прочим, читал Адама Смита. — Марик в свою очередь обнаружил некоторое знакомство с творчеством поэта Пушкина (литературу в нашем классе знали все). Потом зажал сигару между пальцами и распахнул объятия:

— Ну, или к папочке.

— Только не прожги мне яйца своей педардой.

Обнялись.

— Чего это у тебя хмурая рожа? — поинтересовался Марат, отпуская меня.

— Черт его... Предбальное настроение.

— Предбальное, говоришь? Мы сейчас устроим с тобой предбальник, пьянку перед балом. Неофициальную часть, так сказать. Глуши машину.

— А у тебя в гараже места нет?

— Вообще-то есть. Погоди, сейчас открою.

Он привел в действие мотор, отрывающий двери в гараж, и я поставил машину рядом с его «вольво». Марат зашел следом, опустил ворота и распахнул дверь, ведущую из гаража дом:

— Заходи.

Войдя, я оказалась в просторной кухне, обставленной со стандартной «смачной» роскошью. Марат достал из шкафчика стаканы, продул их и вручил мне со словами:

— Для пива.

Потом залез в холодильник, извлек пару банок «Хольстена», плоску с неочищенными креветками и майонез. Подумал и прибавил к этому талерку с тонко нарезанной рыбой — то ли осетром, то ли севрюгой, я не разобрал. Не люблю ни то, ни другое. Всё это отправилось на сервировочный столик.

— Ну, пошли, что ли... нет, погоди, что это я, — Марат еще раз слазил в шкаф и достал две тарелки, два блюда и вилки. — Вот, теперь вроде всё... Или, может, жалаешь чего покрепче? Не стесняйся, я и сам потом к тебе присоединюсь, если что. Просто пока душа не примет.

— Вообще-то от хорошей водки не отказался бы.

— Устроит? — Марат достал литруху «Абсолюта».

— Абсолютно. Пардон за плохой каламбур.

— Калом бур, а кожей бел, — расеянно проговорил Марик и поставил пузырь ко всему прочему. — Пош-

ли. Рюмки там есть. Ты пивом запивать умеешь?

— Дык, ёлы-палы...

— Я тоже.

— «Я тоже», — передразнил я его. — Не удивлюсь, если ты предложишь мне выпить за знакомство. Забыл, как мы отрывались?

— Нет, но люди меняются.

— Что ж, это верно.

Ведя беседу, мы оказались в гостиной. Марат указал мне на кожаное кресло:

— Падай. Щас я центнер включу, — опустил на колени перед роскошным музыкальным центром и спросил, перебирая диски, — что завести?

— На ваш вкус, ди-джей.

Зазвучали «роллинги» — «Джемпинг Джек Флеш». Марат опустил в качалку напротив, поставил передо мной рюмку:

— Твой игрок, — плеснул водки и разлил пиво по стаканам.

— Ну, за знакомство.

— За встречу.

Я выпил водку и разломил «таракана», как называла креветок Инга. Марат на одном дыхании осушил свой стакан и налил ещё.

— Ну как? — спросил я, закусывая.

— Ништяк. Только сейчас начинаю соображать, что сегодня этот хренов праздник.

— Прогресс, — заметил я.

— Ну, — провозгласил Марат, обновляя мне рюмку. — За всё прогрессивное человечество!

Я с удовольствием выпил вкусную водку (нечасто доводится поддать: профессия сдерживает), а Марат, как и в прошлый раз, осушил стакан до дна, наполнил его вновь и, подумав, достал и для себя рюмку.

— Созрел? — спросил я.

— Есть такое слово: «надо». Наливать пока не буду,

а то закипит. Давай, рассказывай. Как жизнь — удалась?

Это была его козырная присказка ещё со школьных времён: «Как детишки? Жизнь удалась?»

— Как сказать... В общем, ничего, нормльно всё.

— Женатик, говоришь?

— Выросло дитя, — вздохнул я. — Организм потребовал.

— Ты рассуждаешь, как дегенерат. Что за моветон! «Организм», «потребовал»... Я вот, например, люблю молоко. Что ж мне теперь — корову заводить прикажешь? Потребности — в том числе и в женщине — следует удовлетворять проще. И за чужой счет, желательно.

— Ты шутишь, надеюсь? — спросил я и закурил.

— На счет дегенерата — естественно, да. Что касается потребностей и их удовлетворения — пожалуй, не совсем. Вот ты. Ты ощутил потребность разрушить алгоритм «ну вот поели, теперь можно и поспать, ну вот поспали, теперь можно и поесть» и женился.

— Не упрощай. Я и до женитьбы жил интересно и насыщенно, женился не девственником и по взаимной любви.

— Если не упрощать, никакого разговора не получится. Так вот... Любовь, конечно, штука полезная, но требует деликатного с собой обращения и не вечна. Ведь не вечна?

— Готов согласиться, но на себе я этого не испытал пока. Потом: любовь эволюционирует в более спокойные и не менее приятные чувства.

— Ну да. Любовь эволюционирует, а человек регрессирует и умирает.

— А ты изменился, Марат. Речь, интонации, лексикон. Ведь насколько я тебя помню — ты быковал по жизни. Мат на мате и вообще... Университет даром не прошел?

— Даром, даром прошел, — заверил он. — Из нашей группы только двое, ну, может — трое, стали насто-

ящими юристами, а остальные — проде меня или похуже... Мне вот родители помогли. Этот дом, кстати, не мой, ты не подумай. Всё ихнее. И денег они дали, чтобы я раскрутился. Заметь: в долг дали, через нотариуса, всё чин-чинарём... А дураком я никогда не был. И книжки читал, и кинишко, и то сё... Просто не выдрючивался, как ты. Мне и незачем было — и так друзья, девочки и деньги были к моим услугам. Умный человек, — я имею в виду агрессивно умного, умного на людях, — на что он похож? На бутылку, в которой пробка не завинчена. Вони много, а нальешь — тут же выплунешь. А если выпивку хранить правильно, открывать только по особо торжественным случаям и только для друзей, — Марик подкрепил свой пример, разлил «Абсолют» по рюмкам, — ...то : сам попробуй — одно удовольствие. Ну, за правильное знание и использование ума. За умную глупость, если угодно.

Мы выпили и залили пивом. (Теперь уже и я засадил его целый стакан.) Речь Марика произвела на меня впечатление и я предвкушал интересный вечер. Даже так: я предвкушал интересную дружбу.

Помолчали, подымили... (Марик перешел на «винстон».)

— Кстати: если ты соскучился по прежнему Марику, то не плачь — ты его ещё увидишь сегодня. Вот придет Лика — и я снова стану глуповатым и грубоватым, но милым, щедрым и главное — безумным чуваком. Причем даже без лицедейства, а совершенно искренне. С девушками я всегда становлюсь таким, им нравится. Сам, когда увидишь Лику, поймешь, что такого умнику, как ты, ничего бы от неё не обломилось. Не тот тип.

— И какой?

— Она... шикарная. Сумасшедшая и раскрепощенная. Любящая своё тело, каждый свой вдох и жест. Любящая смеяться и отражаться в зеркалах... Из тех, кто в постели не чувствует ни боли, ни стыда. Женщина с короткой памятью и наверняка с короткой жизнью. Женщина, способная умереть от голода, держа в одной руке

консервную банку, а в другой консервный нож, но зато танцующая, как богиня. Женщин, которую умудряется не оставлять следы помады на бокале. Женщина, не делающая разницы между полуднем и полночью, зимой и летом. Которая даже в толпе чувствует себя одинокой, а в одиночестве не забывает, что на нее могут смотреть. Женщина, которую не царапают кошки и которую не слушаются собаки. Рабыня, у которой полно слуг и царица, рядом с которой ощущаешь себя царем и рабом одновременно... Как тебе моя речь?

— Да ты поэт. Давно её знаешь?

— Её вообще — очень давно, а Лику — недели две, наверно.

— И, по-твоему, у такой дамы я не имею шансов?

— Иначе я бы тебя не позвал, помятуя о Верке. Шутка. Но шансов ты действительно не имеешь. Если, конечно, не научишься лицедействовать и угадывать, что вряд ли. Да и раскусит она тебя.

Он налил еще по рюмке. Я машинально взял свою и спросил:

— Если уж ты сам вспомнил... А Верка? Она подходит по эти характеристики — вернее: подходила?

— Смирнова? Не смей меня. Но она идеально подходит на роль подруги такой женщины. Причем единственной подруги: больше у них не бывает. Кстати — описанный мной тип женщины — единственный, способный на дружбу. Даже Веркин тип дружить не умеет, он умеет только восхищенно завидовать и таскать оружие.

Он поднял рюмку и провозгласил:

— По моим наблюдениям, существует только три выраженных типа женщин — это бляди, мамы и несчастные. Так выпьем за то, чтобы они не объединились и не стали блядоватыми несчастными мамами.

— Чтобы не было войны.

— За мир во всём мире.

Марик выпил, дотянулся до пульта и поменял диск.

Четкий барабанный ритм... Точно: «Дип Перпл», «Файерболл».

— Слушай, а Лика, — начал было я.

— Ну, что Лика? — недовольно оборвал меня Марик. — Придет — сам увидишь. Чего про нее рассказывать?

— Да нет, просто хотел спросить... Ведь ты сказал, что она замужем. Кто он?

— Лопух! Гы-гы-гы, — заржал Марик голосом Папанова.

— Сам ты...

— Что, чувство «мужеской» солидарности? Ну, кто муж... Она говорила, кажется, что он преподает в институте... Что-то в этом роде. Еще где-то работает. Дома почти не бывает. Так что у нас с ним разделение труда: он ее содержит и изредка потрачивает, а я — всё остальное. Любовь, развлечения, затеи...

— Теперь мне понятны твои слова насчет удовлетворения потребностей за чужой счет.

— Ну да! Сам посуди — зачем мне жениться? Чужая жена всегда ласковей и интересней, чем собственная. Я знаю, что говорю — хоть и не был женат, но пожил с девушкой. Отстой.

— А разве не проще подыскать себе подругу из свободных девушек?

— Ха-ха! Больной, не учите меня медицине. Зачем вам наркоз? Я же патологоанатом.

Мы поржали: я вежливо, а он самодовольно. Затем Марик проолжил:

— Проще... Если ты будешь продолжать нести чушь, я решу, что тебе зхватит и больше не налью.

Я в притворном испуге зажал рот и выпучил глаза.

— Ага, испугался? Кстати, меня самого что-то торкнуло... На вчерашнее ложится, наверно.

— Прервись.

— Да нет... Просто потом приму свое чудодейс-

твенное средство. Кстати — рекомендую: настойка красного перца в уксусе. Наливаешь немного в томатный сок или рассол, выпиваешь — и всё. Трезвый и бодрый, как малолетний хулиган. О чем я говорил-то?

— Да мы всю дорогу о бабах, как шестиклассники.

— Рассуждать о бабах — то же самое, что и о смысле жизни.

— То есть? Бабы, что ли, смысл жизни?

— Нет, просто и то, и другое — напрасная трата времени.

— А чего говоришь тогда? Давай сменим тему.

— Сменим, как дождем. И об этом иногда стоит потрепаться... Между прочим — экономия времени — одно из преимуществ общения с чужими женами.

— Да ну?

— Ну да! Ды догони: вот незамужняя — свободная, как ты говоришь, девушка. Чего ей надо?

— Ну, любви... денег... веселья... дома... Детей, наконец.

— Ну, да, да, всё верно, — поморщился Марат. — Но кто, ты мне скажи, кто должен ей это всё предоставить?! Муж! В конечном итоге, все они ищут искусственного спутника жизни. Ёлки-палки, какие же банальности ты заставляешь меня говорить! Она заходит в твой дом и уже прикидывает, куда встанет детская кроватка, и ты — если ты влюблен — начинаешь вторить ей с глупо вытаращенными счастливыми глазами... Лежите потные в койке: «Милый... А тебе нравится имя Егор? Послушай, как звучит: Е-гор, Е-гор-ка...» — «Да, но мне хочется девочку...» Она просит тебе освободить для её шмоток место в шкафу... Она демонстрирует тебя окружающим, как породистую собаку... Она говорит о размене квартиры... Через две недели ты уже знаешь наперечёт её трусы. Ты переживаешь за неё, когда у неё менструация и напоминаешь, что надо выпить но-шпу. Вы делаете первые общие покупки и с городостью сообщаете об этом друзьям. Она рассказывает подругам, какой ты суперский

во всех отношениях, особенно в койке, подружки пытаются затащить тебя в постель. Если им это удаётся — они в ближайшей ссоре с твоей девкой козырнут этим, если нет — соврут, но всё равно козырнут. Доказывай потом, что ты не верблюд. Даже если докажешь — осадок останется. Её папа просит просит тебя помочь ему с ремонтом. Её мама перезванивается с твоей мамой. Предки подбивают бабки на свадьбу. Вы женитесь. Вы счастливы. Но через некоторое время она будет искать такого, как я. И найдет, потому, что он тоже ищет ее.

— Ты какой безапелляционный, как и в семнадцать лет. Что ж, выходит, и моя Инга тоже кого-нибудь...

— Да ничего не выходит. Я же говорил о трех типах женщин, ты забыл? Твоя Инга, скорее всего, «мама». Кто у тебя еще может быть?

— У нас нет детей. И... Не может быть. Скорее, если пользоваться твоей терминологией, она «несчастливая мама». Такой гибрид.

Мне было неприятно говорить на эту тему. Я выразительно посмотрел на бутылку. Марат понял мой взгляд и наполнил рюмки.

— Всё равно. Под категорию на букву «Б» она не подходит. Следовательно: ни она, ни я в принципе не можем почувствовать необходимость друг в друге. Так что можешь смело пригласить меня в гости, так же, как я пригласил тебя.

— Договорился.

Мы выпили и задымили сигаретами. Марат несколько раз глубоко затянулся и спросил, весело прищурясь:

— А что, здорово похожей получилась картинка, которую я нарисовал? Я имею в виду семейную жизнь, вернее — то, что ей предшествует. А?

— Боюсь тебя разочаровать, но не особо. Во всяком случае, у нас с Игой всё или почти всё было по-другому. Мы познакомились в институте. Поначалу я побаивался её — уж очень она казалась мне красивой, а я, так

и не научившись презирать красивых женщин или относиться к ним снисходительно, продолжаю их бояться. Как-то я опоздал на лекцию, решил прогуляться и пошел в парк. Там встретил Ингу, которая занималась тем же. Ну, заговорили, разговорились, купили пивка...

— Короче говоря, так до сих пор и прогуливается вместе.

— Типа того. Мама моя, как ты знаешь... Хотя откуда тебе знать? Мама умерла три года назад, так что Ингиной матери перезваниваться было не с кем. И вообще — они живут в другом городе, так что и от ремонта в компании с ее папочкой я тоже был застрахован. О размене заговорил я сам, сам же его провенул. Папаше — однокомнатную, нам с Ингой двух...

— Ну, в общем, ясно. Избавь меня от бытовых подробностей, я и так уже чувствую, что начинаю зеленеть от тоски. «Всё стало вокруг голубым и зелёным».

— Сам напросился.

— Признаю. Налить?

— Валяй, — кинул я продолжил. — Свадьбы особой мы не сотворили, приглашенных было мало и денег подбивать не пришлось. Так... Нечто вроде плотного дня рождения. С тех пор, живем, хлеб жуём...

— С маслом хоть?

— С маслом, я не плохо зарабатываю. Правда, пахать приходится чуть ли не круглосуточно. Приползаю часа в три ночи, к холодильнику и баиньки... Ничего, жить можно. Насколько я могу судить, Ингу такой расклад до сих пор не напрягал. И никого она не ищет, смею уверить. Если б нашла, сказала бы — такой она человек. Держать такую дулю за спиной не станет. Но ей вполне хватает меня и работы. Хотя, надо признаться, в последнее время расстановочка сил несколько поменялась: сначала работа, а потом уж я, ненаглядный.

«Какого черта я несу... Зачем я это сказал?» — подумал. — «Надо прикусить язык пока не поздно.»

— А кто она по спецухе?

— Ну, как и я.

— Чё, водила, что ли?

— Ты что — совсем опух? Я же сказала: мы учились в одном институте. Она физик. Преподаёт она, понял?

— А-а-... Ну, тем более не мой вкус. Пьем или вечер пропал?

— Еще не вечер.

Выпили.

— А теперь расскажи, как ты с ней познакомился, — подражая перонажу Буркова из «Иронии судьбы», спросил я.

— Я пошло подвёз ее на машине.

— Ясно, что не на велосипеде. И всё?

— Не совсем. Я подвез ее, подождал, когда она переоденется, и мы поехали в ресторан. Ну потом мы приехали сюда и...

— Ясно. Можешь не продолжать, я знаю, что происходит между мальчиком в девочкой в отсутствии родителей. Мне вот что не понятно: ты сказал, что она замужем. Мне представилось, что это должно усложнять процесс знакомства, во всяком случае — процесс сближени. А у вас...

— Дружище, о чем я и толую! В этом коренное отличие замужней женщины от свободной. Свободную надо обхаживать, а замужняя знает очень простую вещь: чтобы не случилось, она должна быть дома до прихода мужа, на плите должна быть жарка, а от неё (то есть от жены) не должно пахнуть чужой спермой. Так что если возникает взаимная симпатия — чего зря время терять? Вот и вся схема, если упрощенно. Ясно теперь?

— Ты удивляешь меня, Марик. Мне иногда трудно уследить за твоей мыслью, но я почему-то чувствую, что ты не прав.

— Потому и чувствуешь, что я прав, потому, что я прав... Блин... Я пьяный, кажется. Говорила мне мама: не кури, когда выпьешь.

— Ты не закусываешь и хрена.

— Верно. Надо кишкануть. Пошли на кухню. Эти креветки годятся разве что для пива... Там я продолжу давить на тебя своим неожиданно проснувшимся интеллектом.

Марик сделал музыку погромче — так, чтобы было слышно на кухне, и мы отправились в экспедицию за пропитанием. Нас уже слегка пошатывало. Я оглянулся на бутылку — в ней недоставало половины. Н-на...

— Н-да...

— Что ты там бурдишь? — поинтересовался Марат, обслеждая холодильник.

— Да так... Если мы будем придерживаться заданного темпа возлияний, то в Новый год рискуем хорошо выспаться.

— Так... Прилично Лика наготовила... Ну, этого трогать не будем... Боишься, налижемся? — повернулся он ко мне. — Херня.

— Это тебе, может быть, херня, но ты не забывай, что я таксист и потому человек малопьющий. Тем более, что я хронические не высыпаюсь.

— Так, а вот это, пожалуй, уничтожим, — пробормотал он, выныривая из олодильника со сковородкой, — всё равно два дня стоит... Не бойсь. Если моя перцововчка действует на меня, почему ей не действовать и на тебя? — он водрузил сковороду на плиту. — И потом, Лика придет только часа часа через три-четыре. Даже выспаться успеем, если что.

— Хорошенькое мнение у нее тогда обо мне сложится! Она вообще курсе, что будет кто-то, кроме двоих?

Сковородка на плите начала шкворчать. Аппетитно запахло жареным мясом. Марат накрыл его крышкой и сел за стол напротив меня.

— То, что будешь именно ты, она, понятное дело, не знает. Просто... я ей сказал, что жду гостей. Кого и сколько, она не знает. Просто я сказал... что придет один

друг... может.. еще кто...нибудь, — последнюю фразу он жевал минуты полторы. Глаза его медленно закрылись. Я толкнул его:

— Э-э-э! Не спи — замерзнешь! И выключи к гребням эту скороводку. Сгорит ведь.

— Пра-а-шу пардону. Бля, правда — провалился. Дела...

Он снял мясо с плиты, поставил на стол и достал две вилки.

— Хавай.

— А хлеб в этом доме есть?

— Ё-моё, — капризно протянул Марик, — сейчас порежу.

— Не надо — я не ем хлеба.

— А чего тогда мозги канифолишь?

— Для аппетита. Кстати — тебе не кажется, что пора выпить твоей знаменитой настойки?

— Ты прав.

— Да и я не откажусь.

— Само собой. Только учти — это вещь термоядерная.

— Как раз то, что нужно.

Марат порывлся в одном шкафчике, в другом...

— Странно... Где она может быть? А-а-а, — нагнувшись, вытащил из помойного вдера плоскую бутылочку из-под смирновки, выругался и пояснил: — Оказывается, я вчера с вечера, когда вдатый пришел, всё прикончил. Ладно, хер с ней.

— Конечно. Тем более, если судить по твоему утреннему состоянию, как ты ни бодрился — помогает она мало.

— Нормально помогает... А ты чего не ешь?

— Ем.

— О-кей, — он уселся и тоже вооружился вилкой. — Будем довольствоваться тем, что есть. Тем более, что я почти протрезвел. Наверно, всё-таки успел поспать

несколько секунд. Это у меня всегда так — хоть секунду посплю — и всё. Можно квасить дальше. А ты?

— А я — нет. Я же не дельфин, чтобы по несколько секунд спать.

— Тогда закусывай.

— Угу. Кстати — я тоже протрезвел.

— Тогда допьем. Даже если ты и врешь — всё равно. Допьем.

— Как знаешь — не мне девушку принимать.

— Принимать будем водку!!! — заревел Марик и, смотавшись в комнату, принес бутылку и рюмки. — Веселье продолжается. Будешь пить?

— А... Давай, — махнул я рукой. Мне уже было, в общем, наплевать. — Ещё рюмка — и мне покажется, что я даже более привлекателен, чем по трезвухе. Есть у меня такой синдром.

— За синдром!

— За синдром!!!

— А если ужремся, — то не пустим Лику. Ну её к чертовой матери. Пусть торчит на улице.

Поддав и утолив первый голод, мы развалились на стульях и, дымя сигаретами, пустились в воспоминания.

— Знаешь, что я сейчас вспомнил? — со смехом проговори Марат.

— Ну?

— Как ты скрипку заблевал на дне рождения у Светки Ивиной. Помнишь?

— Помню... Нашел, что вспомнить. А главное — к чему? Почему именно это?

— Не, ну, согласишься — это было круто! — ну унимался Марат. — Главное — она играет, всё так благородно... А ты встаешь из своего угла, скрипку у неё хвать... Типа... Что ты ей сказал, я уже не помню?

— Что-то насчет того, что у неё постановка руки не правильная.

— А, ну точно! Мне, говорит, показывали... Локоть

должен ходить так, кисть — этак... Всё уши развесили, а ты пьянющий до синевы стоишь, показываешь...

— И тут ты, падла, выпил водку прямо напротив меня.

— А ведь я спецом, спецом!

— Сука... И рожу ещё такую соорудил, как будто засадил стакан ссак.

— Примерно. Не помнишь разве, какой бутер мы тогда пили? Спиртыга разведенный. Спирт «Рояль» помнишь? Полста на полста разводили.

— Да помню я...

— Я выпил, а ты смычком, так: квэ-э-э-икх! И ка-а-к блеванешь. Скрипочка, кстати, чуть ли не кремоновская. Да...

Мы посмеялись.

— А ты тоже тогда отличился, — принял эстафету. — Пошел на улицу поссать и навернулся в овраг. Сколько ты там пролежал в снегу? Часа два, наверно?

— Да, часа полтора полного отрубца. Ладно, хоть ширинку успел застегнуть, а то отморозил бы всё своё хозяйство к едрене фене. Это бы окончательно испортило мой характер. Послушай, а сколько уже натикало? Два уже есть?

Он посмотрел на часы, его лицо вытянулось.

— Как? Уже шесть? Не может быть?

— Конечно, не может, — я глянул на свои. — Сейчас всего три. Наверно, ты забыл завести.

— Точно. А я уже сачканул. Слава аллаху. Послушай, а зачем это мы так набрались, а?

— По-моему, ты сам этого хотел. И потом — я не вижу, что чтобы ты сильно отличался от себя двухчасовой давности.

— Да? Наверно. Впрочем, всё пустое. Знаешь, по-моему нам пора освежиться. Как насчет того, чтобы прогуляться? Времени у нас до хрена.

— Вообще-то, можно бы... Только куда? Есть

идеи?

— Есть, — Марик поднялся, его слегка повело в сторону и он был вынужден схватиться за спинку стула. — Ух, ё... Для начала пройдем в гараж.

— Ты что, собираешься за руль? В таком состоянии...

— А что моё состояние? Между прочим, только в таком виде я и не боюсь садиться за руль.

— Гм...

— Да ладно, я пошутил. Пойдем, я просто хочу кое-то тебе показать.

Мы прежним путем попали в гараж. Марик с трудом нащупал на стене выключатель — «...за каким хреном я свет вырубил...» — и провел меня в дальний угол, где стоял старый-престарый мотоцикл, как мне показалось сначала — «Урал». Марик хлопнул его по полному, судя по звуку, бензобаку и осведомился:

— Как лошадка? Нравится?

— Смеёшься? Зачем ты держишь железку? Навоз перевозить?

— Вот придурок! — засмеялся Мари. — Ты что — совсем ничего в мотоциклах не понимаешь?

— Бог миловал, — сказал я несколько уязвлено. — Впрочем, «Урал» от «Харлей Дэвидсона» как-нибудь отличу. Это например, точно не «Харлей».

— Но и не «Урал», промежду прочим. Зацени, — Марик взял мотоцикл за руль и, поднатужившись, выкатил его на более освещенное место. — Это же не что-нибудь. Это настоящий «БМВ» времен второй мировой. Недавно по случаю купил. Движок — закачаешься. Зверь. Э, да что с тобой, мудаком, разговаривать...

— Так это «БМВ»? Здорово! — я обошел мотоцикл кругом, навалившись на люльку, проверил рессоры — в порядке. — А что это? — указал я пальцем на странное приспособление спереди люльки.

— А здесь, милый мой, плохие немецкие парни ус-

танавливали пулемёт.

— Так он что — действительно трофейный? (Сколько же он стоит? — хотел спросить я, но удержался.)

— Ну да! У одного нуждающегося коллекционера приобрел. С детства ташу в дом всякую гадость... Хочешь прокататься?

— Ты что — сдурел? Что мы — клоуны?

— Ну, ведь прикольно же!

— Зима же на улице...

— Да мы недолго, вокруг дома...

— По сугробам? Это же не аре... аэросани.

— А ты думаешь, что форицы зимой в аэросонях рассекали?

— У них какие-то специальные самоходки были...

— Ну и зануда же ты.. Какого черта?! Да у нас тут и сугробов-то нет. Давай!

— Ну, ладно, давай. Хрен с тобой. Но только вокруг дома и потихоньку.

— Блядь, ну ты как баба, честное слово.

— Ты псих, честное слово, — сказал я, усаживая на сидушку позади водительской и вздохнул. — Заводи...

— Куда ты уселся? Садись в люльку. И потом — ты что, раздеедм поедешь? Я ещё псих... погоди, сейчас что-нибудь найдем, — он открыл шкаф, завешанный старыми шмотками, порылся там и вытащил пуховик с жирным пятном на спине. — На, облачайся.

— А ты? — спросил я, с омерзением напяливал на себя этот хлам.

— А я вот эту телогреичку...

— Давай лучше мне телогрейку! Что я, как пидор, буду в этом бабском рванине!

— Ты же гость, тебе можно.

— Скотина...

— Заткнись, русише швайнхунд... И вылезай, кстати, можешь мне его выкатить. Не хочу здесь заводить, воничу развезем.

Я чертыхнулся и вылез из люльки.

— Слушай, а ты пулемет случайно не приобрел вместе с этим сепаратором? — сдуру осведомился я. — По окнам бы постреляли...

— А это идея! — обрадовался Марик и бросился к какому-то внушительных размеров сундуку. — Сейчас поглядим, что тут у нас есть...

— Да ты что? Пошутил же, — я не на шутку испугался. С Марика станется...

— Какие мы с тобой сегодня оба шутили, — протянул тот, роясь в сундуке. Раздавалось красноречивое металлическое позвякивание. Я живо представил себе автоматы, пистолеты и прочий убойный арсенал. — Когда два таких шутника, как мы, — да ещё пьяные! — выбираются на прогулку — добра не жди. Обязательно полпоселка сожжем.

— Я сейчас домой уеду, клянусь...

— Не клянись. Вот, держи лучше, — он бросил мне черный продолговатый предмет, который я машиально поймал. Продолговатый предмет оказался игрушечным пулемётиком. Я повертел его в руках, нажал на спуск — пулемётик послушно затрещал.

— Откуда у тебя это? Неужели с детства хранишь?

— Нет, я не настолько сентиментален. Для племянника держу. У меня же племянник есть. Когда наезжает (в смысле — в гости), мы с ним в войншку играем... подрастет — пейнтболом побалуемся... Играл когда?

— Нет... А ты что — безоружный поедешь?

— Да вот ищу... Ага! Вот он, мой любимый...

Марик извлёк из сундука «автомат». «Вот придурки,» — подумал я. Прочем, хоть я и рыпался, корча недовольство, но от моего критического отношения ко всему этому мало что осталось — я был пьян, как сапожник. И мне уже самому не терпелось устроить какую-нибудь дурь. Тем более, что Марик сопротивляться бесполезно. Если на него нашел такой стих, он и дома устроит шоу. Так хоть проветримся, в самом деле.

Марик между тем перекинул ремень автомата через плечо, распахнул двери гаража и, взявшись за руль мотоцикла, крикнул:

— Ну, помогай, чего уставился!

Я швырнул пулемёт в люльку, приналёг, и общими усилиями мы выкатили мотоцикл на улицу.

— Закрой гараж, — приказал Марик. — Да просто прикрой и всё, ничего с твоей машиной не случится.

Я послушишался. Марик, матерясь, с десятой попытки завел мотор, уселся в седло и проорал сквозь вонь и пердеж старого движка:

— Усаживайся, майне кляйме!

Я уселся и пристроил пулемет в гнездо.

— Удобно?

Я кивнул.

— У тебя там под ногами поллитра должно быть — ты сунь его в карман, а то разобьётся к чертям. Да, хлебни, что ли, а то у тебя рожка кислая.

Я нашарил бутылку, послушно открыл ее и сделал большой глоток. Не знаю, изменилась ли моя рожка, но мне по-моему полегчало. Ситуация стала меня забавлять.

— Будешь? — осведомился я, потягивая Марику водка.

— О, Данке, херр машиненгевехрштутзе, — он хлебнул. — От винта!

Мы с рёвом выкатили во двор, проскочили в раскрытые ворота и помчались по дороге.

—Эй, эй, мы так не договаривались! — закричал я, но этот кретин толко заржал, отхлебнул еще, вернул мне бутылку и прибавил скорость.

Мотоцикл мотало из стороны в сторону — я готов был поклясться, что Марик нарочно проделывал эти выкрутасы, чтобы напугать меня. Но очень скоро я набрался и мне стало накладно на возможную опасность перевернуться или влететь со всей дури в дерево или столб.

- Ну, что, круто? — орал Марик!
- Круто, только давай назад!
- Назад?! Нет, погоди, мы сыграем шутку!..
- Что ты говоришь?!
- Ничего, сейчас сам увидишь! Постреляй хоть!

Перебrehиваясь таким образом, мы проехали еще полкилометра и свернули в какую-то просеку. Не углубляясь в неё, Марик сбавил скорость, осторожно развернулся и остановился совсем, не глуша мотор.

– Какого черта мы здесь стали, Марик? — поинтересовался я. — Поехали домой — сейчас твоя Лика придет...

- Подожди...
- Мы замёрзнем, наконец!
- Да заткнись ты, зануда... Я же обещал тебе шутку.
- Какую еще шутку? Мне всё это не нравится.
- Брось, разве тебе не понравилось? Сам же всю дорогу стрелял не переставая.
- Разве? Не помню.
- Ну, да! Одной рукой стрелял, а двумя другими управлял бутылкой.
- Но зачем мы здесь?
- Тихо... Слышишь, машина едет?
- Ну...
- Помнишь, мы с тобой в школьной постановке эсесевцев изображали?
- Ну...
- «Ну...» — совсем опупел. Сейчас вспомним молодость.

НЕ ОКОНЧЕНО